

ПИОНЕР



май

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“, 1937г.

5

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в Издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 5

Май 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“



На Северный полюс прилетели большевики. Там, на дрейфующей льдине, сейчас живут и работают смелые советские люди. Герой Советского союза летчик Водопьянов, командир летного отряда экспедиции, доставивший зимовщиков на полюс, написал эту статью незадолго до отлета.

К Северному полюсу

*Михаил Водопьянов,
Герой Советского союза*

Зарождение идеи

Мысль о полете на Северный полюс зародилась у меня вскоре после челюскинской эпопеи. Тогда я перешел на работу в Главное управление Северного морского пути. А его задача — освоить не только Великий северный морской путь, но и весь советский сектор Арктики, в том числе и его вершину — полюс. Задача мне представлялась неотложной. Разрешить ее — значит намного ускорить дальнейшее освоение Арктики. На полюсе «заготавливается»

погода для всего арктического бассейна, и разрешение загадок полюса поможет нашим ученым задолго и точно предсказывать погоду и состояние льдов.

Как-то раз я высказал это Отто Юльевичу Шмидту. Он очень внимательно отнесся к моим предположениям и посоветовал прочитать несколько книг об исследованиях Арктики, подумать, посчитать и представить ему обоснованный проект высадки с помощью самолетов научной зимовки на полюс.

Почти все лето 1935 года я потратил на изучение замечательных книг Фридриха Нансена и Роальда Амундсена, записок Роберта Пири, де Лонга и Эрика Норденшельда, заметок современников о плаваниях Баренца, Скотта и Седова.

Особенно тщательно я изучал материалы американского адмирала Бэрда. Бэрд посвятил значительную часть своей жизни исследованию Антарктики при помощи самолета. Ему удалось покружить на самолете и над Северным полюсом. Слов нет, за 10 или 15 минут, проведенных над полюсом, да еще на высоте птичьего полета, много наблюдений не сделаешь, а Южный полюс находится на материке, и его обстановка радикальнейшим образом отличается от обстановки Северного, но тем не менее наблюдения Бэрда имели для меня особенное значение: Бэрд — летчик и все время летает в Арктике или Антарктике на самолете. Значит, он смотрит на вещи с точки зрения авиации — как раз так, как нужно мне.

Я не ограничился иностранцами. У нас есть немало своих пилотов, летавших в высоких широтах Арктики. Я старался вызвать их на откровенность, просил рассказать об условиях полетов в тех местах. И разговоры с Бабушкиным, Чуховским и некоторыми другими товарищами дали мне то, чего я никогда бы не нашел в книгах: живой опыт полярных пилотов. Очень многое мне удалось почерпнуть из бесед со старым полярником Иваном Дмитриевичем Папаниным. Он был первым начальником зимовки на Земле Франца-Иосифа, я же был уверен, что именно этот архипелаг должен послужить базой предстоящей экспедиции. Мы много вечеров провели над большой картой Земли Франца-Иосифа, рассматривая очертания многочисленных островов архипелага. Я заставлял Папанина припоминать мельчайшие подробности о каждом из островов, оценивая их пригодность для авиационной базы. И мы пришли к выводу, что больше всего подходит для этой цели остров Рудольфа, расположенный на 82° северной широты. На нем есть большие ледниковые плато, представляющие собой естественные аэродромы.

Мне самому хотелось изложить свой проект на бумаге, но не коротко и сухо, а живо рассказать о нескольких вариантах полета, представить все так, как бы оно происходило на самом деле. Свое намерение я скоро осуществил и повез Отто Юльевичу повесть «Мечта пилота».

Отто Юльевич очень заинтересовался книгой, и мы проговорили целый вечер. Тогда я высказал все сомнения.

— Мне немало пришлось полетать на севере, — говорил я, — мой самолет проходил и над тайгой Сибири, и над сопками Дальнего Востока, и над снеговыми пустынями Охотского побережья, и над изломанным льдом Чукотского моря. Опыт полярных полетов вообще у меня скопился изрядный. И все же меня беспокоит одно: я летал до сих пор преимущественно в восточном секторе Советской Арктики. Летать на западе мне никогда не приходилось. А условия востока и запада резко отличаются друг от друга. Значит, составляя проект, я не могу полностью опираться на собственный опыт. Условия запада я знаю только по печати и по рассказам товарищей. А дело мы затеваем слишком серьезное, чтобы обосновывать его столь легковесно. Поэтому я и не решаюсь представить вам технический проект перелета. Мне хочется прежде всего самому побывать на западе, хотя бы на Земле Франца-Иосифа или на Шпицбергене.

Отто Юльевич обещал помочь. И скоро я получил приказ готовиться к перелету Москва — Земля Франца-Иосифа. Перелет я совершил в начале прошлого года, приобрел недостающий мне опыт полетов в западном секторе Советской Арктики и больше ничуть не сомневался в том, что Северный полюс можно покорить при помощи самолета.

Закончив перелет, я написал и принес Отто Юльевичу свой проект. Он одобрил его в основном, попросил сделать несколько исправлений и сказал, что я могу исподволь готовиться к экспедиции: присматриваться к людям, выбирать самолеты и т. д. Скоро мне сообщили, что проект утвержден правительством. Подготовка пошла полным ходом.

Готовимся к полету на полюс

Правительство дало нам задание — высадить научную зимовку, состоящую из нескольких ученых, на географическую точку Северного полюса. Начальником зимовки был назначен старый полярник тов. Папанин.

Это произошло в середине прошлого года. Мне было поручено следить за оборудованием самолетов и подбором летно-подъемного состава. А тов. Папанин должен был организовать базу на острове Рудольфа,

подобрать зимовщиков и подготовить все необходимое для зимовки на полюсе.

Лето 1936 года надолго останется в памяти советских полярников. Давно уже не было такой неблагоприятной ледовой обстановки буквально во всех морях полярного бассейна. Папанину было особенно трудно: закупка и погрузка оборудования для зимовки заняли много времени, и он вышел в плавание слишком поздно. Даже при хороших ледовых условиях плыть быто бы рискованно. К тому же большие ледоколы Главсевморпути были заняты проводкой судов в Карском и более восточных морях. Папанин получил в свое распоряжение небольшой видавший виды парход ледокольного типа «Русанов».

Экипажу «Русанова» предстояло выгрузить на остров Рудольфа горючее и продовольственные запасы для экспедиции и зимовки на полюсе и построить несколько домов, в которых весной смогут расположиться все работники будущей экспедиции. На «Русанове» же ехали на остров Рудольфа зимовщики. Чтоб подготовить там аэродром, ехали старый полярный пилот-орденоносец товарищ Иеске, штурман Л. М. Рубинштейн и механик Ю. А. Бесфамильный — однофамилец героя моей повести «Мечта пилота». Для тов. Иеске зимовка на острове Рудольфа окончилась трагически: он заболел и 19 января 1937 года умер.

Папанину удалось миновать обычное место стоянки судов на Земле Франца-Иосифа — бухту Тихую — и пройти севернее ее. Примерно на полулпу до острова Рудольфа, у Земли Елизаветы, «Русанов» попал в тяжелые льды. Машины его оказались бессильными для лобовой атаки. Две недели экспедиция боролась с тяжелыми, упорно дрейфующими на юг льдами. Только огромный опыт и нечеловеческое упорство помогли победить...

Большевик Папанин сдержал свое слово: он сказал, что пробьется на остров Рудольфа, и пробился. За шестнадцать суток на безлюдном острове построили два больших жилых дома, радиостанцию, гараж для трактора и вездеходов, мастерские, баню, теплый скотный двор, склады, радиомачты. Зи-



Так выглядит Северный полюс. Вернее, так выглядел он 12 мая 1926 года, когда над ним пролетела на дирижабле «Норвегия» экспедиция Амундсена, Элсворта и Нobile. Снимок и сделан с этого дирижабля. На ледяном поле видны три флага. Это флаги трех стран, участвовавших в экспедиции: Норвегии, Америки и Италии.

Полярный лед все время движется и ломается. Конечно, этой льдины сейчас на полюсе нет. Теперь на льдине близ полюса водружен флаг нашей родины, флаг Страны советов.

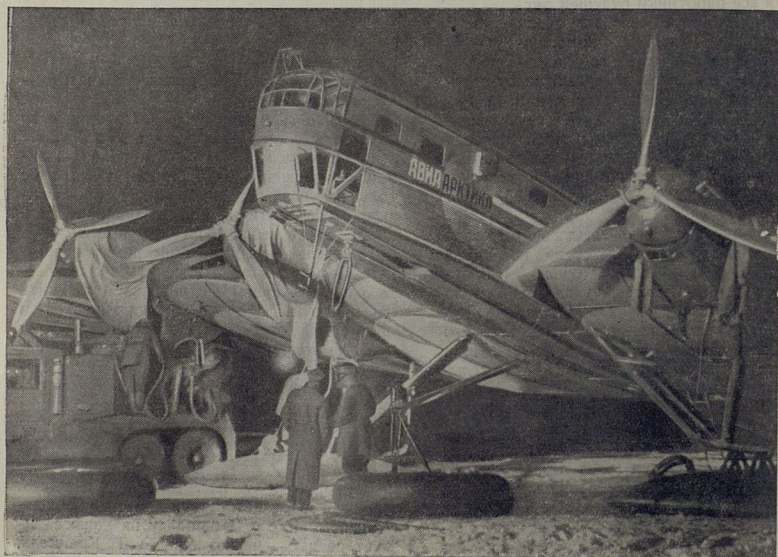
мовать на острове осталось двадцать человек.

Вернувшись в Москву, тов. Папанин стал подбирать состав зимовщиков. Требования к ним предъявлялись серьезные. Каждый зимовщик должен быть хорошим ученым не только в своей отрасли науки, но и в смежных, чтобы вести на полюсе широкие разнообразные наблюдения. А кроме того быть смелым, крепким, выносливым человеком. Ведь предстояло высадиться с самолета на дрейфующий лед полюса и прожить на нем год. Сколько неожиданностей и опасностей встретится в этом путешествии по воле волн и ветра! Правда, зимовщики будут обеспечены всем необходимым и связаны по радио с базой; правда, на базе будет все время наготове самолет, чтобы немедленно оказать помощь... Но все же от зимовщиков требуется недюжинное мужество.

Такие люди у нас, конечно, нашлись. Научный состав зимовки подобран очень удачно: вместе с Папаниным на полюсе зимует радист — челюскинец Э. Т. Кренкель, астроном-магнитолог Е. К. Федоров и гид-



Парторг экспедиции тов. Дагмаров, начальник дрейфующей станции «Северный полюс» тов. Папанин и начальник экспедиции Отто Юльевич Шмидт.



Перед отлетом из Москвы у самолетов сменили лыжи на колеса. В Холмогорах, где лежал снег, колеса снова сменили на лыжи.

ролог-гидробиолог П. П. Ширшов, он же будет выполнять и обязанности доктора зивки.

Непосредственной подготовкой к перелету руководили начальник полярной авиации М. И. Шевелев, его помощник по оперативной части летчик М. С. Бабушкин и помощник по технической части инженер Н. А. Уралов.

Мы посоветовались и пришли к выводу, что самыми подходящими для экспедиции будут тяжелые самолеты «АНТ-6». Но серийные машины не подходили для наших целей. Пришлось переделывать их коренным образом.

Я очень обрадовался, когда узнал, что в экспедиции примут участие лучшие полярные пилоты — Герой Советского союза Молоков и летчики-орденоносцы Бабушкин и Алексеев. Это намного облегчало работу.

Мой самолет — головной, флагманский корабль экспедиции. У меня на борту летит флаг-штурман майор Спиринов. Он не только ведет все звено от Москвы до острова Рудольфа: ему поручили и самое трудное — среди бескрайних ледяных полей, без карт, при полном отсутствии каких бы то ни было ориентиров, определить с воздуха географическую точку полюса и точно привести к ней самолеты. А это — дело очень и очень непростое.

Уже к концу прошлого года подбор людей для экспедиции был закончен.

Мы готовы

Мне много раз приходилось готовить экспедиционные полеты на север. И должен признаться, что на этот раз подготовка была особенно продуманной и тщательной.

Мы идем в экспедицию на самолетах. Несмотря на величину, грузоподъемность машин строго ограничена. У нас буквально каждый грамм на счету. Всякую вещь, которую нам было необходимо взять с собой, мы расценивали прежде всего с точки зрения ее веса. Здесь нам на помощь пришла бурно растущая промышленность нашей страны, с каждым годом осваивающая производство все более совершенных, более культурных вещей. До сих пор, например, я всегда брал на борт полуторамесячный, так называемый неприкосновенный запас продовольствия для экипажа. Теперь на борт каждого самолета погрузили трехмесячный неприкосновенный запас, а по весу он ока-

злся меньше полуторамесячного. Нам подобрали этот запас исключительно из продуктов концентрированной, повышенной питательности.

Точно так же обстоит дело и со всем снаряжением экспедиции и оборудованием самолетов. Мы взяли с собой только самое лучшее, самое прочное, самое легкое. Кстати сказать, у нас нет ни одной вещи иностранного происхождения. Все, на чем мы летим и что мы взяли с собой на полюс, построено на наших заводах, из наших материалов, руками советских рабочих.

Срок для подготовки такой небывало сложной экспедиции был короткий. И тем не менее мы вылетаем подготовленными «на все сто». Нас нигде, что называется, не жало, ничто не беспокоило, не осталось никаких хвостов. Это потому, что огромный коллектив, сотни и тысячи людей, десятки заводов самоотверженно работали над подготовкой экспедиции. Каждую минуту мы чувствовали, что наше дело дорого всему народу, всей стране, что за нами, еще не вылетевшими из Москвы, следят миллионы дружеских глаз и миллионы дружеских рук всегда готовы прийти на помощь. Легко и радостно работать с таким чувством.

Наш вожьд, великий и мудрый товарищ Сталин, направил внимание страны на освоение Великого северного морского пути. Под его руководством советские полярники одержали большую победу. Там, где были белые пятна на картах, где не ступала нога человека, — сейчас стоят полярные станции, живут и работают советские люди. Великий северный морской путь стал нормально действующей морской линией дальнего следования.

Эти грандиозные победы — плод внимательного, мудрого руководства товарища Сталина. Он вдохновил нас и на большую работу по подготовке экспедиции, помог нам, дал указания по основным вопросам научных работ на севере.

Вожьд, учитель, друг! Отправляясь в дальний путь, мы думаем о тебе, мы чувствуем твоё внимание и заботу, твою любовь к Арктике и ее борцам. Мы помним задачи и знаем, какие трудности стоят на пути. Мы не боимся трудностей и смело идем на преодоление их. Мы знаем: товарищ Сталин руководит нашим делом, заботится, думает о нас. А где Сталин, — там безусловная победа.

Полюс будет наш, советский, большевистский!

КАК МЫ ОТПРАВЛЯЛИ ЭКСПЕДИЦИЮ

*А. Е. Погосов,
комендант аэродрома
полярной авиации*

Люди пытаются достигнуть Северного полюса еще с конца прошлого столетия. Многие ученые и просто отважные люди брались за это и снаряжали экспедиции, но большая часть экспедиций кончалась катастрофой или — и это в лучшем случае — не приносила никаких результатов. И даже когда удавалось добраться до полюса, научные наблюдения были очень неполноценны и случайны. Ведь все, кто побывали на Северном полюсе, собственно говоря, не побывали на нем, а пролетели над ним, все, кроме американца Пири, да и Пири пробыл там всего несколько часов. Пири готовился к походу на полюс тридцать лет, почти всю жизнь. На собаках добрался он по дрейфующим льдам Полярного моря до того места, которое он принял за полюс, и через несколько часов тронулся в обратный путь. Но последние исследования материалов похода Пири показали, что, очевидно, Пири был не на самом полюсе, а километрах в ста от него. Таким образом нога человека еще не ступала на Северный полюс.

В результате всех экспедиций на полюс стало известно, что там находится океан, очень глубокий и покрытый вечными дрейфующими льдами.

Добраться до полюса пытались и пешком, и на собаках, и на кораблях, и на дирижабле, и даже на подводной лодке. И оказалось, что самый надежный путь к полюсу — воздух. Именно этот путь избрали советские полярники.

Советские полярники поставили себе задачу — добраться до полюса только тогда, когда уже хорошо изучили и освоили Арктику, разгадали много ее загадок. Но зато мы поставили задачу о полюсе всерьез — не только достигнуть полюса, но и пробыть на нем долгое время, основательно изучить эту таинственную точку нашей планеты.

Вот для этого-то и отправилась к полюсу большая воздушная высокоширотная экспедиция. Она высадила на лед четырех отважных полярников, четырех советских людей, которые целый год будут там жить

и работать. Возглавляет этот маленький отряд наших героических ученых тов. Папанин. Он старый полярник, зимовавший на земле Франца-Иосифа, в бухте Тихой и на мысе Челюскина. Второй зимовщик полюса — радист Кренкель. В его богатой полярной биографии есть несколько зимовок, в том числе зимовка в бухте Тихой в год ее основания и совсем недавно зимовка на Северной земле — на мысе Оловянном и островах Каменева, куда он был переброшен на самолете и откуда вернулся осенью 1936 года. Кроме того Кренкель — участник советско-немецкой арктической экспедиции на дирижабле «Граф Цепелин». Наконец, Кренкель — участник знаменитого похода «Сибирякова», когда впервые был пройден в одну навигацию Северный морской путь, и участник челюскинской эпопеи. Кренкель оставался на льдине в лагере Шмидта до последнего дня. Третий зимовщик — тов. Ширшов. Он также участник сибиряковской и челюскинской экспедиций. Поработал он и во многих других научных арктических экспедициях. Четвертый — тов. Федоров, зимовавший вместе с Папаниным на мысе Челюскина. Все они задолго начали готовиться к необычной зимовке.

Готовились не только они: готовились воздушные корабли, готовились пилоты, штурманы, механики. Много нужно было продумать, подготовить, сделать, чтобы благополучно долететь из Москвы до острова Рудольфа, а оттуда до полюса, высадить на лед зимовщиков и выгрузить их имущество. Нужно было учесть всевозможные варианты, предусмотреть все трудности и опасности.

Были мобилизованы все лучшие люди нашей полярной авиации, все лучшее нашей авиационной техники. Готовились упорно и долго. Всю зиму тренировались летчики и штурманы. Механики дневали и ночевали на заводе, где собирались и оборудовались самолеты, предназначенные для полета на полюс.

Всю работу по подготовке воздушной

экспедиции возглавлял Михаил Васильевич Водопьянов. Этим полетом он претворял в жизнь свою «мечту пилота». И это было не только его мечта, но и мечта всех полярников.



13 февраля. Получил приказание от Марка Ивановича Шевелева закончить все работы и переключиться на Центральный аэродром. Там будут находиться корабли, экспедиции и оттуда будут стартовать. Я доволен. Принять активное участие в отправке такой экспедиции — дело чести любого советского гражданина.

Сегодня день гибели «Челюскина». Ровно три года назад льды раздавили наше судно как грецкий орех. Ничего не напоминает тот день. Солнце, чуть заметный ветер. А тогда, помню, завывала пурга. Мороз доходил до 32 градусов. Трещал лед. Было пасмурно и пуржило. Штормовой ветер больно бил по лицу сухим льдом...

В такую ночь мы остались на льду. Ужасная ночь. Наспех поставленные палатки. Теснота. Федя Решетников наутро шутил: «Мы спали в три этажа! И мне повезло: я попал в середину. Только нижний попался беспокойный. Всю ночь ворочался». А я спал между ящиками с продовольствием; они, правда, не ворочались, но и не грели. Потом мы обстроились. Василий Сергеевич Молоков вспоминает, как он удивился, прилетев на наш ледовой аэродром и увидев на аэродромных палатках деревянные дощечки с надписями: на одной — «Аэропорт», на другой — «Вокзал — лагерь Шмидта»... Вторая палатка у нас была специально для отлетающих «пассажиров».

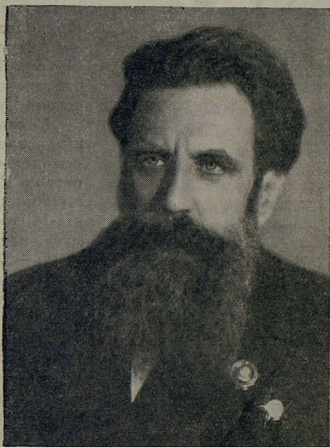
А Василий Сергеевич ничуть не изменился. Такой же скромный и милый. Только теперь он хоть немного разговаривает, а во время спасения челюскинцев почти ничего не говорил. Так и прозвали его «Молчаливый дядя Вася».

— Надо было работать, — оправдывается он, — не до разговоров было.

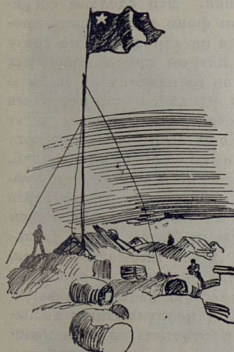
14 апреля. Наши штурманы перебираются на Центральный аэродром. Теперь вся их тренировка будет проходить там. Все трое: Жуков, Ритслянд и Аккуратов — довольны: не так далеко ездить.

Тренируются они упорно. Летают поодиночке и вместе. Летают по маршруту, вслепую, в плохую и хорошую погоду.

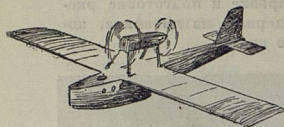
Мне как коменданту аэродрома полярной авиации пришлось принять самое деятельное участие в отправке и подготовке экспедиции. Вот выдержки из дневника, который я вел в это время.



Начальник экспедиции
Отто Юльевич Шмидт.



А ведь все трое имеют большой опыт работы штурманами в Арктике.



Жуков много летал вместе с Алексеевым на ледовых разведках и по нашим арктическим трассам. Ритсланд был штурманом на самолете Молокова во время его замечательного перелета по границам Советской Арктики и по полярным зимовкам на летающей лодке в 1936 году. Кстати, он очень похож на Молокова: такой же скромный и тихий.

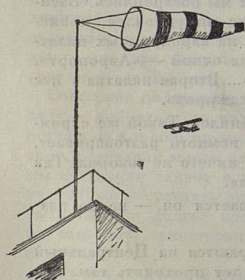
Аккуратов летал с Водопьяновым из Москвы на Землю Франца-Иосифа и обратно. А это, собственно говоря, был разведочный полет по трассе предстоящего перелета Москва — остров Рудольфа.

16 февраля. Сегодня перелетели из Подлипок на Центральный аэродром самолеты «Н-127» и «Н-140». «Н-127» — это самолет «П-5», на котором Водопьянов летал с Махоткиным на остров Рудольфа. Он прекрасно оборудован навигационными приборами и обслуживает штурманов в их тренировке. «Н-140» — это учебный самолет «У-2», наш «безотказный прикус», как мы называем его. Он у нас «на побегушках».

17—27 февраля. Изю дня в день упорная подготовка. У Марка Ивановича в кабинете штаб экспедиции. Все нити подготовки сходятся туда, на улицу Разина, 9. На аэродроме тренировка. Штурманской тренировкой руководит Спириин, старейший штурман нашей страны, участник рекордного полета Героя Советского союза Громова. Он будет флаг-штурманом экспедиции и летит на головной машине. Механиков и не видать совсем: они сидят на заводе, где собирают самолеты.

Больше всех достается Водопьянову. Он и на заводе, и на аэродроме, и в штабе. По его лицу всегда можно определить, успешно ли идут дела.

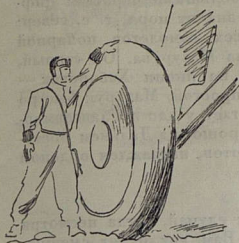
Один корабль, из тех, что полетят в экспедицию, уже на аэродроме — это гигант-самолет «АНТ-6» с четырьмя моторами. Он выкрашен в ярко оранжевый цвет. Только кромка его плоскостей синяя. Это сделано специально, чтобы они выделялись на белом фоне арктических просторов. И верно, самолет очень заметен на аэродроме, он сразу бросается в глаза, выделяясь ярким пятном среди остальных машин на снегу летного поля. Издали он не кажется очень большим, но когда подойдешь ближе, то удивляешься, как такая громадина подымается в воздух и летает. Одни колеса весят почти 500 килограммов, в диаметре они выше человеческого роста, а сделаны как обыкновенные колеса: с покрышкой, с камерой, с тормозами. Но еще больше поражает его размерам, когда попадаешь внутрь. По небольшому трапу через люк в брюхе влезает в большую, просторную комнату. Рукой не достать потолка. В стенах окна и двери. Затем, через узенький коридор — помещение механика. Здесь множество ручек, кнопок, рычажков и приборов. Справа и слева у окошечка сиденья. Отсюда можно пройти в пилотскую кабину, большую и просторную; вместо стен она закрыта целлулоидным колпаком — обзор во все стороны. Кабина рассчитана на двух пилотов. У каждого пилота штурвал и на передней стенке приборы. Они покрывают стенку сплошь. Так много этих циферблатов с дифрами и стрелками, что сразу трудно разобраться. Здесь все для вождения самолета в слепом полете: термометры, манометры, показатели скорости, наклона, авиогоризонты, компасы, счетчики оборотов, показатели давления воздуха, телефонная трубка, кнопки, выключатели, даже пневматическая почта



в штурманскую рубку. Моторов четыре — значит, и многие приборы в четырех экземплярах перед каждым пилотом.

Посредине кабины дверь — вход в штурманскую рубку. Это настоящая лаборатория небольших размеров. Здесь очень светло, потому что окна и наверху, и по бокам, и прямо впереди, так что видно кругом. Посредине стоит небольшое кресло, и перед ним — приборы. Вся рубка заполнена приборами. Одних только компасов четыре: радиокомпас, полугиротропический компас, обыкновенный штурманский и солнечный. Затем радио-аппаратура, радиопеленгатор, кнопки, штепселя, рубильники, трубки и много разноцветных проводов. Сбоку, слева, маленький откидной стол, стул и вешалка. Вся эта штурманская рубка, фонарем выдающаяся вперед, слегка напоминает застекленный киоск и, вероятно, потому называется у нас «Моссельпромом». На ее наружных стенках нарисован голубой вымпел Главсевморпути и написано: «Авиа-Арктика». Но, только выглянув из окошечка, вспоминаешь, что находишься не в лаборатории, а в самолете. Вправо и влево уходят плоскости с моторами и симметрично установленными трехлопастными винтами.

Внутри, вдоль плоскостей, коридоры для механиков — доступ к моторам и бакам. А в самый конец самолета можно пройти по длинному проходу, который сужается до маленькой кабины в хвосте. Всем этим проходам мы дали названия: от пилотской кабины до хвоста — Пилотский проспект; коридоры в плоско-



Разведывательный самолет экспедиции — самолет тов. Головина — в Холмогорах. Самолет подготавливают к дальнейшему перелету.

стях — Инженерные улицы; штурманская рубка — Штурманский тупик, а помещение механиков, где Пилотский пропеллет пересекается с Инженерной улицей, именуется Площадью механиков.

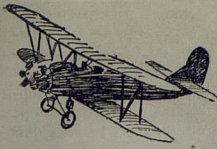
На бортах и плоскостях снаружи большими черными цифрами выведен номер «Н-169». «Н» — значит норд, т. е. север; с этой буквы начинаются номера всех самолетов полярной авиации. Это корабль Ильи Павловича Мазурука. Он старый, опытный пилот, летавший много лет на линии Хабаровск — Сахалин — Петропавловск. Веселый и простой, Мазурук быстро завоевал симпатии всех нас, хотя работает у нас в Главсевморпути недавно. Но летчики его знают хорошо: на Дальнем Востоке он считается одним из лучших пилотов, награжден орденом Красной звезды.

Как-то он, смеясь, рассказывал:

— Вы говорите: опыт у меня. Был случай, когда несмотря на весь этот опыт я попал впросак. Вам вот будет смешно, а мне не до смеху было. Мы должны были лететь из Александровска на Сахалине на материк. С пассажирами. Были и женщины с детьми. Машина была перегружена, да к тому же было время отлива. И вот, выруливая из бухты, мы сели на песчаную мель. Я дал полный газ — машина ни с места. Вылезли мои механики в воду и толкают. А я помогаю моторами. Не идет. Крутится на месте, а не идет. Вижу: дело плохо, а время уже позднее. Вылез и я. Моторы остались на небольшом газу. Толкнули мы все вместе. Пошла машина, но так неожиданно, что выскользнула из рук и ушла. А мы остались на мели. Правда, бухта там закрытая; самолет скоро уперся в низкий берег и остановился. Но мы-то стояли на мели, с грустью смотрели на ушедший самолет и не знали, что делать. Ну, конечно, потом перебрались и в тот же день вылетели. Пассажиры даже не поняли ничего, но было обидно до чортиков.

На самолете Мазурука у нас тренируются. Собираются все летчики и летают, управляя поочередно: Молоков, Алексеев, Бабушкин, Козлов, Мазурук, Орлов, Крузе и Водопьянов. Их машины на заводе еще заканчиваются сборкой, поэтому все и летают на машине Мазурука.

2 марта. Сегодня, наконец, хорошая погода. Машину приготовили к полету. Первым делом подехали автоцистерна и заправочная машина с горючим маслом и водой. Они кажутся крошечными рядом с самолетом. Присосались длинными черными шлангами к самолету и питают его маслом, водой и бензином. Механики взялись у моторов. Наконец, автомашины отехали. Один за другим завертели винты. Самолет ожил и стал совсем другим: живым, трепещущим и не таким тяжелым на вид. Он слегка вздрагивает, как будто ему не терпится скорее взлететь в небо. Моторы равномерно гудят, вращая большие металлические лопасти винта. От их вращения вдоль плоскостей сверкают четыре сияния. Пилоты сегодня, словно сговорившись, пришли на час раньше обыкновенного. Солнце и ясная погода погнала их на аэродром. Забрались в самолет. За штурвал сел Водопьянов. Моторы работали безукоризненно. Водопьянов дал полный газ. За хвостом поднялся снежный буран. Моторы заревели на полной мощности, задрожал корпус корабля. Все в порядке. Дали знать команде и из-под колес убрали колодки. Машина пошла, покачиваясь крыльями. Из окошечка видно было, как вибрировали кончики плоскостей. Ослепительно сверкала



гофрированная плоскость широких крыльев. Самолет долго шел к старту. На поворотах то одна, то другая пара моторов начинала реветь, выбрасывая черные хлопья дыма. У старта машина развернулась и остановилась. Дежурный по полетам взмахнул флажком, и мы помчались, ускоряя бег. Все быстрее, быстрее бежало назад снежное поле. Самолет дрожал и грохотал. Мелькали люди стартовой команды, большое черное «Т», красные флажки линии взлета. Но вот колеса оторвались от поля. Самолет повис над несущейся куда-то назад землей и стал набирать высоту. Он как-то сразу успокоился и затих. Моторы стали гудеть тише и музыкальнее.

Сделав большой круг, самолет сел. Затем снова взлетел. И так весь день. Поочередно все пилоты садились за штурвал и вели самолет на взлет и посадку.

Уже солнце склонилось к горизонту, когда самолет поставили на место. Как только заглушили моторы, сразу стало необычайно тихо и раздался голос Водопьянова в пилотской рубке. Он говорил Мазуруку:

— Поставим самолет на лыжи. А то и поле портим: колесами траншеи рвем,— и трясет сильно.

3 марта. Утром привезли лыжи, большие тяжелые, похожие на речной глиссер. На дократе подняли самолет и, сняв колесо, подвесили лыжу, потом другую. Самолет стал коренастей.


Народу попржежнему много, и работаем до позднего вечера.

4 марта. От солнца снежная поверхность аэродрома сделалась липкой, и самолет долго не отрывается. Решили для тренировки улетать на Истринское озеро. Послали Орлова на «примусе» разведать лед. Орлов — второй пилот с молаковской машины, молодой красивый парень, большой работяга — без спору выполняет всякое задание. Я это пишу потому, что не особенно приятно летать «на побегушках» на «примусе» после таких машин, как «АНТ-6». А Орлов летает.


«Примус» — «У-2» — у нас посыльный. По первой необходимости гоняем то за тем, то за другим на соседние аэродромы.

Орлов, вернувшись, доложил, что озеро пригодно для посадки. Надо только проверить прочность льда.

6 марта. Хорошая погода. Летали на озеро. Сначала слетал туда Богданов и сбросил бомбы. Они оставили на льду воронки, но трещин не было, — значит, лед прочный. Полетели, забрав с собою свое «Т» и флажки. В самолет набралось человек 35. Весь день летали на озере.



7—12 марта. Изю дня в день наши аэродромные лихорадочные будни: полеты, работа на самолете, установка приборов и их испытание. Алексеев уже перегнал свою машину, ждем со дня на день самолетов Водопьянова и Молокова. Наш «примус» по несколько раз в день летает на завод и обратно. На другом конце аэродрома стоит самолет Головина — «СССР Н-166». Это самолет тоже конструкции Туполева, «АНТ-7», младший брат наших четырех близнецов. Такой же оранжевый, такой же ширококрылый. Только у него два мотора. Головин также летит на остров Рудольфа. Он будет как бы разведчиком эскадрильи тяжелых кораблей и собирается вылететь раньше.



13 марта. Прилетели самолеты Молокова и Водопьянова. Теперь на аэродроме вся эскадрилья в полном составе. Работа кипела еще крепче. Работают на всех машинах. Устанавливают радиостанции, автопилоты, радиопеленгаторы. Приходит бригады всех заводов, связанных с экспедицией, все понимают и чувствуют серьезность поставленной перед экспедицией задачи.

Тихо и незаметно работают у машины «СССР Н-171». Это корабль Молокова. Второй пилот Орлов трудится наравне с механиками. Да и сам Василий Сергеевич не отходит от машины и не гнушается любой грязной работой.

Рядом с молоковским стоит самолет Алексеева — «СССР Н-172». Второй пилот его — Козлов, друг и старый соратник Алексеева по арктической работе. Оба они старейшие полярные летчики. А старший бортмеханик Сугробов — неразлучный спутник Алексеева в его полетах в Арктике. Изучили они друг друга досканально и понимают с полуслова. Был случай, когда во время полета на одну из полярных станций Алексеев, не надев предохранительных очков, ослеп от блеска снега. Он продолжал вести машину по указанию Сугробова и благополучно посадил ее на аэродром.

На машине «Н-170» командир — Водопьянов, он же командир звена; второй пилот — Бабушкин; бортмеханик — Бассейн.

Теперь уже тренировки прекратились: остались считанные дни до отлета, и каждый занят своим делом. Штурманы налаживают все радиостанции, приемники, устраняют диверсию, т. е. отклонение, всех компасов и проверяют работу радиопеленгаторов.

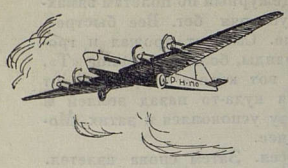
14 марта. Стали возить имущество и грузы экспедиции. Скоро начнется погрузка в корабли. Все машины переставили на лыжи. Мазурук улетел на завод для смены моторов перед полетом. Ведь на его машине прошла вся тренировка.

15 марта. Испытывали специальные химические бомбы с красящим веществом, которые оставляют на снегу яркие, расплывающиеся в большие пятна, следы. При посадке на гладкую блестящую поверхность эти пятна помогают летчику определять высоту, затем, они видны издали и служат прекрасными ориентирами, помогают штурманам определять снос, истинную скорость самолета и т. п. Ведь на льду не так-то легко найти заметный ориентир.

Стали загружать самолеты. Все грузы: запасные части, обмундирование, теплую одежду, меховое снаряжение — распаковываем и равномерно распределяем по всем закоулкам, а предварительно все взвешиваем. Всем этим ведают вторые пилоты, которые, кроме своих пилотских обязанностей, несут и хозяйственную работу как старшие помощники на судах. Главный весовщик у нас — Михаил Сергеевич Бабушкин. Грузы все под-



Герой Советского союза
летчик В. С. Молоков.



возвоя и подвозится. И все это исчезает в больших кораблях совершенно незаметно.

На завтра назначен отлет Головина.

А весна дает о себе знать. Аэродром превратился в большое блюдо, полное снеговой каши. Только по утрам, прихваченное ночным морозом, оно чуть затвердевает. Но зато каждое утро туман закрывает горизонт.

Всякие полеты прекратились.

16 марта. Головин должен был улететь, но погода не позволила. Летной погоды нет по всей трассе. Все аэродромы по пути закрыты. Грузим на корабли неприкосновенные запасы, запааянные в небольшие ящики из белой жести. Сима Иванов, радист флагманской машины, испытывал на земле аварийную радиостанцию.

17 марта. Сегодня пробовали изготовленный научно-испытательной станцией НКТП парашют-тормоз. Эт идея Водопьянова, претворенная в жизнь молодым начальником станции Титовым. Устроенный в самом хвосте самолета, парашют во время посадки освобождается от стягивающих его шнуров и амортизаторов и, раскрывшись большим зонтом, сокращает пробег самолета по гладкому льду или снегу. При посадке на ледяные аэродромы, где грудно рассчитывать на большие площадки, такой тормоз был бы весьма кстати. Испытания показали пригодность тормоза: он останавливал бег корабля весьма заметно. Водопьянов доволен. Еще более доволен Титов.

Головин снова собирался улетать, но так и не улетел. Погода мерзкая. Дождь со снегом. С утра был густой, тяжелый туман. То же самое по всей трассе. Аэродром — смесь воды и снега.

Как только объявили, что полет откладывается, Головина увезли в Кремль. Там сегодня вручение орденов группе работников Главсевморпути. В числе награжденных Алексеев, его механик Сутробов, Головин, Козлов и ряд других.

18 марта. Слякоть. Снег и дождь попеременно. На поле стали появляться пропелшины голой земли. Из Вологды сообщили, что и там то же самое. В Архангельске тоже тепло. Это начинает беспокоить. А корабли стоят на льжах. Но это еще полбеды. Лыжи можно быстро сменить на колеса. Головин, конечно, не вылетел. Решено вылетать всем вместе. В Москве задерживаться больше нельзя, хотя времени в запасе много. Надо убежать от московской весны подальше на север.

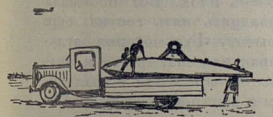
19 марта. Аэродром совершенно побурел. Воды больше чем снега. Местами целые озера.

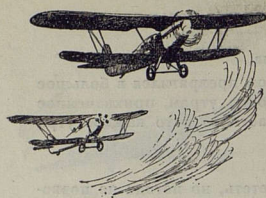
20 марта. В 5 часов после полудня позвонили по телефону:

«Завтра, 21-го, утром старт. Предупредить весь летно-технический состав. Заправить машины горючим и маслом на 5½ часов полета. Сменить лыжи на колеса. Лыжи отправить на платформах в Архангельск, прицепив их к пассажирскому поезду».

Все понятно. В нашем распоряжении ночь, или, точнее говоря, 12 часов. По сообщению бюро погоды, завтра представится единственная возможность улететь в течение ближайших нескольких дней: кратковременное прояснение. Прозевать ни в коем случае нельзя...

21 марта. Улетели!.. Старт был замечательный. Но как пришлось поработать! Какая была ночь! С трудом уговари-





ли пилотов и механиков экспедиции отправиться по домам для отдыха, сна и сборов. В течение ночи переставили корабли с лыж на колеса. Работали при свете прожекторов. Автоцистерны, подымая за собой волну брызг и водяной пыли, подъезжали к самолетам и заливали их бездонные баки бензином. В заправочных машинах грели масло и воду. Лыжи, снятые с самолетов, немедленно увозились на Северный вокзал и грузились на платформы. К шести часам утра, когда стали собираться механики, все уже было готово. Стали запускать моторы. Между тем собирались члены экспедиции. Их всех легко было от-

личить от огромной массы провожающих по высоким экспедиционным ботинкам и коротеньким кожаным курткам до пояса, из-под которых выглядывали синие свитера. Приехал Отто Юльевич Шмидт, начальник этой экспедиции. Бергавинов на аэросаях носился по аэродрому, проверяя готовность кораблей. Вот вылетел Головин и пронесся оранжевой стрелой над стоящими в полной готовности самолетами экспедиции.

Дали сигнал готовиться к отлету. Моторы запускались один за другим. Стали прощаться. Я предусмотрительно распрощался со всеми раньше, зная, что во время старта мне будет некогда. Особенно горячо прощались с группой Папанина. Все четверо: Папанин, Кренкель, Ширшов и Федоров — пожимали тянувшиеся к ним со всех сторон руки.

Наконец, все расселись по местам. На старт стал начальник Центрального аэродрома полковник Равичер. Первым пошел на старт Водопоьянов, следом за ним — Мазурук, потом — Молоков и Алексеев. Подымая за собой вихрь из снега и воды, поблескивая на солнце полированными бортами, оранжевые машины рулили в самый дальний конец аэродрома: нагрузка у всех большая, а аэродром плох, очень плох. Вот побежала первая машина. Десять, двадцать, двадцать пять секунд, еще секунда — и самолет стал набирать высоту. Гул моторов заглушал крики провожающих. Затем вторая машина, третья и четвертая. Ровно в 12 часов 30 минут все четыре были в воздухе. Сделав большой круг над аэродромом и выстроившись, корабли легли на курс nord.



Один из четырех участников зимовки — радист и метеоролог Э. Т. Кренкель.





СКАЗКА ПРО ТОШИНОГО СЫНА

Радуле М. Стийенский

Рис. Ю. Кискачи

Перевод с сербского А. Штейнберга

В мартовском номере нашего журнала за прошлый год помещена сказка Радуле Стийенского про Тошу. Может быть, не все ее помнит?

В ней рассказывается, как юнак Тоша принес однажды воды из волшебного лесного озера и поставил ее на огонь. Вдруг из котла выпрыгнула змея и проглотила Тошу со всем его хозяйством. Но горластый тошин петух заклевал змею и выручил Тошу. В брюхе змеи нашлось целое богатство: меховые шубы, жирный скот, драгоценности. Тоша женился, выстроил новый дом и зажил в нем с молодой женой. Теперь мы печатаем сказку про сына этого Тоши.

С той поры, как Тоша женился,
Разом счастье Тоше привалило:
Завелись и хозяйство и деньги,
Пистолеты в золотой оправе,
Гусли, выложенные перламутром,
И коровы, и овцы, и козы.
Стал он жить и поживать наславу,
Пил взамен воды вино молодое,
Ел баранину и чечевицу,
У костра валялся целыми днями.
Никогда не гасло пламя в огнище,
Перед домом лаил пес клыкастый,

На пороге мурлыкала кошка,
Куры с криком рылись в навозе,
И кадушка, где сбивают масло,
Длинный стап, из дуба долбленный,
До краев наполнен жирной влагой,
Сладковатым молоком овечим.
Зорко смотрит жена за хозяйством,
Бережет скотину и птицу,
Маленького сына качает.
А прилежный Тоша трубку куряг
И горланит воинственные песни —
Вот и вся его сложная работа!



Потянулись куры вереницей,
А за ними Пепо малолетний.

Но однажды жена сказала Тоше:
— Подтянись, мой муж трудолюбивый,

Загаси трехаршинную т рубку,
Песню оборви на полуслове!
Дом наш, словно полная чаша:
Есть коровы, овцы и козы,
Сотня кур, собака и кошка,
Молоко, баранина и сало,
Кукуруза, мука и чечевица,
Добрый мед, вино и ракия¹,
Только соли одной не хватает.
Я вчера качамак и сыр вареный
Послонила щепоткой последней.
Я пойду в Данилов-град на рынок,
Ты же, муж мой, останешься дома,
Будешь сына беречь и хозяйство,
Наблюдать за чистотой и порядком.
Да смотри, чтобы маленький Пепо,
Заигравшись, не выпал из люльки,
Да смотри, чтобы коршун мохноногий
Не унес наших курочек славных!
Чтоб вино из бочки не сочилось,
Чтоб собака не украдала сало,
Чтобы молоко в высоком стапе
Не досталось кошке на закуску.—
Так жена промолвила Тоше,
Поклонилась и пошла на рынок.

Распушил усы прилежный Тоша,
Гоголем прошелся по дому,
Заглянул во все закоулки
И не знает: чтоб ему придумать?
Как ему проявить свою заботу?
В это время Пепо неразумный,
Заигравшись, выпал из люльки,
Покатился по полу, заплакал,
Закричал, как сойка голубая.
Обмер Тоша, подхватил малютку,
Снял с него тесные пеленки,
Посадил на лужайку перед домом,
На траву, озаренную солнцем.
И поймал трудолюбивый Тоша
Пестрых кур и привязал друг к
друге,

И собаку — рыжего Маха —
Позовал к себе протяжным свистом,
К винной бочке привел его и крепко
Прикрутил собачий хвост веревкой
К плотной втулке, резаной из бука.
Маслобойку взял прилежный Тоша,
На спину взвалил ее проворно,
Притянул к спине ремнями тугими
И пошел к дымящему огнищу,

Чтоб сгрести золу с горячих углей.
Но, когда он согнулся над огнищем,
Молоко струею белопенной
Хлынуло из длинного стапа,
Залепило топины веки,
Угасило красные угли.
А за дверью малолетний Пепо
Ухватил одну из кур хохлатых,
Закричали куры, заматались...
В это время ястреб мохноногий
Зорким глазом на землю покосился,
Ринулся, как камень, на пеструшек,
Закогтил их и поднял в воздух.
Потянулись куры вереницей,
А за ними Пепо малолетний.
И, завидев зрелище такое,
Рыжий Мах рванулся и залаял,
Выдернул затычку из бочки —
И вино молодое загудело,
Черно-красным забило потоком,
Пьяной кровью землю напоило.

И услышал Тоша суматоху,
Плач ребенка, клекот кур плененных,
Плеск вина и лай собаки рыжей...
Побежал к порогу бедный Тоша,
Оттирая молоко ладонью,
Но опять произошло несчастие:
Зацепилась за дверь маслобойка,
Не пустила из дому Тошу,
Так в дверях застрял он, как заноза!
Между тем тяжелая добыча
Надоела коршуну изрядно:
Очень уж кричат шальные куры!
Перья разноцветные роняют,
Глупо машут куцыми крылами,
Сослепу клюют одна другую,
Да и мальчик ревет бестолково,
Надуваясь от натуги, словно тыква!..
И, устав от шумного груза,
Старый коршун вытянул шею
И разжал мохнатые лапы
Над лазурными водами Морачи.
И упали в лазурную Морачу
Связка птиц и Пепо малолетний.

Здесь на них накнулись форели
И сожрали кур в одно мгновенье,
А форелий войвод, седоперый
Рыбий князь, повелитель Морачи,
Растолкал своих подданных пяти-
стых,

Проглотил малолетнего Пепо.
И попал к нему Пепо прямо в жабры,

¹ Ракия — водка.

Прозколянул в пузырь и так запла-
кал,

Что рыбина прыгнула, как заяц,
И со страху плюхнулась на берег.
Прибежали рыбаки из Рогамы,
Видят: рыба небывалого размера
Бьется на песке и горько плачет,
Детским голосом зовет на помощь.

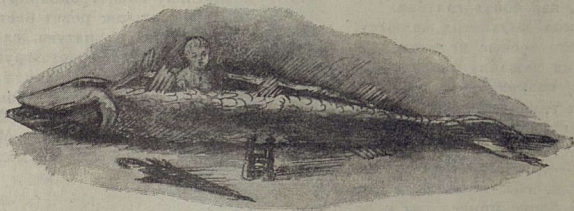
И послали рыбаки в Цетинье
За известным доктором ученым.
И приехал доктор из Цетинье,
Знаменитый доктор из Цетинье!
Он очки на длинный нос напялил,
Облачился в халат белее снега,
Вынул нож, над рыбой наклонился
И разрезал толстое брюхо.
Но в желудке рыбьего владыки
Не нашел он ничего такого,
Что могло бы испугать человека
Или удивить его безмерно!
Знаменитый доктор из Цетинье
Отыскал в желудке дохлой рыбы
Коровенку неприглядной масти,
Восьмикратный бинокль и зонтик
ветхий.

Стал он резать все дальше и глубже,
Вскрыл пузырь и вытащил младенца,
А вокруг стояли черногорцы,
Восхищаясь его искусством дивным.
И промолвил доктор из Цетинье,
Знаменитый доктор из Цетинье:
— Отвечайте мне, добрые люди,
Не родился ли сынок у Тоши?
Этот мальчишка весьма похож на Тошу,

Как одна свеча на другую!
Подтвердили черногорцы хором
Остроумную его догадку,
И ученый доктор из Цетинье,
Знаменитый доктор из Цетинье,
Взял подмышки смеющегося Пепо
И понес к родительскому дому.

И когда увидел Тоша сына,
Закричал от радости великой,
А жена заплакала от счастья,
Маленького Пепо обнимая.
И промолвил Пепо очень ясно,
В первый раз заговорил словами:
— Милый папа, дорогая мама!
Промочил я ноги в Мораче,
Хорошо бы промочить и горло,
Не водой, так вином виноградным!
Тут всюю разыгралось веселье,
Тоша выбил дно у новой бочки,
Заходила чаша круговая.
Зазвенели звонкие гусли.
Девять суток длилось пиrowанье,
Девять суток праздновали гости,
Был я тоже гостем не последним,
Пил вино и чокался с Тошей.
И запомнил я историю Пепо,
Записал на чистой бумаге,
Чтоб юнаки и малые дети
Удивлялись правдивым приключе-
ниям,

Радовались чудному спасенью
И смеялись, хлопая в ладоши!



Зорче, товарищи!

Многие ребята, когда смотрят «Чапаева» в кино, должно быть, думают: «Эх, жалко, что я не родился двадцатью годами раньше: летал бы я рядом с Чапаевым на коне, рубил бы белых, а если нужно было, то и погуб бы за мировую революцию». Мало ли таких ребят, которые свою парту готовы хоть сейчас сменить на самолет, на танк, на верхового коня?! А сколько взрослых готово оставить свою квартиру для окопов под Мадридом и свой станок или письменный стол для винтовки или пулемета! Кто из нас, настоящих граждан Советской страны, пожалеет отдать не только жизненные удобства, но и самую жизнь за нашу родину и за дело мировой революции?!

Скоро уже двадцать лет, как в нашей стране утвердилась советская власть. Каждый нынешний взрослый человек чувствует, что он живет вторую жизнь: одна кончилась до Октябрьской революции, другая началась после нее. И хотя у нас принято общее летосчисление так называемой нашей эры «от рождения христового», но каждый советский человек считает, что нашей эре идет сейчас не двадцатый век, а двадцатый год. Двадцатый год его второй жизни!

Для нынешних школьников, скажем, для наших читателей, родившихся 13, 14, 15 лет назад, никакой прежней жизни не существует: они жители нового мира, где все идет по справедливости, по высоким, человеческим законам, которые установил рабочий класс под руководством коммунистической партии. В этом новом мире слово «человек» звучит гордо. Человек нового мира — это трудящийся человек, никого не угнетающий и никем не угнетаемый. Этот новый мир — мир социализма — наша Советская страна.

Но старый мир ведь не исчез с лица земли: он существует; его территория в пять раз больше нашей. И там, на пяти шестых земного шара, люди живут еще по старым законам капитализма.

На глазах у старого мира мы не только выгнали старых хозяев нашей страны, но еще и переделали ее так, что все прежние

учебники географии пришлось переписывать наново с начала до конца.

Такая страна — смертельная опасность для всего старого мира. Она опасна не военной угрозой: наша могучая военная сила создана для защиты наших границ, а не для нападения на соседей. Она опасна просто тем, что существует. Это опасный пример. Защищая Мадрид от фашистов, испанские бойцы вспоминают красный Петроград 1919 года; французские коммунисты зовут на борьбу за свободную, сильную, счастливую Францию, против угрозы германского фашизма, застрельщика чудовищной мировой бойни; немецкие дети, отцы которых сидят в фашистских тюрьмах, думают про себя: «Есть на свете Москва!»

Нужно быть беспечным и легкомысленным человеком, чтобы думать, что капиталистический мир оставит в покое страну, которая одним своим существованием проглотит гибель старому миру. Можно ли думать, что наши извечные враги, глядя, как мы работаем, строим фабрики, заводы, улучшаем нашу жизнь и становимся сильнее, согласятся мирно существовать рядом с нами?!

Ведь самые дружные между собой капиталистические страны держат шпионов и вредителей в странах соседей-друзей. Нет буржуазной страны, которая не держала бы за пазухой камень, приготовленный для друга и союзника, чтобы стукнуть его по черепу, когда он меньше всего ожидает этого.

Можно вспомнить историю. В 1914 году, когда началась мировая война, Италия была союзницей Германии. Все ожидали, что вот-вот она вступит в войну на стороне Германии. А она неожиданно выступила на стороне ее врагов.

Но если капиталистические страны так относятся друг к другу, то сколько козней должны они готовить против страны социализма?!

Об этом напомнил всем забывчивым людям товарищ Сталин в своем докладе на последнем Пленуме Центрального комитета ВКП(б).

Сколько навредила нам отвратительная банда Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, Радека и остальных негодяев! Много ли их в нашей стране? Конечно, немного: их — кучка, нас — миллионы и миллионы. Но известно, что разрушать легче, чем строить.

«Чтобы построить Днепрострой, — говорил товарищ Сталин, — надо пустить в ход десятки тысяч рабочих. А чтобы его взорвать, для этого требуется может быть несколько десятков человек, не больше. Чтобы выиграть сражение во время войны, для этого может потребоваться несколько корпусов красноармейцев. А для того, чтобы провалить этот выигрыш на фронте, для этого достаточно несколько человек шпионов где-нибудь в штабе армии или даже в штабе дивизии, могущих выкрасть оперативный план и передать его противнику. Чтобы построить большой железнодорожный мост, для этого требуются тысячи людей. Но чтобы его взорвать, на это достаточно всего несколько человек. Таких примеров можно было бы привести десятки и сотни.

Стало быть, нельзя утешать себя тем, что нас много, а их, троцкистских вредителей, мало.

Надо добиться того, чтобы их, троцкистских вредителей, не было вовсе в наших рядах».

Троцкисты были нам особенно опасны, потому что большинство из них считалось членами нашей партии, им было все открыто как своим людям.

Несколько лет назад они еще защищали открыто свои неправильные, вредные для рабочего класса взгляды. Партия разоблачила и разгромила их предложения, которые были выгодны только капиталистам. Многие из троцкистов исключили из партии. Чтобы вернуться в партию, они сделали вид, что признали свои ошибки: они отрекались от своих взглядов, втапывали себя в грязь, олеивывали свою собственную программу.

Когда их судили, они пытались утверждать, что у них не было никакой программы, что они просто добивались власти для себя как честолюбцы, у которых отняли почести и власть. Оказалось, что и это ложь, что у них была программа. За несколько лет она изменилась и стала такой, что ее уже невозможно было не только защищать открыто перед рабочим классом, но даже обсуждать на троцкистском собрании в 10—20 человек. Вызвать войну

с Советским союзом, добиться его поражения, отдать немцам Украину, японцам — Приморье, распустить колхозы, восстановить капитализм — вот что было программой Троцкого, Зиновьева, Каменева, вот чему помогали бывшие правые: Бухарин, Рыков и Томский. Тут они уж забыли прежнюю разницу во взглядах между правыми и троцкистами, да и не так уж она была велика: все свелось к одному — восстановить капитализм.

Уж нет таких классов в нашей стране, которые боролись бы за восстановление капитализма: помещиков и капиталистов мы выгнали, класс кулаков ликвидировали.

Все спокойно, решили многие руководители, теперь наше главное и единственное дело — строить, строить фабрики и заводы... Все спокойно.

Эти люди забыли про то, что мы строим социализм только на одной шестой земного шара и что существуют еще пять шестых — старый, волчий мир капитализма. Это он призрел выброшенного из нашей страны Троцкого, он снабдил его деньгами и оружием, он помогал снарядить и вооружить эту банду шпионов.

Мир капитализма не совсем однороден. Есть страны, где сильны рабочие организации; не все буржуазные страны рвутся к войне; есть страны, где даже часть буржуазии не идет за фашистами. Не там нашел поддержку Троцкий. Его снарядили не во Франции, не в Англии, не в Америке... Германские фашисты и японская военщина, самые злейшие враги нашей страны, — вот его главные хозяева и союзники.

Чем сильнее мы станем, тем отчаянней, яростней и озлобленней действуют наши враги. Используя все средства, они идут на самые отчаянные. Так, Троцкий сначала открыто в печати и на съездах защищал свою программу, потом стал устраивать тайные собрания своих сторонников, потом стал печатать подпольные листовки, организовывать демонстрации против советской власти и, когда все это провалилось, начал действовать как шпион и наемный бандит капиталистов.

Его сообщники ухитрились пробраться на важные посты. Они не сразу начинали вредить: они старались завоевать доверие, льстили многим паdkим на лезть товарищам, обхаживали их, перевозносили. А те, заболев, как сказал товарищ Сталин, «идиотской болезнью — бесчестностью», забыли, что нас окружают враги, что, строя, мы



Иосиф Виссарионович Сталин.

не должны выпускать из рук нашего оружия — большевистской бдительности.

Обо всем этом говорил товарищ Сталин на последнем Пленуме ЦК партии. Этот Пленум называют историческим пленумом, потому что начиная с него наша партия вступает в новый период своей истории, так же как с принятием Сталинской Конституции наша Советская страна открыла новую великую страницу своей истории.

Семиклассники уже начали изучать Конституцию и знают о том, что органы советской власти будут избираться всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Да кто этого не знает в нашей стране?!

Тайное голосование будет проверкой для многих руководителей, тайное голосование — это провал для бюрократов, для чванливых, оторвавшихся от народа чиновников, для бездельников и корыстных людей.

Наша партия — передовой отряд рабочего класса, единственная руководящая партия в стране. Значит, ей придется немало поработать, чтобы на каждом заводе, в каждом колхозе, в каждом учреждении, в профсоюзных комитетах — везде поднялась настоящая, большевистская критика всей нашей работы, всех руководящих людей. Надо сделать так, чтобы никто не боялся смело критиковать любого человека, какой бы высокий пост он ни занимал. Нужно сделать так, чтобы от этой критики работа пошла лучше. Нужно так направить эту критику, чтобы от нее не мог укрыться ни один бюрократ, ни один бездельник, ни один враг народа — двурушник-троцкист.

Огромная работа ложится на плечи нашей партии. Но когда же партия Ленина — Сталина уходила от работы? Она работала в подполье, будучи горсточкой людей, она шла впереди народа во всех открытых боях с царем, с капиталистами. Коммунисты первыми шли в атаку на белогвардейцев, белополяков, японцев и всех врагов нашей страны. На любом фронте, на любой работе партия была впереди и показывала, что и как нужно делать, показывала великий пример.

На Пленуме и теперь, после Пленума Центрального комитета наша партия показывает, как нужно критиковать, как беспощадно и смело, не глядя ни на какие чины, нужно критиковать недостатки: ротовейство, беспечность, самодурство, — разоблачать бюрократов, лицемеров, подхалимов и беспощадно изгонять из своих рядов двурушников — врагов народа.

Враги народа — троцкисты — много навредили нам, прижившись около некото-

рых руководителей. Они льстили им, подхалимничали, воспевали их достоинства, и руководители эти не разглядели за льстивой повадкой врага и двурушника.

Изо дня в день, часто до глубокой ночи, идут партийные собрания и конференции. Партия выбирает новые партийные органы тайным голосованием.

Сначала коммунисты обсуждают работу прежних руководителей. Собрание беспощадно в своей критике. Если руководители секретаря партийного комитета, директор предприятия пытаются сгладить недостатки, найти им оправдание, собрание сразу оцетинивается. Ничего не замазывать, раскрывать все ошибки, рассказать обо всех промахах! Прямота всегда была одним из лучших качеств большевика.

Один за другим поднимаются члены партии и резко, без обиняков, без лишней вежливости, без поклонов и реверансов, прямо в лицо критикуют любого руководителя, любого своего товарища, не боясь испортить отношения. Плох тот большевик, который обижается, если его критикуют в глаза. А если ты плохой большевик, не умеешь слушать прямых большевистских слов, то не боюсь я с тобой и отношения портить. Знай правду. Если ты стоящий человек, то исправишь недостатки, лучше будешь работать. А если ты не поймешь ничего, — значит, грош тебе цена как большевику.

Так говорят друг с другом коммунисты на партийных собраниях и в повседневной работе. Так велит нам партия, и к этому мы зовем весь советский народ.

Партия вооружает нас замечательным оружием — большевистской самокритикой. Партия предостерегает нас: не зазнаваться, не хвастаться успехами.

Наши враги совсем не склонны любоваться достижениями Советской страны. Не все троцкисты еще разоблачены и пойманы с поличным. Шпионы и террористы каждый день высматривают лазейки у наших пограничных столбов. В фашистских штабах не сходят со столов карты наших пограничных республик.

Зорче, товарищи, говорит наша партия. Зорче, часовые-пограничники: нарушитель у пограничного столба! Зорче, товарищи, на любом посту: в партийном комитете, у штурвала машины, в кабинете хозяйственника, у паровозной топки! Враги готовятся к схватке!

Не жалейте, ребята, что вы не дрались с белыми рядом с Чапаем. Учитесь как следует. Ваши бои еще впереди!



Когда грянет война и придется защищать нашу родину, вместе с броневиками и танками, с авиацией и артиллерией пойдут в бой наша красная конница.

Стремительной лавиной, с отточенными клинками, с острыми пиками обрушатся на врага казачьи дивизии.

Чтобы быть всегда готовыми, советские казаки и в мирное время не расстаются с военной формой, с боевым конем и оружием. Требуемое большой храбрости и ловкости, труднейшее искусство джигитовки — любимый спорт трудового казачества.

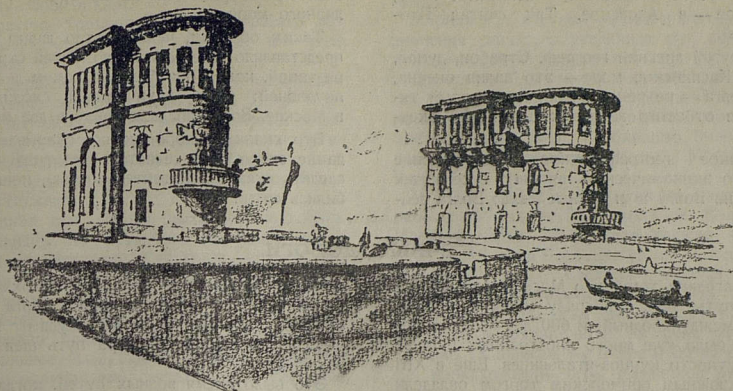


В Нью-Йорке есть замечательный зоологический музей. Каждая комната этого музея посвящена какому-нибудь животному, показанному в его естественной обстановке.

Недавно в музее открылась новая комната. В ней представлено подводное царство: целый коралловый риф со всем его населением. Потребовалось 12 лет, чтобы построить такой риф в музее. Доктор Майнер, научный сотрудник музея, пять раз спускался на дно океана у Багамских островов. Он брал с собой особый аппарат, ко-

торым он снимал под водой на цветную пленку.

Риф возвышался на дне террасами, и вершина его выступала из воды. Он состоял из кораллов пурпурного, оранжевого, желтого и синего цвета. Крупные куполообразные кораллы напоминали испещренный бороздами мозг человека. Кое-где выглядывали коралловые пучки, похожие на листья салата. На рифе качалось множество морских перьев, желтых и красных. Сейчас все это подводное царство могут наблюдать посетители музея.



Башни шлюза № 5. Верхние этажи этих башен — застекленные галереи, откуда виден весь шлюз. В них и расположено управление шлюзом.

Канал Москва—Волга

В. Шкловский

У советской земли мудрые и могучие хозяева. Поэтому наша родина становится все сильнее, прекраснее и богаче. Географические карты у нас быстро стареют. Мы уточняем очертания далеких северных островов. Строим новые города и крупные промышленные центры. Вытесняем пески пустынь, орошаем хлопковые поля, осушаем болота. Карта все гуще покрывается сеткой железнодорожных и водных путей. Реки соединяются голубыми линиями каналов.

Теперь карта нашей родины опять изменилась. Большевики внесли еще одну поправку в природу. Москва становится центром пяти морей.

На перепутье между пятью морями

На перепутье от балтийской Двины и Немана, от верховий Днепра к болгарской Волге и к Дону, то есть на перепутье рек, текущих в Балтийское, Белое, Черное и Каспийское моря, стала Москва. Тут скрещивались речные пути из морей моржей и янтаря в Черное, по-тогдашнему Сурожское, море и в море шолка — Каспийское, через которое шла дорога в Индию.

Если вы возьмете карту России Антония Дженкинсона, изданную в 1562 году, то увидите, что на ней верховья рек просто сращены около Москвы. В природе это невозможно. Но в представлении купцов того времени именно так оно и было. Торговые суда пробирались через всю страну от моря до моря по этим рекам, а из реки в реку суда перетаскивали волоками: суда-то

ведь тогда были небольшие. Волоков было несколько около самой Москвы. Москва и родилась как город-связь между реками.

Одна из рек приобретала все больше и больше значения для Москвы, эта река — Волга.

Слава о Волге древняя: один из первых географов, Птоломей, уже знал, что Волга существует, он называл ее Ра.

Волга и Дон в одном месте своего течения близко сходятся друг с другом. Это то место, где сейчас идут работы по изысканиям канала Волга—Дон. Торговые грузы перебрасывались из реки на реку сравнительно легко. В то время и суда были небольшие и товару было немного. У купцов, получавших товары с севера, было впечатление, что Волга имеет два устья:

одно устье выходит в Каспийское море, другое — в Азовское. Так считал Птоломей.

Другой древний географ, Страбон, думал, что Каспийское море — это залив океана, а Волга — не река, а пролив, который тянется от этого залива к Северному океану.

Такое географическое представление имело экономическую причину: с северных рек на Волгу шли ценные меха; Волга дей-

ствительно приносила на юг грузы с Полярного моря.

Таким образом, человечество давно уже представляло себе географию нашей страны не такой, какой она была на самом деле, а поудобней: реки пяти морей сходились в Москве, Волга впадала сразу в два моря.

Это сказка. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Для того чтоб сделать сказку действительностью, понадобились сотни лет.

Речные дороги

Благодаря тому, что Москва родилась на перепутье рек, она сразу выросла как город международный, и 600 лет назад в Москве было уже много иностранных купцов, в частности купцов-итальянцев. Еще в XIII веке южным приморским торгом овладели генуэзцы. Они вели большую торговлю по Дону и его притокам. Направление торговых путей на русскую равнину совершенно

изменилось. Древняя Корсунь заглохла, а с ней заглох и Киев. Движение торгового переместилось с Днепра на Дон, куда от торгового новгородского севера путь шел через Москву.

Это было время водных путей, когда из Киева в Новгород и дальше, на север и северо-восток, пробивались водой, когда путь с Урала шел по рекам Печоре, Шугору,



Эту карту составил в 1562 году Антон Дженинсон, английский посол при Иване Грозном. На его карте истоки рек, впадающих в южные и северные моря, соединены.

Илицу, Сосве, Оби или по Печоре, Усе, Ельцу, Соби и Оби.

Голубые тропинки рек, перерезаясь водоразделами, шли от Москвы по всей стране.

Водоразделы мешали: на них запиналось движение торговых караванов. Петр Первый пытался соединить реки. Первые волоки, которые он перерезал водяными путями, снабдив их шлюзами, были волоки около города, который так и назывался Вышний Волочок.

Канал там сперва пытались построить голландцы, но неудачно. Достроил канал Михаил Иванович Сердюков, калмык по происхождению. Сердюков работал долго. Во время работы его обвинили в расколе и посадили в тюрьму. Освободил его Петр, случайно проезжавший через эти места. Печальнее была судьба другого строителя. Петр поручил ему связать Дон с системой Волги шлюзом около города Епифани. Работа не удалась, и главный строитель был казнен.

Вышневолоцкая система сохранилась, но когда появились железные дороги, то значение ее из году в год начало падать. В 1756 и 1757 годах по Вышневолоцкой системе прошло до 12 миллионов пудов грузов, а в 60-х годах прошлого столетия за целый год по каналу прошло только одно судно.

Каналы не поддерживались: они были слишком мелки для больших пароходов, суда, которые по ним шли, поднимали мало груза. Кроме того Вышневолоцкая система выходила в верховья Волги, а Волга мелела. Она отсыхала сверху, как отсыхает вершина поврежденного дерева.

Кроме Вышневолоцкой системы существовала система Тихвинская, которая также пришла в упадок. Сохранилась и имела большое значение Мариинская система. По Шексне, притоку Волги, попадают в Белое озеро, подпертое шлюзами. Из Белого озера ведет канал в 6 километров. Этим каналом через шлюз попадаем в реку Ковжу. Из нее тоже шлюзами — в Вытегру, в Онежское озеро, потом в реку Свирь, Ладожское озеро и в Неву.

Изыскания по этой системе производились в 1710—1714 годах. Начали строить при Павле, окончили уже при Александре I, в 1808 году, но не успели построить обходные каналы вокруг Белого озера и Онежского. Обходные каналы построили в 1852 году.

Таким образом, систему создавали 142 года.

Мариинская система не потеряла своего значения сейчас, а увеличила его, но она мелка, ее сейчас переделывают.

Дорога по Мариинской системе была долгая, барки делали большой обход и нередко зимовали в пути. Необходимо было прямо соединить реки, необходимо было создать более короткий путь и от Москвы к Волге.

В 50-х годах прошлого века начались работы по соединению верховьев Волги с Москвой-рекой. Соединение должно было идти через реки Большую Истру и Сестру. Между Истрой и Сестрой предполагалось создать соединительный канал. Над этим работали 24 года. Уже был выкопан канал, устроено водохранилище на реке Истре, сделано 13 шлюзов на Истре и 20 на Сестре, израсходовано семь миллионов рублей ассигнациями. Но потом, с окончанием железной дороги между Петербургом и Москвой, вдруг решили, что канал не нужен. Недостроенный канал забросили, и имущество продали с аукционных торгов.

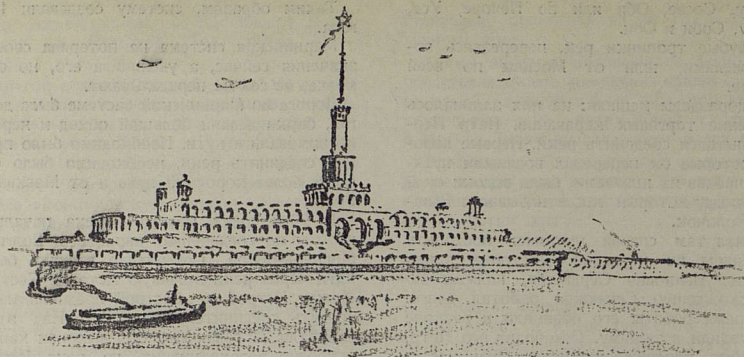
Таким образом получается, что о Москве — Волге думали люди не меньше чем 400 — 500 лет. И не только думали, но даже пытались эту работу сделать. Но сделать они ее никак не могли.

Не смогли построить канал Москва — Волга, не смогли сохранить и самую Волгу: Волга мелела да мелела. Построили на ней бейшлоты, на которых задерживали воду, построили поперечные и продольные плотины, которыми хотели сузить течение и этим увеличить глубину на мелях, держали в готовности запасные деревянные щиты, колья и рожи для временного загораживания русла. Громадная и богатая страна, в которой все пели о великой реке, в которой целые края жили этой рекой, при хищническом хозяйстве старого времени ничего не могла сделать для этой реки и чинила ее кольями и мочалой.

Реки вокруг Москвы отмирали, зато Москва делалась важным железнодорожным узлом страны.

Но водяная беда подходила к Москве и с другой стороны. Важно ездить по воде: вода дает самый дешовый путь. Но еще важнее вода для питья. Город Москва все рос и рос, а тетка города — река — все мелела и мелела. Город выпивал реку.

Воды не хватало на то, чтобы город мог напиться чаю и умыться.



Это московский речной пассажирский вокзал. Он находится в Химках. С этого вокзала можно проехать на пароходах в Баку, в Ленинград, в Мурманск.

Большевики исправляют природу

Между тем по всему миру возродился интерес к каналам. Появились морские каналы — Суэцкий, Панамский. Заново строили речные каналы. Город Берлин, например, имеет не только громадный железнодорожный парк, но и большой речной порт. В Америке начали говорить о том, что Атлантический океан с Великим можно связать пресноводным каналом, который ниже на себя великие озера, лежащие в Соединенных штатах Америки.

В нашей стране вопрос о каналах и речных путях ожил вместе с электрификацией. Волховстрой преодолел Волховские пороги. Днепрострой соединил верхний Днепр с нижним. До Днепростроя река была перерезана по середине порогами.

Началась постройка электрической станции на Свири. Тогда обратили внимание на то, что древний ледник, отступая к северу, оставил за собой след — так колесо вдавливает свой след на глинистой дороге. В этом следу лежали длинные узкие озера, соединенные порожистыми речками. Через Неву на Ладожское озеро, с Ладожского озера на Свирь, со Свири на Онежское озеро шел водный путь. На Онежском озере он прерывался, но там, за перевалом, начиналась линия озер, соединенных реками, текущими к Белому морю.

На старом следу ледника создали Сталинский канал. От Онежского озера построили лестницу шлюзов, которые поднимают

сейчас пароходы на водораздел. Там, за водоразделом, на порогах, построили плотины. Вода поднялась, и появился Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

Беломорско-Балтийский канал связал Белое море с Балтийским. Значение пути на Волгу чрезвычайно увеличилось. Возросло и значение Мариинской системы.

Грузов в стране становилось все больше и больше. На помощь железным дорогам надо было привлечь более дешевый и очень удобный для неспешных грузов речной транспорт. И тогда совершенно по-новому ожил вопрос о Москве: Москве снова понадобилось стать речным портом.

К этому времени Москва выросла, а Москва-река, как мы уже говорили, совсем обмелела. Перед нами были две задачи: долить водой реку для того, чтобы нам было откуда брать воду для питья, пищи и мытья, и для того, чтобы по этой воде быстро и легко перевозить свои товары. Так родилась идея канала Москва — Волга.

Оказалось, что задача очень велика. Канал Москва — Волга по количеству работ, которые нужно для него произвести, в семь раз больше Беломорского канала. Правда, глубина его и ширина в два раза меньше Панамского канала, потому что океанские пароходы по нему ходить не будут, но зато он в два раза длиннее канала, соединяющего Атлантический океан с Тихим. Поэтому

объем работ только на 7% меньше чем объем работ в Панамском канале.

На канале Москва—Волга оказалась трудность, которой не знал ни Беломорский канал, ни Панамский: на водоразделе для канала не хватает воды: На Панамском канале есть реки, есть тропические дожди, которые питают эти реки, и воды для шлюзования хватает. Беломорский канал также обеспечен водой: он находится в стране великих озер. Для канала Москва—Волга воду придется качать насосами. Конечно, это большой расход, и расход, который нужно производить всегда. Но энергия, которую мы потратим на качку воды, пропадет не целиком. Мы можем качать воду в любое время, запастись ею в водохранилище. А электростанции города Москвы нуждаются в токе не все время одинаково. У электростанций есть часы пик, т. е. часы, когда город и его промышленность требуют максимального количества энергии, и есть часы затишья.

Электростанции в часы затишья будут качать воду в канал, а в часы пик часть этой воды спускать обратно через гидроэлектростанции. Спускаясь, вода будет работать, и таким образом часть тока, затраченного на перекачку воды в канал, вернется обратно. Конечно, мы получим энергии меньше, чем затратим, но получим ее в самый нужный момент.

Беломорский канал строился в то время, когда в нашей стране было меньше металла, меньше цемента, меньше технических образованных людей. Канал этот построен очень умело, но из дерева и построен главным образом ручной силой. Канал Москва—Волга построен на том уровне нашей страны, которого она достигла во второй пятилетке. Этот канал построен самыми совершенными техническими приемами: в нем есть и земляные сооружения, но очень много бетона, очень много механизмов, очень много металла.

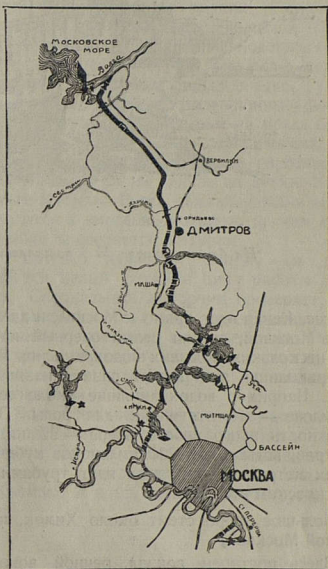
Для того чтобы построить весь канал Москва—Волга, нужно было уложить 3 миллиона кубических метров бетона. Это 370 тысяч вагонов. Этот бетон нужно было сделать самым тщательным образом. При проверке бетона проделано было 30 тысяч различных проб.

Такой канал может построить только богатая и технически чрезвычайно развитая страна.

Он начинается с Волги, около деревни Иваньково. Там построена большая плотина, которой заперты волжские воды. Была

такая страна—Пошехонье, про которую в старое время рассказывали много анекдотов. Это была самая отсталая часть нашей страны. Был там тогда город Корчева, про который сатирик Салтыков-Щедрин писал: «Даже река и та мимо Корчевы во весь опор мчится».

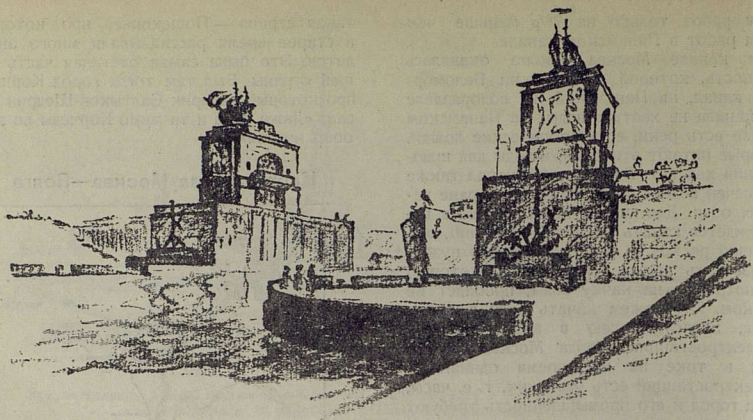
Карта канала Москва—Волга



- Линия канала
- Шлюз
- ▬ Плотина
- ★ Гидроэлектростанция
- ⊕ Мост
- ⊕ Водохранилище

Сейчас эти места только что покрыты водой. Стоит там большое озеро, площадью в 356 квадратных километров. Это — Московское море.

От Московского моря канал идет выемкой и насыпью, пересекает другие реки, которые проходят под ним в трубах, пересекает железную дорогу. Висят над ним мосты, в туннелях проходит под ним



На башнях шлюза № 3 поставлены скульптуры кораблей и эмблемы судоходства.

шоссе. Канал идет прямо к Москве, и здесь, под Москвой, создан целый озерный край из нескольких больших водохранилищ. Водохранилища эти имеют разное назначение. Например водохранилище около села Акулова — это отстойник для воды. Поверхность этого нового озера — 37 километров, воды в нем 220 миллионов кубических метров. Отсюда вода идет трубами к московским станциям.

Большое озеро стоит около Химок, под самой Москвой.

Здесь построен вокзал, речной вокзал города Москвы. Через несколько лет с этого вокзала можно будет поехать в любую сторону, потому что Москва станет портом пяти морей. Сейчас с этого вокзала можно попасть на Каспийское море, на Белое море, на Балтийское. А Черное море и Азовское еще дождутся своей очереди.

Их присоединят потом так, как присоединяют водопровод к готовому дому.

Москва-река около города делает несколько крутых поворотов. Один из этих поворотов срезан, и петля реки около Хорошевского бора оставлена только для купанья. Для того чтобы туда проходила вода, созданы особые ворота, которые можно то

опускать на дно, то поднимать на особых поплавках, отгораживая вновь построенный для спрямления канал от старого русла реки.

Впоследствии будет создано другое спрямление Москвы-реки, так называемый Андреевский канал. На нем будет построен еще один речной вокзал.

Последний шлюз канала стоит в самом городе, около древней церкви Коломенского. Расстояние от города Москвы до начала Марининской системы по новому каналу — 400 километров, а по старому пути — 1100 километров. При помощи канала Москва снова стала тем городом-перекрестком рек, которым она была при своем рождении.

Канал изменил и строение города. Реку Москву вырастили, напоили волжской водой. К приему воды покрыли набережные. Московские набережные становятся лучшей частью города. Здесь будут посажены деревья, и здесь, у широкой реки, будут построены лучшие дома города. Вода в реке поднялась на два метра.

Так как поднялась вода, то приходится поднять и московские мосты, иначе под ними не смогли бы пройти новые пароходы.

Необыкновенная весна

Нынешняя весна под Москвой — весна особенная: она началась так, как ее описал Пушкин:

«Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга».

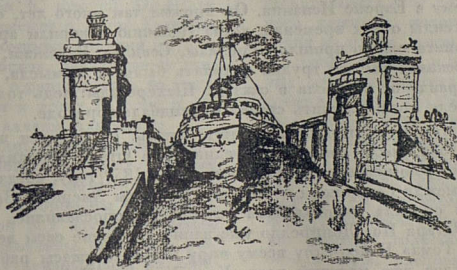
Но дальнейший путь этих вод был уже другой, необыкновенный: воды встретили ворота, которые преградили им путь. Вода была задержана для канала сложными и вечными сооружениями. На Москве-канале, около плотин, был поднят голубой флаг, флаг половодья, и появился приказ начальника строительства Москва—Волга Бермана. Приказ начинался словами: «Идет самый строгий, самый взыскательный приемщик наших сооружений — вода». Так начался этот приказ.

Вода принимала сооружения. Она подошла к земляным плотинам. Эти плотины были насыпаны не руками: их насыпали гидромониторы; машины струей воды размывали грунт, эту жидкую грязь по трубам посылали иногда очень далеко, и там она отлагалась в длинные плотины. Происходило то, что происходит в природе. Так появлялись когда-то мели в результате разлива Волги, но эти мели, сделанные искусственно, были выше обычных. Высота их

доходит до 30 метров. И легли эти мели и горы там, где нам нужно, и строение их лучше чем строение обычной мели. Регулируя скорость воды, мы регулировали выпадение из этой воды грунта. Таким образом в новой плотине отлагался то более крупный песок, то более мелкий, и она в результате стала водонепроницаемой. Сейчас к созданной водой плотине подошла вода и проверила ее — плотина оказалась непоколебимой. Тогда вода пошла дальше. Тут она встретила тяжелые, тысячетонные ворота. Никакая человеческая сила не могла бы повернуть их, либо они поворачивались бы так медленно, что движение парохода растягивалось бы на канал на сутки. На канале Москва—Волга каждый механизм приводится в движение мотором, причем мотор также проверяется мотором.

Инженер нажимает кнопку — и начинается целый сложный цикл работы мотора. Специальный моторчик проверяет, есть ли смазка, качает воду, оттормаживает механизмы, приводит их в действие. Работа этих механизмов настолько сложна, что она может контролироваться только механизмами.

Вода идет вверх, ее качают машины пропеллерными насосами, созданными инженером Баумгольцем. Вода поднимается на перевал и подходит к городу Москве, к Кремлю. И здесь мы ее приветствуем.



Это — нижние ворота шлюза № 8

Вашингтон Ирвинг

В 1815 году в старинном шотландском поместье встретились два писателя: Вальтер Скотт и молодой его гость, приехавший из Нового света, — Вашингтон Ирвинг. Они сидели у камина; любимые псы Вальтера Скотта растянулись у огня; жена и дочери заняты были рукоделем, а старший писатель читал вслух рыцарские романы или слушал рассказы своего гостя. Молодой американец успел побывать в разных странах: во Франции, в Италии, в Греции, в Голландии. Не меньше старого шотландца любил он старинные легенды, развалины древних замков, красивый вымысел, которым историки окружали средние века. Ирвинг был замечательный рассказчик, и Вальтер Скотт угадал в нем большого художника. Он не ошибся.

Два года спустя в Нью-Йорке была напечатана «Записная книжка» Вашингтона Ирвинга. В этой книге собраны были путевые зарисовки, легенды, записанные в придорожных гостиницах.

«Я бродил по разным странам, — говорил в предисловии Ирвинг, — и был свидетелем многих сменяющихся сцен жизни. Я не могу сказать, чтобы я всматривался в них глазами философа...»

Это было правдивое признание. Ирвинг не замечал огромных событий, которые происходили вокруг него, точно так же как герой его сказки, Рип-Ван-Винкль, проспавший войну за независимость. Но в очерках и рассказах Ирвинга было много острых наблюдений, живого, горячего чувства. Слезы навернулись на глаза у Байрона, когда он читал Ирвинга. «Это гений! — воскликнул он. — Это больше чем гений — это сердце! Я хотел бы его увидеть!» Но он умер, не успев познакомиться с Ирвингом.

Когда Ирвинг начинал писательскую работу, Америка не имела еще своих писателей. Он был первым писателем Нового света, блестящим мастером очерка и короткого рассказа. Трудно найти в американской литературе лучшие описания природы Нового света чем в «Записной книжке» Ирвинга. Он очень любил свою родину, «ее могучие озера — океаны жидкого серебра; ее горы, в ярких воздушных красках; ее долины, полные дикого плодородия; грозные водопады, грохочущие в просторах тишины; ее бескрайные равнины, широкие реки, в торжественном безмолвии катящие свои воды в океан; ее глухие леса». Но, может быть, еще больше полюбил он Европу. На каждом перекрестке здесь видел Ирвинг памятники прошлых веков, отгремевших битв. И больше всех других стран полюбилась ему в Европе Испания. Он прожил там много лет, собирая старинные легенды о тех временах, когда Испанию покорили арабы. В рассказах Ирвинга оживило прошлое Гренады, Севильи, Валенсии, Барселоны. В этих рассказах так же трудно отличить быль от вымысла, как трудно отличить правду от вымысла в сказках Шехерезады: ведь только смелые мореплаватели могли сложить сказку о Синдбаде-мореходе.

Вашингтон Ирвинг прожил долгую жизнь: он родился в 1783 году, через два года после того, как Соединенные штаты победили англичан и завоевали свою независимость; а умер он в 1859 году, когда загоралась уже война между Северными и Южными штатами Америки. За это время родилась и окрепла американская литература: прославились уже имена Купера и Эдгара По; Лонгфелло уже написал лучшие свои вещи; в «Хижине дяди Тома» Бичер-Стоу всему миру показала ужасы рабовладельчества; появился уже могучий поэт, Уолт Уитман. Но имя Вашингтона Ирвинга сохранило свое значение. Его «Записная книжка», «Альгамбра», «Рассказы путешественника», «Жизнь и путешествия Колумба» — одни из лучших произведений американской литературы.

Засеивание маёра



Сказка Вашингтона Ирвинга

Рис. П. Митурича

В самой крепости Альгамбры, против королевского дворца, находится широкая открытая эспланада, называемая площадью дистерн (la Plaza de los Algibes). Площадь получила это название от водопроводных каналов, проложенных под нею и существующих еще со времен мавров. В одном углу этой эспланады есть колодец, сделанный в скале; колодец этот очень глубок, и вода в нем холодна как лед и прозрачна как хрусталь. Колодцы, устроенные маврами, вообще славятся, потому что известно, каких трудов стоило им дорыться до чистых источников и ключей. Один из этих колодцев знаменит в целой Гренаде, и водоносы, с огромными ведрами на плечах или погоняя ослов, навьюченных глиняными сосудами, с раннего утра до позднего вечера спуют к этому колодцу и обрывают по крутым аллеям Альгамбры.

Фонтаны и колодцы с незапамятных времен служат в знойном климате сборным пунктом всех окрестных болтунов и кумушек, а колодец, о котором мы упоминаем, представляет собой род клуба, открытого целый день, где инвалиды, старухи и разные любопытные туземцы, сидя на деревянных скамьях, под навесом, сделанным для защиты от солнца, переливают из пустого в порожнее, выпытывая городские новости от каждого водоноса и сопровождая их различными комментариями. Здесь день-деньской не перестает толпиться

ся прислуга с кувшинами, жадно слушая бесконечные толки.

Между водоносами, посещавшими этот колодец, особенно выделялся дюжий, широкоплечий коротконогий парень по имени Педро-Гиль, но для краткости названный Перегилем. Он был гальего, то есть уроженец Галисии¹.

В Испании водоносы и носильщики коренасты и малорослы, и все они уроженцы Галисии. Никто не скажет там: «Позови мне носильщика», а «Позови мне гальего».

Но возвратимся к рассказу. Перегиль-гальего начал свое дело с большого глиняного кувшина, который он обыкновенно носил на плече, затем постепенно приобретал успех в мире и в скором времени купил себе помощника в образе крепкого косматого осла. По бокам этого длинноухого приятеля висели ведра наподобие корзины, прикрытые фитовыми листьями для защиты воды от солнца. Во всей Гренаде не было более сведущего водоноса чем Перегиль, и при этом он обладал еще неистощимой веселостью. Улицы оглашались его звонким голосом, когда он погонял своего осла, распевая обычную летнюю песню, которая слышится во всех испанских городах: «Quien quiere agua—agua mas fria que la nieve!»

«Кому воды, воды, холоднее снега, кому

¹ Область в Северозападной Испании.



Он помог мавру влезть на своего осла и осторожно повез его в Гренаду...

воды из альгамбрского колодца, воды, холодной как лед и прозрачной как хрусталь?»

Когда он подносил обычному покупателю стакан с искрометной влагой, то сопровождал это всегда шуткой, вызвавшей улыбку, а если к нему обращалась хоро-

шенькая донна или смазливенькая горничная, то он слегка подмигивал им или отпускал удачный комплимент, который у него всегда был наготове. Таким образом, Перегиль-гальего был известен в целой Гренаде как самый вежливый, веселый и счастливый из смертных. Впрочем, не ме-

шпат заметить, что не всегда у того, кто поет громче всех и больше всех шутит, легко на сердце. При всей наружной веселости у Перегиля были свои заботы и горести: ему нужно было содержать огромную семью оборванных ребятишек, которые были голодны и так же жалобно пищали, как пищат неоперившиеся ласточки в гнезде, и постоянно преследовали его криками, прося есть, когда он возвращался вечером домой.

У него была жена, но ее ни в каком случае нельзя было назвать его помощницей. До замужества она слыла деревенской красавицей, отличалась в болеро, ловко умела пощелкивать кастаньетами, и все эти привычки сохранила до сих пор, безжалостно тратя тяжелые заработки честного Перегиля на наряды и разв'езая на осле по разным гульбищам, устраиваемым обыкновенно по праздникам, которых в Испании больше чем дней в году. При этом она была ленива, нерадива, сущая лежебока, да к тому же еще и сплетница первого сорта. Хозяйством она занималась небрежно, нередко уходила из дому, оставив детей на произвол судьбы, и забиралась к какой-нибудь кумушке-соседке, чтобы там на просторе отвести душу и наслаждаться всевозможных сплетен.

Перегиль переносил все эти семейные невзгоды с тем же терпением, с каким такса его осел ведра с водой. Осел хотя и потряхивал ушами, но никогда не решался спросить своего хозяина о семейных добродетелях его нерадивой супруги.

Перегиль любил своих детей, как любит сова своих совят, видя в них свой собственный, приумноженный и увековеченный образ, потому что это было дожее, широкочелее и коротконогое племя. Величайшим удовольствием для честного Перегиля был тот день, когда он мог устроить себе скромный праздник и истратить несколько мелких монет. В этот день он обыкновенно забирал с собою всех своих детей: кого носил на руках, а кто и сам плелся за ним, держась за его полы,—и шел с ними играть в фруктовый сад Веги, а супруга его в это время лихо отплясывала болеро на гулянье Дарро...

*

Был поздний вечер, и б'ольшая часть водоносов уже прекратила свою работу. День отличался необыкновенным зноем; вечер же был один из тех изумительных лучших вечеров, когда жители южного клима-

та, как бы стараясь вознаградить себя за утренний зной и бездействие, остаются до позднего часа на открытом воздухе и наслаждаются прохладой и свежестью далеко за полночь. Но потребителей воды было все-таки немало, и Перегиль как заботливый отец вспомнил о своих голодных детях. «Стоит только лишний раз прогуляться к колоду, — сказал он самому себе, — и вот гостинец на праздники ребятишкам».

Сказав это, он бодро заковылял по крутой аллее Альгамбры, распевая свою песню и по временам отвешивая полновесный удар палкой по бокам своего осла, как бы аккомпанируя этим своей песне или просто ободряя животное: в Испании сухие удары заменяют животным сочную пищу.

Подойдя к колоду, он увидел, что около него было никого, кроме одинокого странника в мавританской одежде, сидевшего на скамье, освещенной луной. Перегиль остановился, посмотрел на него с удивлением и даже не без страха, но мавр помянул его к себе.

— Я слаб и болен, — сказал он, — помоги мне воротиться в город, и я заплачу тебе вдвое против того, что ты выручишь за свои ведра с водой.

Честное сердце водоноса прониклось состраданием при подобной просьбе незнакомца.

— Боже избави! — сказал он. — Чтоб я потребовал от тебя платы или вознаграждения за простое дело человеколюбия!

Он помог мавру влезть на своего осла и осторожно повез его в Гренаду, потому что бедный мусульман был так слаб, что его необходимо было поддерживать, чтоб он не свалился с осла.

Когда они в'ехали в город, водонос спросил мавра, куда везти его.

— Увы! — отвечал тот слабым голосом. — У меня нет ни дома, ни квартиры, а чужой в этой стране. Позволь мне провести ночь под твоей кровлей, и я тебя щедро награжу.

Честного Перегиля немного смутила эта просьба неверного, но он был слишком добр, чтоб отказать человеку, находившемуся в таком жалком состоянии, и решил везти его к себе в дом. Дети по обыкновению выскочили из комнаты с разинутыми ртами, лишь только задышали топот осла; но когда увидели незнакомца в чалме, то поспешили спрятаться за свою мать. Та, вз'ерошась как наседка, защища-

ющая своих дыплат от какой-нибудь заблуждавшейся собаки, выскочила на улицу и закричала:

— Что за неверного привез ты в дом? Или тебе захотелось познакомиться с инквизицией?

— Успокойся, жена, — возразил гальего, — это бедный, больной человек, и у него нет ни крова, ни друга. Неужели ты выгоняешь его умирать на улицу?

Жена хотела еще возражать, потому что хотя и жила в лачуге, но постоянно заботилась о хорошей славе своего дома. Водонос же как нарочно был настойчив и упрям и наотрез отказался склонить свою голову под супружеское ярмо. Он помог бедному мавру раздеться, постлал ему рогожу на полу, в самом прохладном месте дома и прикрыл его овчиной: это была единственная постель, которую он по своей бедности мог ему дать.

Через несколько времени с мавром сделались сильные конвульсии, и вскоре они до такой степени усилились, что уже не поддавались медицинскому искусству водоноса. Бедный больной мог благодарить его только взглядом. Когда ему сделалось немного легче, он поманил его к себе и сказал слабым голосом:

— Мой конец близок. В награду за твою доброту завещаю тебе этот ящик.

— Дай бог, мой друг, — возразил честный гальего, — чтоб ты прожил многие лета и сам пользовался своим сокровищем, каково бы оно ни было.

Мавр склонил голову, положил свою руку на ящик и силился что-то сказать, но судороги возвратились с новой силой, и через несколько минут его не стало.

Жена водоноса была в отчаянии.

— Всему виной твоя глупая простота, — сказала она, — вот своими неуместными услугами ты и накликнул нам хлопот. Что будет с нами, если это тело найдут у нас в доме? Нас запрячут в тюрьму как убийц, а если законники да алгвазилье и оставят нас живыми, зато вконец разорят и пустят по миру.

Бедный Перегиль был в подобном же волнении и даже раскаивался, что сделал доброе дело. Наконец, внезапная мысль осенила его.

— Еще не рассвело, — сказал он, — я могу вывезти тело за город и похоронить его в песке на берегу Хенила. Никто не узнает, что мавр был у нас, и никому неизвестна будет его смерть.

Сказано — сделано. Жена помогла ему: они завернули тело несчастного в рогожу, на которой он умер, взвалили его на осла, и Перегиль отправился с ним на берег реки.

Но, к несчастью, напротив водоноса жил цирюльник по имени Педрильо Педруто, один из самых назойливых болтунов, один из самых вздорных людей из всего своего цеха. У него была лисья физиономия, а ноги как у паука; вообще он отличался проворством и ловкостью, и даже сам знаменитый севильский цирюльник не мог бы превзойти его в знании чужих дел, а поручить ему тайну — это все равно, что влить воду в решето. Рассказывали, что он спал только одним глазом и держал одно ухо настороже, так что во время сна мог видеть и слышать все, что происходило вокруг него. Словом, он был живой хроникой городских скандалов в Гренаде, и практики у него было больше чем у всех его собратьев по ремеслу. Этот любопытный цирюльник слышал, как Перегиль приехал домой в необычное время и как затем кричали его жена и дети. Он высунул свою голову в маленькое окошечко и увидел, как его сосед помогает какому-то человеку, одетому в мавританское платье, войти в дом. Для Педрильо это было таким странным событием, что он всю ночь не мог сомкнуть глаз. Каждые пять минут он крался к окошку и видел свет в дверях соседа, затем, перед самым рассветом, заметил, как Перегиль отправился куда-то вместе с ослом, навьюченным необыкновенной кладью.

Цирюльник находился в страшной тревоге; поспешно натянув на себя свое платьышко и осторожно, крадучись, он последовал за водоносом до берега Хенила, где тот вырыл яму и опустил в нее что-то похожее на мертвое тело.

Цирюльник незаметно проводил его до дома и затем принялся за обычную возню в своей лавочке, но дело не клеилось, лихорадка трепала его, и он только перевернул все вверх дном. Наконец, дотянув кое-как до утра, он взял свой тазик подмышку и отправился в дом к алькаду, которого имел обыкновение брить ежедневно.

Алькад только что встал. Педрильо усадил его на стул, повязав ему шею сафеткой, и поднес тазик с теплой водой к его подбородку.

— Странные дела! — сказал Педрильо, разыгрывавший одновременно роль ци-



*...Они завернули тело несчастного в рогожу, взвалили его на осла,
и Перегиль отправился с ним на берег реки.*

рюльника и газетчика. — Странные дела! Ограбили, убили, схоронили — а все это в одну ночь!

— Что, что ты говоришь? — вскричал алькад.

— Я говорю, — продолжал дириольник, натирая куском мыла подбородок достойного мужа (испанский дириольник не употребляет кисточки), — я говорю, что Перегиль-гальего ограбил мавра, убил его и схоронил сегодня ночью.

— Но как ты узнал об этом? — спросил его алькад.

— Имейте терпение, сеньор, и вы услышите все, — возразил Педрильо, взяв его за нос и скользя бритвой по щеке.

Затем он рассказал все, что видел.

Случилось так, что этот алькад был человек прекрутого характера, да к тому же величайший взяточник во всей Гренаде. Правосудию он придавал большую цену и продавал его на вес золота. При убийстве он всегда предполагал грабеж; по его мнению, убийца непременно воспользовался богатой добычей. Но каким образом передать ее в руки закона? Захватить виновного — это дать пищу виселице, но захватить добычу — это значит обогатить судью, что, по его убеждению, и составляло конечную цель правосудия. Поразмыслив таким образом, он призвал к себе одного из преданнейших алгвазилов — тощего, повидимому, полуголодного, парня, одетого в старинный полицейский испанский костюм: черную пуховую шляпу, загнутую с боков, огромные брыжки, короткий черный плащ, болтавшийся на его плечах, и выцветшее черное исподнее платье, обрисовывавшее его жалкую фигуру; в руке он держал тоненький белый жезл — страшный знак его власти. Такова была ищейка старинной испанской породы, которую алькад выпустил на несчастного водоноса, и таковы были проворство и аккуратность ищейки, что бедный Перегиль не успел еще воротиться домой, как был взят и вместе с ослом препровожден к блюстителю правосудия.

— Слушай, мошенник! — закричал он на Перегила таким голосом, что у бедняка подкосились ноги. — Запираться в преступлении нет надобности, потому что мне известно все. Тебя ждет виселица, но я милосерден: человек, которого ты убил, был неверный, враг нашей религии, и ты, вероятно, совершил убийство в припадке религиозной ревности. Поэтому я постараюсь быть снисходительным: отдай богат-

ство, которое ты украл у него, и мы закончим дело миром.

Бедняга призывал всех святых в свидетели своей невинности, но, к сожалению, никто из них не явился; да если б они явились, то алькад не поверил бы даже всем святым, взятым вместе.

Водонос рассказал всю историю об умершем мавре откровенно, просто, не утаив ни одной подробности, но все было напрасно.

— Итак, ты настаиваешь, — сказал судья, — что у мусульманина не было ни золота, ни драгоценных вещей?

— У него не было ничего, — возразил водонос, — кроме маленького ящичка красного дерева, который он и завещал мне в награду за мою услугу.

— Ящик красного дерева! — закричал алькад, и глаза его заблестали при мысли, что в нем хранятся драгоценности. — А где тот ящик, куда ты спрятал его?

— Он в корзине на моем осле, — отвечал водонос.

Едва проговорил он эти слова, как ловкий алгвазил выскочил из комнаты и в один миг явился с ящичком красного дерева. Алькад поспешно открыл его дрожащей рукой, все бросились смотреть на сокровища, заключавшиеся в нем, но там не было ничего, кроме пергаментного свертка, покрытого арабскими надписями, да воскового отарка.

Если с обвиняемого получать ничего нельзя, то правосудию в Испании старается быть беспристрастным. Алькад, оправившись от неудачи и уверившись, что в ящичке нет никакой добычи, равнодушно слушал объяснение водоноса, поддерживаемого еще свидетельством жены. Убедившись в его невинности, он отпустил его на свободу и даже позволил ему взять завещание мавра — ящик красного дерева — как заслуженную награду за свое человеколюбие, но удержал у себя его осла — введи ушлаты за протори и убытки.

Несчастный гальего снова был принужден сам таскать воду и ходить за ней в Альгамбру с огромным глиняным кувшином на плече.

Когда однажды, в знойный полдень, он поднялся на холм, обычная веселость оставила его. «Собака! — вскричал он. — Лишить человека средств к существованию, отнять у него лучшего друга в мире!» И затем, как бы вспомнив о своем любимом товарище, он поставил свой кувшин на камень, отер пот с лица и прибавил: «О

мой дорогой осел! Я ручаюсь, что ты получишь старого хозяина».

Ко всему этому жена встретила его жалобами и попреками, причитая, что она предостерегала его от этого гостя, принесшего столько бедствий. При этом она не забывала ввернуть словечко и о превосходстве своего ума. Если дети просили есть, она отвечала им с насмешкой: «Пойдите к отцу, он наследник альгамбрского короля — пусть он поможет вам теми сокровищами, которые нашел в ящике мавра».

Был ли когда-нибудь смертный так жестоко наказан за доброе дело? Несчастный Перегиль упал духом, похудел, но с кротостью переносил все нападки жены. Наконец, однажды вечером, после трудной работы, когда жена снова принялась подтрунивать над ним, он потерял всякое терпение. Разумеется, он не рискнул возражать ей, но, увидев роковой ящик, стоявший на полке и как бы подсмеивавшийся над его горем, схватил его и с негодованием бросил на пол. «Да будет проклят тот день, — вскричал он, — когда я увидел тебя или принял под мой кров твоего хозяина!»

Когда ящик ударился об пол, пышка свертка, Перегиль молча смотрел на этот сверток. Затем, придя в себя, он подумал: «Кто знает, может быть, это какой-нибудь важный манускрипт, если мавр берег его с такой заботливостью». Подняв его, он положил его за пазуху и на следующий день, проходя с водой по улицам, остановился у лавки одного мавра, уроженца Танжера, торговавшего драгоценными вещами и духами на Закатине, и просил ему объяснить, что заключается в этом пергаменте. Мавр внимательно прочел сверток, затем поглядел бороду и улыбнулся.

— С помощью этого манускрипта, — сказал он, — можно отыскать скрытые сокровища, находящиеся под влиянием чар. Он обладает такой силой, что никакие замки и запоры, даже самые горы не устоят против него.

— Да мне-то что до этого? — вскричал Перегиль. — Я не волшебник и ничего не знаю о зарытых сокровищах.

Сказав это, он поднял на плечо свой кувшин с водой, оставив в руках мавра сверток, и отправился попрежнему в свою ежедневную прогулку по улицам.

Но в тот же вечер у альгамбрского колодца он встретил целое собрание людей, отводивших свою душу сказками и рас-

сказами о разных чудесах. Бедные как церковные крысы, эти люди с особенной жадностью вслушивались в истории о заколдованных богатствах, скрытых маврами в различных частях Альгамбры. Все того все были убеждены, что громадные сокровища зарыты под семирусной башней.

Вся эта болтовня произвела необыкновенное впечатление на честного Перегиля и сильно занимала его ум, когда он возвращался один по темным аллеям.

«Может быть, — думал он, — в этой башне действительно зарыты сокровища и сверток, оставленный мавром, поможет мне добыть их?»

Придя от таких мыслей в восторг, он чуть не уронил своих кувшинов с водой. Всю ночь он ворочался с боку на бок, кашляя и ни на одну минуту не мог сомкнуть глаз от дум, осаждавших его мозг. Утром рано он уже был в лавке мавра и рассказал ему все, о чем он думал целую ночь.

— Ты умеешь читать по-арабски, — сказал он, — не отправиться ли нам вместе в башню и попытать силу волшебства; если нам не удастся, мы ничего не теряем; если же, напротив, наше дело увенчается успехом, то мы разделим найденные сокровища пополам.

— Вот что, — возразил мавр, — этот пергамент сам по себе еще ничего не значит; его нужно читать при свете огарка, особо приготовленного, но из каких веществ, здесь не сказано. Без такого огарка манускрипт не будет иметь никакой силы.

— Будь покоен, — вскричал водонос, — у меня есть такой огарок, и я сейчас принесу его!

Сказав это, он побежал домой и вскоре вернулся с огарком из желтого воска, найденным им в ящике красного дерева. Мавр взял огарок в руку и понюхал. — «Здесь, — сказал он, — редкие и драгоценные смолы смешаны с желтым воском. В то время как он будет гореть, расступятся самые крепкие стены и раскроются самые потаенные подземелья. Но горе тому, у кого он погаснет прежде, чем тот успеет выбраться из подземелья, потому что несчастный будет заколдован вместе с сокровищами!»

Они условились попытать волшебную силу в ту же ночь. В поздний час, когда ничто не шевелится, кроме сов и летучих мышей, они спустились с поросшего лесом альгамбрского холма и подошли к страшной башне, заросшей кустами. При свете фонаря они пробрались через кусты, пе-

релезли через нагроможденные камни и очутились у двери, сделанной в своде, под башней. Со страхом и трепетом спустились они по ступеням, высеченным в скале, в пустую сырую и мрачную пещеру, из которой другой ряд ступеней вел вниз. Пройдя таким образом четыре лестницы, они добрались до четвертого подземелья, и хотя им оставалось еще спуститься через три подземелья, но проникнуть далее не было никакой возможности, да и самый доступ туда, как рассказывали, охранялся волшебной силой. Воздух в подземельях был сырой и холодный, отдавал гнилью, и фонарь еле-еле освещал их. Наши искатели клада стояли молча, боясь дышать; наконец, услышав, как на сторожевой башне пробило полночь, они зажгли огарок, распространивший запах мирры и ладана.

Мавр принялся торопливо читать пергамент. Едва он окончил чтение, как раздался удар как бы подземного грома. Земля заколебалась, пол расступился, и в нем открылся ряд ступеней. Трепеща от страха, мавр и водонос спустились вниз и при свете фонаря увидели, что находятся в другом подземелье, стены которого покрыты арабскими надписями. Посредине стоял огромный сундук, окованный семью стальными обручами, а на каждом углу этого сундука сидел заколдованный вооруженный мавр, неподвижный как статуя. Перед сундуком стояло несколько кувшинов, наполненных золотом, серебром и драгоценными камнями. В самый большой из них они опустили свои руки по локоть и стали вынимать оттуда целые пригоршни желтых монет из мавританского золота, браслеты и разные золотые украшения, между которыми попало и ожерелье из восточного жемчуга. Дрожа всем телом и едва переводя дух, они набивали свои карманы добычей и с ужасом поглядывали на двух очарованных мавров, сидевших угрюмо и неподвижно и пристально смотревших на них. Наконец, пораженные паническим страхом из-за какого-то воображаемого шума, они, толкая друг друга, бросились бежать по лестнице в верхнее отделение, где погасили огарок. Пол залопнул со страшным треском.

Выбежав из башни, они перевели дух и увидели звезды, сиявшие сквозь деревья; затем, присев на траву, поделили добычу, решившись сегодня удовлетвориться только тем, что успели вытащить из кувшинов, предполагая в следующую ночь исчерпать

их до дна. Чтобы не вводить друг друга в соблазн, они разделили талисманы между собой: один взял себе сверток, а другой — огарок. Покончив дело, они с облегченным сердцем и туго набитыми карманами пошли в Гренаду.

Когда они подымались на холм, лукавый мавр шепнул на ухо простоватому водоносу:

— Дружище Перегиль, — сказал он, — дело это мы должны хранить в глубокой тайне до тех пор, пока не завладеем всеми сокровищами и не спрячем их в безопасное место. Если узнает об этом алякад, — мы погибли!

— Это верно... — согласился водонос.

— Дружище Перегиль, — снова заговорил мавр, — ты скромный человек, и я не сомневаюсь, что ты сохранишь тайну, но у тебя есть жена.

— Она не должна этого знать! — храбро ответил водонос.

— Итак, — закончил мавр, — моя судьба зависит от твоей скромности и твоего обещания.

Никогда еще обещание не было дано с таким чистосердечием и с такой готовностью исполнить его. Но — увы! — какой муж скрест тайну от своей жены, по крайней мере, не Перегиль-водонос — этот любящий и покорный супруг.

Воротясь домой, он нашел, что жена его была не в духе.

— Наконец-то ты воротился! — воскликнула она, увидя его. — Где ты шатаешься так поздно? Дивлюсь, как ты опять не привел к нам другого мавра.

Затем она зарыдала и принялась ломать руки и бить себя в грудь.

— Несчастливая я женщина! — кричала она. — Что будет со мной? Мой дом разграбят алгвазиль, муж у меня ни на что негоден, семью не кормит, а целые дни и ночи шатается с неверными маврами. О дети мои, дети, что станется с вами? Нам скоро всем придется выйти на улицу да просить милостыню!

Честный Перегиль был так тронут горем своей жены, а его карман, как и его сердце, был слишком переполнен, чтобы не опростать его. Засунув руку в карман, он вытащил оттуда три или четыре золотых монеты и отдал жене. Бедная женщина остолбенела от удивления и не могла понять значения этого золотого дождя. Пре-

жде чем она пришла в себя, добряк вынул золотую цепь и разложил ее перед нею, растягивая от торжества свой рот до ушей.

— Да защитит нас пресвятая дева! — воскликнула жена. — Откуда ты достал все это, Перегиль? Надеюсь, что ты не ограбил и не убил никого?

Едва эта мысль мелькнула в мозгу бедной женщины, как она уже поверила в ее действительность: ей уже мерещились тюрьма, виселица и ее коротконогий Перегиль, болтающийся на перекладине. Ужас до такой степени овладел женой Перегиля, что с ней сделалась страшная истерика.

Что оставалось делать бедному мужу? У него не было других средств, чтоб успокоить жену и отогнать от нее призраки, созданные ее воображением, как рассказать всю историю этого внезапного богатства. Впрочем, он приступил к рассказу только тогда, когда взял с нее торжественное обещание хранить глубокую тайну и не заикаться о ней ни одному живому существу.

Описать радость жены нет никакой возможности: она обхватила руками шею своего мужа и душила его поцелуями.

— Ну, жена, — воскликнул торжествующий водонос, — что скажешь ты теперь о завещании мавра? С этих пор никогда не отворачивай меня помогать человеку в несчастье.

Честный Перегиль залег на свою овчину и заснул на ней так же удобно, как на пуховой перине. Но жена не смыкала глаз; она опорожнила его карманы, высыпала на овчину золотые монеты, пересчитывала их всю ночь и, примеряя ожерелье и серьги, воображала, как хороша она будет в них в тот день, когда ей разрешат воспользоваться этими сокровищами.

На следующее утро честный Перегиль взял одну из золотых монет и отправился в лавку ювелира, предлагая ему купить ее и объяснив, что он нашел ее в развалинах Альматры. Ювелир, увидев, что на ней арабская надпись и что она из частого золота, предложил за нее третью часть стоимости, чем водонос и остался вполне доволен. Перегиль накупил платья и игрушек для своих ребятишек, провизии для обеда и, воротившись домой, усадил своих детей за стол и затем, как счастливый родитель, принялся от восторга плясать вместе с ними.

Жена водоноса с удивительной аккуратностью сдержала свое обещание: целый день она бродила грустная и готовая разрыдаться, но молчала несмотря на общество соседок. Правда, она не могла воздержаться, чтобы не пустить им пыль в глаза: как бы извиняясь перед ними за свое дырявое платье, она постоянно говорила, что заказала новую баскину, обшитую кружевом и бусами, и новую мантилью. Она даже намекала, что ее муж намерен в скором времени оставить свое ремесло водоноса, так как оно вредно для его здоровья, а на лето они думают отправиться в деревню, чтобы дети могли подышать горным воздухом. «В такую знойную пору никто из порядочных людей не остается в городе», — прибавляла она.

Соседи с удивлением слушали ее и думали, не рехнулась ли она; а за глаза смеялись над ее хвастовством и великосветскими претензиями.

Если она воздерживалась рядиться при всех, то дома вознаграждала себя за это лишение: она наматывала на шею нитку восточного жемчуга, надевала на руки мавританские браслеты, закаливала в волдысы бриллиантовое украшение и прохаживалась взад и вперед по комнате в своих грязных лохмотьях, украдкой любуясь на себя в кусок разбитого зеркала. В припадке тщеславия она не могла удержаться, чтобы не показаться у окна и не насладиться эффектом, который эти украшения производили на проходящих.

Цирюльник Педрильо, вежде совавший свой нос, в этот самый момент празднично сидел в своей лавке на противоположной стороне улицы. Вдруг он увидел супругу водоноса, украшенную такими великолепными вещами, какими едва ли украшают цариц востока. Рассмотрев в точности все эти вещи, он бросился к алькаду. Через несколько времени голодный альгвазил уже снова напал на след, и солнце еще не успело закатиться, как злополучный Перегиль предстал перед лицом судьи.

— Ах ты негодяй! — вскричал расвирепешивший алькад. — Ты мне говорил, что неверный, умерший в твоём доме, оставил только один пустой ящик, а между тем жена твоя щеголяет в жемчуге и алмазах, напялив их на свои лохмотья. Мерзавец, поторопись отдать добычу твоей жертвы и покачайся-ка на виселице, которая уже ждет тебя.



Мавр и водонос вошли в нижнее подземелье и увидели двух мавров, сидевших неподвижно, как статуи.

Обробевший водонос упал на колени и тут же признался, каким чудесным способом он добыл богатство. Алькад, алгвазил и цирюльник, насторожа уши, слушали эту арабскую сказку о волшебных сокровищах. Алгвазилу было поручено немедленно доставить мавра, принимавшего участие в этом деле. Несчастный мусульманин обезумел от ужаса, увидя себя в руках гарпий закона¹, но, взглянув на водоноса, стоявшего с опущенными глазами, растерянного и убитого, сразу понял причину своего ареста.

— Презренный человек! — сказал он, проходя мимо него. — Разве я не предостерегал тебя от болтовни твоей жены?

Рассказ мавра вполне согласовался с рассказом его товарища, но алькад показывал вид, что не верит их признанию, и грозил им тюрьмой и тяжким наказанием.

— Успокойтесь, сеньор алькад, — сказал мусульманин, успевший уже между тем оправиться и призвать на помощь всю свою хитрость, — не будем же портить нашего общего счастья. Никто не знает об этом деле, кроме нас. — сохраним его пока в тайне. В пещере достаточно сокровищ, чтоб обогатить нас всех. Обещайте, что вы с нами честно поделитесь, и все хорошо кончится, а откажете вы нам — и пещера останется вечно закрытой.

Алькад отвел в сторону алгвазила и принялся с ним советоваться. Алгвазил был прехитрая лисица и сказал ему:

— Обещайте им что-нибудь, пока сокровища не в ваших руках, а когда вы овладеете ими и эти негодяи вздумают роптать, то попутайте их плетью да костром как неверных и колдунов.

Алькад послушался совета. Наморщив свой лоб и обратясь к мавру, он сказал:

— Странная история и, может быть, справедливая, но мне хотелось бы воочию удостовериться в ней. Сегодня же ночью вы должны в моем присутствии повторить это волшебство. Если там действительно находятся сокровища, мы поделим их по-дружески и более не будем распространяться об этом деле. Если же вы обманули меня, то не ждите пощады. А теперь пока посидите-ка под арестом.

Мавр и водонос охотно согласились на эти условия, надеясь, что самое дело до-

кажет истину их слов. Около полуночи алькад в сопровождении алгвазила и неизменного цирюльника незаметно вышли из дому. Все они были вооружены, а мавра и водоноса вели за собой как пленников и даже прихватили осла, чтобы, в случае удачи взвалить на него ожидаемые сокровища. Не встретив никого на дороге, они осторожно приблизились к башне, привязали осла к фиговому дереву и спустились в четвертое подземелье башни.

Развернули сверток, зажгли восковой огарок, и мавр принялся читать. Земля колебалась, пол со страшным треском расступился и открыл узкий ряд ступеней. На алькада, алгвазила и цирюльника напал такой страх, что у них не хватило храбрости спуститься вниз. Мавр и водонос сошли в нижнее подземелье и увидели двух мавров, сидевших попрежнему неподвижно, как статуи. Они подняли два огромных кувшина, наполненных золотом и драгоценными камнями, и водонос на своих плечах вынес их наверх. Будучи дюжим и широкоплечим парнем, привыкшим носить тяжести, он запатался под этими тяжелыми кувшинами, а когда взвалил их на осла, то увидел, что более этого не сvezти и ослу.

— Будем довольны настоящим, — сказал мавр, — здесь достаточно сокровищ, чтобы нам быть богатыми на всю жизнь.

— Остались там еще сокровища? — спросил алькад.

— Самое драгоценное сокровище, — отвечал мавр, — огромный сундук со стальными обручами, наполненный жемчугом и алмазами.

— Принесите этот сундук во что бы то ни стало! — закричал алькад.

— Я больше не пойду вниз, — твердо заявил мавр, — для благоразумного человека здесь довольно богатства.

— А я, — прибавил водонос, — не понесу более тяжестей: ими, пожалуй, сломаешь спину бедному ослу.

Видя, что приказания и угрозы не производят никакого действия, алькад обратился к своим помощникам.

— Пособите мне, — сказал он, — принести наверх сундук, и мы разделим сокровища пополам.

Сказав это, он спустился по ступеням. За ним, дрожа от страха, последовали алгвазил и цирюльник. Лишь только мавр заметил, что они спустились вниз, он задул восковой огарок; пол снова с треском

¹ Гарпии — сказочные хищные птицы.

закрылся, и трое достойных мужей остались в недрах земли. Затем мавр поспешино взбежал по ступеням наверх и опомнился только тогда, когда очутился на свежем воздухе. Водonos, разумеется, не отставал от него и ковылял за ним так быстро, как только позволяли ему его короткие ноги.

— Что ты сделал? — вскричал Перегиль, лишь только перевел дух. — Ведь алькад и его товарищи остались в подземелье!

— Такова воля аллаха! — сказал с благоговением мавр.

— И ты не освободишь их? — спросил гальего.

— Аллах запрещает! — возразил мавр, поглаживая свою бороду. — В книге судеб сказано, что они должны оставаться заколдованными до тех пор, пока какой-нибудь будущий искатель клада не придет и не разрушит чар, во власти которых они находятся. Да исполнится воля аллаха! — и с этими словами он швырнул огарок в самую чашу.

Таким образом талисман исчез навеки, и мавр с водonosом направились с богато навьюченным ослом в город. Честный Перегиль не мог удержаться от того, чтобы не приласкать и не расцеловать своего длинноухого товарища, освободившегося, наконец, из когтей закона. И действительно, трудно сказать, чему радовался более бедняк: свалившемуся ли на него богатству или возвращенному ослу.

Мавр и Перегиль честно разделили добычу между собой, только первый, имевший пристрастие к драгоценным камням, оставил себе большую часть жемчугов и алмазов, но зато вместо них дал водonosу великопленные вещи из массивного золота, чем тот остался вполне доволен.

Разбогатеv, они не захотели жить в Испании, а решились попользоваться своим богатством в других странах. Мавр возвратился в Африку, в свой родной город Тетуан, а гальего с женой, детьми и ослом переселился в Португалию. Здесь под руководством своей жены он сделался значительным лицом, натянул на свое длинное тело и короткие ноги нарядный кафтан и чулки, воткнул перо в шляпу, сбоку привесил шагу и свое прозвище переменял на более громкий титул дона Педро Гиля. Потомство его множилось и цвело, а сеньора Гиль, обвешанная бусами, окутанная кружевом с головы до пят, с блестящими перстнями на каждом пальце, сделалась образцом моды и изящных манер.

Что же касается алькада и его товарищей, то они остались в семиарусовой башне и до сих пор сидят в ней. Если в Испании когда-нибудь встретится недостаток в лобовыгных цирюльниках, в пройдохах-алгвазилах и продажных алькадах, то их придется отыскивать в этой башне, но я боюсь, что за ненадобностью они потребуются не ранее страшного суда.

Хитрый Дик



Мистер Рандалль — американский фермер. Но вот несчастье: на его поле повадились прилетать воробьи. С раннего утра до вечера сидели они на поле, весело чиркали и поседали пшеницу. Тогда Рандалль поставил на поле пугало — и налеты воробьев прекратились.

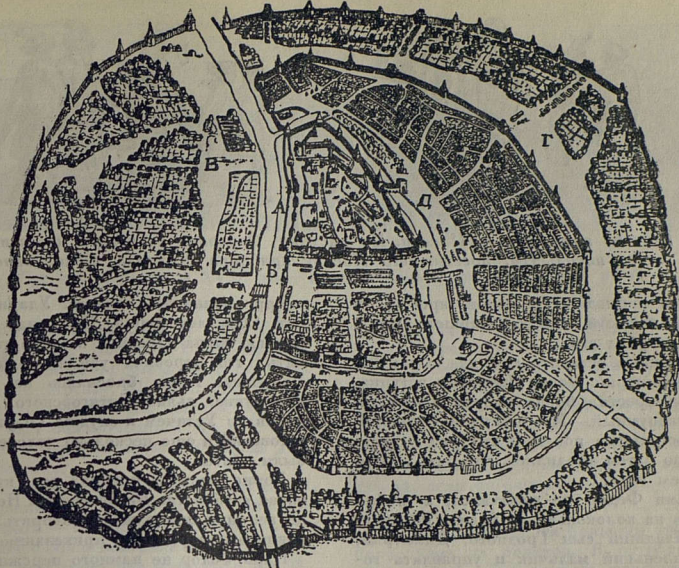
Но тут появилось новое несчастье: воробьев заменили полевые мыши. Они истребляли урожай еще более усердно. Рандалль не знал, что делать.

Однажды его сын, хитрый Дик, позвал отца в поле. Рандалль в изумлении остановился: Дик оставил все поле котами, выплненными из фанеры.

— Если воробьи боятся пугала, — сказал Дик, — то почему мышам не бояться этих котов?

Мистер Рандалль был в восторге.

Как вы думаете, наведут эти коты страх на мышей?



Этот план Москвы сделан в начале XVII века по рисунку царевича Федора, сына Годунова. Буквой «А» обозначен Кремль, «Б» — Китай-город, «Д» — Белый город, «Г» — Земляной и «В» — Замоскворечье. На плане видны городские стены.

В Китай-городе они были красные, кирпичные. В Белом — сложены из белого камня и имели 28 башен и 9 ворот: Арбатские, Покровские, Яузские и др., сохранившие свои названия до сих пор. При Елизавете Петровне эти стены и башни были скрыты, а ров, который шел вокруг, Екатерина II приказала засыпать и на его месте разбить бульвары.

Земляной город иначе назывался Скородом (от легких, «скорых» построек). Стены его были деревянные с деревянными воротами. Всех их было 34 (из них Калужские ворота и Серпуховские были каменные), и над каждым воротами стояла башня с тремя зубцами.

325 лет назад

Как Русь отразила иноземцев

Проф. С. В. Бахрушин

Первый самозванец

В 1584 году умер московский царь Иван Васильевич, по прозвищу Грозный. Это был очень жестокий человек, но прославился он не только своей жестокостью.

Грозный окончательно уничтожил власть всех маленьких государей и создал единое, сильное и большое Московское

государство, которое могло защищать себя от врагов. Однако в минуту смерти царя Ивана положение в Московском государстве было не совсем благополучно: у Грозного не было достойного преемника.

Грозный был вспыльчивый человек. Од-



Русские крестьяне XVII века. По рисунку Олеария, секретаря голштинского посольства, посетившего Москву при царе Михаиле Федоровиче.

нажды в припадке страшной ярости он ударил посохом своего старшего сына, Ивана, и убил его.

У Грозного осталось еще два сына: Федор и Димитрий. Федор Иванович, вступивший на престол после смерти Грозного, был слабоумный. «Мы слышали,— говорили иностранные послы,— что ума у царя мало, но затем убедились, что его у него и совсем нет».

Делами Федор не занимался, а любил звонить на колокольне да ходить по церквям. Младший сын Грозного, Димитрий, был маленький мальчик и управлять государством, конечно, еще не мог.

Вместо слабоумного Федора государством управляли его родственники; между ними началась борьба за власть. Из этой борьбы победителем вышел брат царицы Борис Федорович Годунов. Умный, талантливый, с сильным характером, он очень быстро забрал царя в свои руки. Годунов продолжал дело Грозного и старался усилить и укрепить Московское государство.

Царь Федор был бездетен, и наследником его считался маленький царевич Димитрий.

Борис, который сам мечтал о престоле, боялся Димитрия и его дядьев, братьев его матери, происходивших из семьи Нагих. На всякий случай он отправил царевича подальше от Москвы, в город Углич.

Царевичу шел уже девятый год. Однажды — это было 15 мая 1591 года — маленький Димитрий, как обычно, играл на внутреннем дворе Угличского дворца вместе со своими сверстниками: они бросали в цель нож. Игра эта называется «тычкой». Во время игры с царевичем случился припадок. Такие припадки бывали с ним и раньше. По словам некоторых современников, он упал и наткнулся на нож. Во

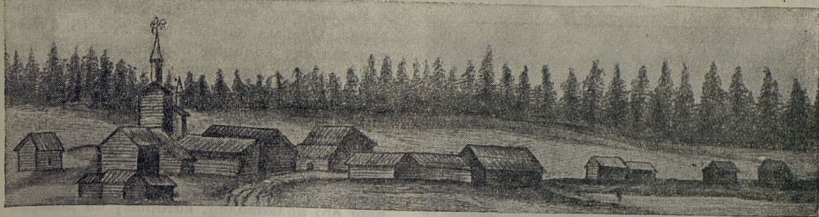
дворце поднялась тревога. Ударили в набат. Сбежался народ. При виде залитого кровью труп царевича в толпе стали кричать, что царевича убили люди Бориса Годунова. Толпа бросилась на царского чиновника, дьяка Битяговского, который управлял Угличем и служил Годунову. Битяговский и еще несколько человек тут же были убиты.

Борис жестоко покарал тех, кто участвовал в убийстве Битяговского. Но в народе все-таки продолжали говорить, что царевич был зарезан по приказанию Бориса.

Царь Федор не намного пережил своего младшего брата: он умер 6 января 1598 года. После его смерти собрались бояре, дворяне и духовенство и выбрали в цари Бориса Годунова, который и при жизни Федора фактически управлял Московским государством.

При Борисе Годунове положение в государстве сильно ухудшилось. 1601 год был неурожайный. Неурожайными были и два следующих года. В стране начался страшный голод. Люди питались сеном, ели человеческое мясо; пироги с человеческим мясом продавались открыто на рынках. Люди умирали из улиц. Борис стал раздавать милостыни из московской казны, потому что боялся, что народ может восстать против него. В Москву повалили толпы голодных. Но на царские подачки прожить было невозможно. Вспыхнули повальные болезни, начались волнения.

Вся тяжесть неурожая легла на крестьян. Они в то время были уже крепостными. Работая на помещиков, они и без того не могли обеспечить себя хлебом, а в неурожайные годы им и вовсе было нечем питаться. Народ стал волноваться. То здесь, то там вспыхивали восстания против помещиков. Недовольные крестьяне бродили по стране, собирались в большие отряды. Во



Русская деревня в XVII веке. С иностранной гравюры XVII века.

главе одного из таких отрядов стал Хлопко, по прозвищу Косолап. Он объединил вокруг себя много крестьян и холопов и двинулся на Москву. Царь Борис вынужден был послать против него целое войско. Бой был ожесточенный. Хлопко был разбит, но и царским воеводам победа досталась нелегко.

Тяжелым положением Московского государства решили воспользоваться давнишние его враги — поляки. При Иване Грозном поляки сильно пострадали: войска царя Ивана несколько раз разбивали их. И страх перед «москвитянином» — так поляки называли московского царя, — желание увидеть Москву и подчинить ее Польше толкали поляков против Москвы.

Теперь, узнав, что в Московском государстве голод и восстания, поляки решили не мытьем, так катаньем добиться своего. Среди слуг одного из польских панов находился русский человек; говорят, что это был беглый монах одного из московских монастырей Григорий Отрепьев. Этот Григорий Отрепьев стал поговаривать, что будто он не простой монах, а царевич Дмитрий, тот самый Дмитрий, которого Годунов, мол, пытался убить в Угличе, но по ошибке убил другого мальчика. Это был удобный для поляков случай, чтобы вмешаться в московские дела и посадить на престол своего царя, который был бы игрушкой в руках Польши. Человек, назвавший себя Дмитрием (мы его называем Лжедмитрием), был представлен польскому королю Сигизмунду III. Сигизмунд боялся принять открытое участие в судьбе этого искателя приключений, но он обладал его и не только дал ему пособие из своих королевских средств, но разрешил всем желающим полякам собираться под знамена этого проходима.

Лжедмитрий появился в Самборе, в зам-

ке польского вельможи Юрия Мнишек. Юрий Мнишек, не особенно чистый наруку человек, всегда нуждавшийся в деньгах и бывший по уши в долгах, увидел в самозванце средство поправить свои дела. У него была дочь Марина, знаменитая красавица. Лжедмитрий увлекся ею, и хитрый Мнишек согласился выдать дочь за самозванца, если он завоюет себе царскую корону.

В Самборе собрался большой отряд добровольцев из поляков. В октябре 1604 года войско Лжедмитрия перешло границу Московского государства.

В Московском государстве крестьяне изнемогали под игом помещиков. Заслышав, что в Москву идет «настоящий», как они думали, царь, крестьяне подняли восстание в надежде освободиться от власти помещиков. Лжедмитрий воспользовался этим. До крестьян ему, конечно, не было никакого дела. И когда он добился московского престола, он стал притеснять их еще сильнее.

Пограничные города сдавались самозванцу без боя. К нему присоединился также большой отряд казаков с Дона. Казаки были большей частью те же крестьяне и холопы, которые от притеснения помещиков бежали в степи. Они жили там вольной жизнью, занимались промыслами и воевали с татарами. Они ненавидели московских бояр и помещиков, но когда до них дошел слух, что идет настоящий царь, они поспешили к нему на помощь, надеясь, что он расправится с боярами и тогда в Московском государстве будут справедливые порядки. А Лжедмитрий мечтал только об одном: сесть на царский престол, — и для него все средства были хороши. Он обнадеживал и крестьян, и холопов, и казаков. С помощью поляков, которые со-



Первый самозванец.

«...лет ему от роду 20... А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». (Пушкин).

ставлял главную его силу, самозванец двинулся к Москве.

Годунов послал ему навстречу сильное войско в 40—50 тысяч человек. У самозванца же было тысяч 15. Но никто не хотел сражаться за Годунова: так тяжело жилось при нем населению Московского государства. В решительном бою войска Годунова потерпели поражение. «У них не было духа, чтобы драться, — писали иностранцы, участвовавшие в сражении, — у них были только ноги, чтобы удирать». Правда, при селе Добрыничах воеводы Годунова разбили Лжедмитрия. Но он быстро оправился от поражения. К нему подошли норвежские отряды казаков. Лжедмитрий занял Путивль, а отряд казаков под начальством атамана Корелы пошел на север и засел неподалеку от Орла, в городе Кромах. Здесь Корелу осадили московские воеводы. Осада затянулась до весны 1605 года. Утомленное тяжелым зимним походом, войско Бориса пришлось в расстройстве. И в это время совершенно неожиданно, в апреле 1605 года, умер от удара царь Борис.

На престол вступил его сын Федор Годунов. Он был еще юноша, лет 15. Годунов дал ему хорошее образование. До нас дошла карта Московского государства, отпечатанная за границей по рисунку, который сделал этот царевич. Современники говорили, что он был очень способный юноша. Но справиться с самозванцем, которого поддерживали поляки, Федор не мог. В его войске началось смятение: лучший его полководец, которому он доверял больше всех, талантливый Петр Басманов перешел на сторону самозванца; войска частью разбежались, частью присягнули самозванцу.

Когда весть об этом дошла до Москвы, сторонники самозванца подняли в столице мятеж. Они ворвались в Кремль, арестовали молодого царя Федора и всю его семью и послали звать на царство Лжедмитрия.

Царя Федора и его мать задушили. Самозванец торжественно как завоеватель вступил во главе польских войск в Москву. А вслед за ним явились и польские послы требовать с него расплаты за то, что поляки посадили его на престол. Добываясь помощи поляков, самозванец им очень много обещал: он обещал подарить Псков и Новгород своей невесте Марине Мнишек, Смоленск со всей Смоленщиной — отдать польскому королю. Он торговал Московским государством так, как презренные троцкисты недавно пытались торговать нашей советской родиной. Теперь поляки предъявили ему счет. Но самозванец скоро убедился, что русские люди ему не позволят распоряжаться так их родиной. Он начал было торговаться с поляками и предлагал им вместо городов деньги. Но поляки стояли на своем.

Со своей стороны Лжедмитрий требовал, чтоб король скорее отпустил к нему его невесту, Марину Мнишек. Сигизмунд понимал, что ему будет очень выгодно, если женой московского царя станет полька. Отпустив в Москву Марину Мнишек, Сигизмунд дал ей строгий наказ, чтобы она, будучи царицей, все делала в пользу Польского государства. Марина на коленях благодарила короля за его милости и обещала, что она и на московском престоле будет верной подданной польской королевы. Сигизмунд был уверен, что Московское государство уже у него в руках: Лжедмитрия он даже не называл царем, а только князем.

Марина Мнишек приехала в Москву не одна: с нею прибыл большой отряд поляков. Все они расположились в столице. Поляки держали себя заносчиво, как хозяева в завоеванном городе: они забирали даром в лавках товары и открыто кичились тем, что дали Москве царя. Да и сам Лжедмитрий не считался с москвичами. Его предупреждали, что в Москве очень недовольны поляками, но он смеялся и был убежден, что в опасный момент поляки его защитят.

Между тем московский народ ждал только удобного случая, чтобы расправиться с поляками. Этим воспользовались некоторые бояре, которые вовсе не хотели повиноваться какому-то беглому монаху, засевавшему в Москве при помощи поляков. Среди бояр первое место занимал князь Василий Шуйский. Это был хитрый и коварный человек. В свое время он поддерживал Годунова и клялся на Красной площади, что царевич Димитрий умер. Потом, когда взяла верх сторона Лжедмитрия, он заверял народ, что царевич спасся. А теперь Шуйский сам мечтал о престоле; поэтому он опять стал уверять, что настоящий царевич Димитрий был убит.

Вместе с другими боярами Шуйский составил заговор, чтоб свергнуть Лжедмитрия и самому сделаться царем.

В ночь на 17 мая в Москве ударили в набат. Это был сигнал, и все население Москвы поднялось против поляков. Поляки не были застигнуты врасплох: они ожидали восстания и успели вооружиться, хотя еще за несколько дней до восстания в московских лавках им перестали продавать порох. Отец царицы, Юрий Мнишек, с большим отрядом польских войск оборонялся в своем дворе. В течение этой ночи было перебито несколько тысяч поляков. Бояре ворвались в царский дворец. Лжедмитрий спал. Разбуженный шумом и

колокольным звоном, он спросил: «Что это такое?» Придворные, бывшие в заговоре, успокоили его, сказав, что в Москве пожар и потому бьют в набат. Но в скором времени они убедились, что это не пожар. Толпа заговорщиков подошла к двору. Лжедмитрий с палашом в руке пробовал пробиться. Это ему не удалось; он бежал из дворца через окно, но неудачно прыгнул и, упав с большой высоты на землю, разбил себе грудь. Его окружили стрельцы. Самозванец упрямился и защититься. Но когда стрельцам сказали, что это не настоящий Димитрий, то они выдали его, и он был убит.

Бояре, добившись своего, поехали успокаивать народ и уговаривать прекратить избиение поляков.

Кто же были те люди, которые в эту страшную ночь поднялись против чужезмцев, захвативших Москву? Это были не бояре, не вельможи, а бедняки, которые больше всего страдали от хозяйничанья иноземцев. И что же они выиграли? Только то, что на следующий день бояре провозгласили царем Василия Шуйского. И он стал управлять государством так, чтобы хорошо было боярам и богатым людям. Народу при Шуйском не стало лучше. Вот почему крестьянское восстание, которое вспыхнуло еще при царе Борисе и которым воспользовался самозванец, не только не прекратилось, но и стало усиливаться. У восставших крестьян оказался замечательный вождь. Это был бывший холоп Болотников.



Одежда польского воина.

Восстание Болотникова

Жизнь Болотникова была полна приключений: он был в плену у татар, потом попал к туркам и несколько лет работал на галерах — турецких судах. В то время машин еще не было и по морям плавали на парусах или на веслах. На весла сажали рабов и, подгоняя их кнутами, заставляли грести.

Смелый и решительный, Болотников бежал от турок в Западную Европу и, пере-

бираясь из города в город, попал, наконец, в Московское государство как раз в то время, когда там разгоралось восстание. Болотников стал во главе восставших крестьян, холопов и казаков. Он собрал большое войско — тысяч 20 — и с этим войском двинулся на Москву. Воеводы царя Василия терпели поражение за поражением.

Шуйским были недовольны не только



Тушинский «вор». С иностранной гравюры XVII века.

крестьяне и холопы: недовольны им были и многие помещики; они считали, что он все делает для бояр, а о простых дворянах мало заботится, мало награждает их за службу. Они присоединились поэтому к восставшим. Во главе их был рязанский помещик Прокопий Ляпунов.

Восставшие расположились лагерем под Москвой, в селе Коломенском. Они пытались взять Москву штурмом. Но среди них начались раздоры. Помещики хотели только сменить царя, а крестьяне хотели освободиться от гнета помещиков. В решительную минуту, когда восставшие штурмовали Москву, Ляпунов и его дворняги изменили и перешли на сторону царя Василия. Благодаря этому силы царя Василия очень увеличились. Он послал свои войска и приказал взять Коломенское.

Имена дворняг, которые еще оставались в войске Болотникова, расстроила ряды восставших. Но они упорно и храбро защищались. Их лагерь с трудом удалось поджечь и взять. Захваченных при этом сторонников Болотникова царь Василий приказал казнить, топить и вешать. Язуа

была наполнена трупами казненных и утопленных. Иностранцы, жившие в то время в Москве, говорили, что они не запомнят таких ужасов.

Болотников отступил в Калугу и храбро оборонялся от войск царя Василия. Тогда царские воеводы пошли на хитрость: подвезли огромное количество дров и навалили их большими кучами вокруг города. За этими дровами двигались царские войска. Но осажденные подвели под дровами мины и взорвали их. При этом погибло много людей из царского войска. Захватить Калугу Шуйскому так и не удалось. Из Калуги Болотников прошел в Тулу. Тула в то время была очень важным в военном отношении городом. Болотников рассчитывал, что в Тулу к нему подойдут на помощь казаки с Дона, с Волги и с Терека. И действительно, отовсюду к нему начали стекаться новые отряды восставших.

Болотников собирал силы, но и Шуйский не дремал: он подступил с войсками к Туле. Осада затянулась. Осажденные сражались героически: известны случаи, когда восставшие, чтобы не попасть в руки царя, садились на бочки с порохом и сами взрывали себя. И как ни сильно было царское войско, а взять Тулу не удавалось. В Туле начался голод, но защитники города стойко держались. Наконец, нашелся один «хитрец», как выражается тогдашний летописец. Этот «хитрец» посоветовал Шуйскому затопить Тулу. Шуйский приказал собирать мешки, набивать их землей и устроить запруду на реке Упе. Упа вышла из берегов; вода хлынула в город, и повстанцы были вынуждены сдаться, но сдались они с условием, что им будет сохранена жизнь. Царь Василий все обещал, а когда город был взят, Шуйский отправил Болотникова в ссылку в один из далеких северных городов, и там ему выкололи глаза и утопили. Но казнями царь Василий не остановил восстания: оно разрасталось. Только такого предводителя, как Болотников, повстанцы больше уже не нашли.

Среди них появился человек, который тоже называл себя Дмитрием. Это был Лжедмитрий II. И опять к нему присоединилось много поляков. Вместе с ними Лжедмитрий II пошел на Москву. Он подошел почти к самой Москве и расположился на высоком берегу Москвы-реки, в Тушине. Здесь берег высоко поднимается над рекой Москвой. Самозванец приступил

к осаде Москвы. Но тушинский «вор», как называли в народе второго самозванца, был не Болотников. Тот шел во главе восставших крестьян, чтобы освободить их от рабства и угнетения помещиков, а Лжедмитрий II думал только о том, чтобы захватить Москву и сделаться царем или, по крайней мере, пограбить и хоть недолго, да хорошо пожить. Его главную силу составляли поляки, которые, не стесняясь, грабили крестьян.

Царь Василий был в полном отчаянии, и так как он дорожил не Московским государством, не родиной, а только своей короной и престолом, то он и не постеснялся обратиться за помощью к шведам. Он предложил им в виде платы несколько русских городов, лишь бы шведы пришли к нему на помощь. Шведы согласились и прислали Шуйскому отряд. С этим отрядом племянник царя Василия Скопин-Шуйский отогнал тушинского «вора» от Москвы.

Царь Василий уже праздновал победу. Но торжество его было недолгое. Племян-



Русский воин в полном снаряжении,

ник его, Скопин-Шуйский, талантливый полководец, внезапно умер. В Москве говорили, что его отравил родной дядюшка, брат царя Василия, Дмитрий Иванович Шуйский. Дмитрий Иванович сам рассчитывал по смерти Василия стать царем и на всякий случай убрал опасного соперника с дороги.

Поляки в Москве

А в это время Сигизмунд решил, что пришло время действовать и ему: он заявил, что идет наводить порядок в Московском государстве. Войско Сигизмунда перешло русскую границу и осадило Смоленск. Поляки из тушинского лагеря охотно перешли к Сигизмунду. Кроме поляков в Тушине было много московских дворян и даже бояр, которые в свое время ушли от царя Василия к тушинскому самозванцу. Таких людей звали «перелетаны». Они действительно «перелетали» от царя Василия Шуйского в Тушино, из Тушина — к Шуйскому в Москву. Это было очень выгодно: перебежит кто-нибудь из Москвы в Тушино — и тушинский царь благодетельствует его; вернется из Тушина в Москву — царь Василий осыплет милостями. Бывало, соберутся в Москве родственники друг к другу в гости, пообедают и потом одни едут во дворец к царю Василию — другие в Тушино. Таких проходимцев из числа московских бояр и дворян в Тушине было немало.

Как только выступил Сигизмунд, «перелеты» предложили ему посадить на мос-

ковский престол его сына, королевича Владислава, мальчика 14 лет. Сигизмунду это показалось заманчивым: он рассчитывал, что теперь Смоленск сдастся ему беспрекословно. Но жители и гарнизон Смоленска продолжали мужественно обороняться. Только много позже, после 10-месячной осады, Смоленск после упорного сопротивления был взят поляками. Царь Василий выслал против поляков войско под начальством своего брата, бездарного полководца Дмитрия Ивановича Шуйского. Царь Василий рассчитывал больше всего на шведов. Но надежды эти не оправдались. Шведам надо было платить, а денег в московской казне не было. Поэтому во время битвы шведы перешли на сторону поляков. Московские войска потерпели страшное поражение. А князь Дмитрий Иванович позорно бежал с поля сражения. Тогда в Москве против царя Василия вспыхнуло восстание. Шуйского справедливо обвинили во всех несчастьях, которые выпали на долю Московского государства, свергли с престола и насильно постригли в монахи.



Красная площадь и Кремль в XVII веке. С иностранной гравюры XVII века.

А в это время польское войско под начальством гетмана Жолковского все ближе и ближе подходило к Москве. Воскрес и тушинский «вор»: он опять явился со своими войсками под Москвой. Московские бояре растерялись: они боялись поляков, но еще больше боялись тушинцев: они знали, что вместе с Лжедмитрием II в Москву войдут восставшие крестьяне и холопы, и тогда боярам придется плохо. Недолго думая, они решили, что лучше уж сдаться полякам, чем погибнуть от своих, и не только согласились признать царем королевича Владислава, но и пустили в Кремль польский отряд под начальством Жолковского, чтобы он защищал их от восставших холопов и крестьян. Так бояре из страха перед восставшими изменили родине и продали Москву иноземцам.

Когда поляки захватили Москву, Сигизмунд снял маску. Он теперь уже не говорил, что отпустит в Москву своего сына Владислава: он решил сам захватить московский престол и превратить Московское государство в часть Польского королевства. Среди московских бояр были изменники, которые из страха, как бы восставшие крестьяне не отняли у них земли и поместья, согласились признать Сигизмунда царем.

Пришла осень 1610 года. Сигизмунд

прислал в Москву своего представителя Гонсевского. Гонсевский управлял Москвой как полновластный государь. Польский гарнизон стоял в Кремле и распоряжался в Москве. Москвичам по улицам было небезопасно ходить: поляки открыто их грабили. Среди московской бедноты разгоралась ненависть к порабощителям-иностранцам. Поляки это знали, поэтому они запрядали продавать в лавках москвичам не только оружие, но даже топоры: они боялись восстания и в этом не ошиблись.

19 марта 1611 года в Москве действительно вспыхнуло восстание. По всему городу были построены баррикады из бревен, скамей, столов; отдельные польские отряды подвергались нападениям.

Москва в то время состояла из нескольких городов. В центре ее был Кремль, защищенный каменными стенами. Там сидел польский гарнизон. Близ Кремля находился Китай-город, тоже окруженный стенами. Это теперешняя Красная площадь и те улицы, которые примыкают к Красной площади до площади Дзержинского и Ногина. За Китай-городом шел Белый город. Назывался он Белым потому, что был окружен белой каменной стеной, которая тянулась по теперешней линии трамвая «А». А дальше, за Белым городом, шел Земляной город. Это был, собственно, не город,

а отдельные поселения, деревушки и слободы, разбросанные среди садов и огородов и окруженные земляным валом. Он проходил там, где теперь идет линия «Б». До сих пор еще сохранились названия улиц: Валовая, Коровий вал, Земляной вал, Землянка — как память о тех временах, когда там проходил настоящий земляной вал.

Восстание вспыхнуло в Белом городе. У восставших был смелый предводитель — князь Пожарский. Вблизи теперешней площади Дзержинского, на Лубянской улице, он выстроил небольшой острожок и там оборонялся от поляков. Поляки были не в силах одолеть восставших в открытом бою: тогда они подожгли Белый город. Раненый Пожарский отступил в Замоскворечье. Но поляки, по совету изменников-бояр, подожгли и Замоскворечье. Вся Москва была выжжена. Едва удалось полякам подавить восстание в Москве, как 1 апреля появился с большим войском Ляпунов. Он заявлял, что пришел освободить Москву от поляков. В его войске были и дворяне, и казаки, и даже холопы. Но в этом войске не было согласия.

Главную массу казаков составляли крестьяне и холопы, бежавшие от притесне-

ний помещиков. Они невидели помещиков, от которых терпели много обид. Служа в войске Ляпунова, они продолжали враждовать с помещиками и грабили их именем. Холопы, которые примкнули к Ляпунову, надеялись получить свободу от своих господ. А дворяне все были помещиками, они думали только об одном: как бы после взятия Москвы опять прикрепить крестьян к земле и вернуть ушедших от них холопов.

Ляпунов стал хватать казаков, которые не повиновались ему, и вешать их. Среди казаков поднялось недовольство, и они убили Ляпунова. Тогда дворяне перепугались и большая часть их разбежалась из-под Москвы. Остались одни казаки, решившие продолжать осаду.

Новые их начальники — Трубецкой и Заруцкий — были подозрительные люди. Трубецкой служил в свое время в Тушине, а Заруцкий был просто искателем приключений. Казаки были плохо вооружены и справиться с поляками не могли, но и полякам приходилось несладко. Город был выжжен. Они сидели в осаде в Кремле и терпели сильный голод: казаки не пропускали к ним продовольствия.

Минин и Пожарский

В то время, когда казаки под начальством Трубецкого и Заруцкого стояли под Москвой, в Поволжье поднялось новое сильное движение против поляков. В Нижнем Новгороде купечество и горожане встали на защиту родины. Купцы, особенно мелкие торговцы и ремесленники, сильно страдали от господства поляков: поляки вместе с тушинцами захватывали города и грабили их. Торговля прекратилась, и иностранцы, с которыми торговали поволжские купцы, перестали приезжать в Московское государство.

Во главе движения стал нижегородский купец Минин, торговец скотом и мясник, умный и энергичный человек. Он хотел во что бы то ни стало освободить Москву от поляков и готов был идти на любые жертвы для этого и требовал таких жертв и от других. Когда до него дошли известия, что Москва сожжена, что ляпуновское ополчение распалось, он стал собирать нижегородских жителей и убеждал их отдать третью часть своего имущества и собрать войско для освобождения Москвы.

Порыв Минина охватил всех нижегородцев: они забыли про свои личные дела, чтобы только спасти родину. Было собрано много денег, и на эти деньги нижегородцы снарядили войско. Нужно было только найти хорошего полководца, и Минин его нашел.

Недалеко от Нижнего в своем имении жил Пожарский. Он был ранен в бою с поляками и лечился от ран. К Пожарскому отправилось посольство — просить его стать во главе войска. Пожарский был человек скромный, но защиту родины считал своим долгом. Он согласился стать во главе войска, но с условием, чтобы в помощь ему выбрали человека, которому он мог бы доверять. По его указанию, выбрали Минина.

Мало было собрать войско: надо было снабдить его хорошим оружием. В те времена в бой выходили в кольчугах. Это были рубашки из маленьких железных колец; такая кольчуга защищала от ударов, но не стесняла движения. Иногда



Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве.

кроме того на грудь накладывались железные латы (пластинки). На голову надевали шлем — железную шапку. Чтобы защитить шею и вместе с тем не мешать ей поворачиваться, к шлему сзади привешивалась металлическая сетка, так что открыто было только лицо. Спереди от шлема шла особая металлическая стрела, которая защищала переносицу. На левую руку привязывался деревянный щит, обитый железными пластинками.

Ружья, или, как их называли тогда, пищали, были далеко не у всех, но у каждого воина был колчан со стрелами, лук и сабля. И ружья и кольчуги стоили очень дорого. Кроме того для боя надо было иметь сильных и выносливых лошадей. И тут Минин оказался на высоте: он сумел собрать средства и хорошо обеспечил всем необходимым войско Пожарского. По словам казаков, оно было «богатое», т. е. хорошо вооруженное.

Выступив из Нижнего Новгорода, Пожарский дошел до Ярославля и тут начал собирать войска. К нему стали стекаться с разных сторон русские. Сходились к нему остатки ляпуновского ополчения, присоединилась и часть смоленских жителей, которые бежали из Смоленского края, после того как поляки взяли Смоленск. Войско Пожарского увеличивалось с каждым днем. Он двинулся на Москву. Летом 1612 года Пожарский подошел к ее стенам и осадил Москву со всех сторон.

На помощь осажденным полякам двигалось войско под начальством гетмана Хоткевича. Он шел с большим обозом продовольствия, и если бы ему удалось про-

ваться в Кремль, то это значительно бы ухудшило положение Пожарского: весь расчет был на то, что поляков возьмут измором.

Русским было трудно воевать с поляками: московские войска в то время были наполовину нерегулярные. Лучшей частью войска считалась дворянская конница. Дворяне шли на битву, вооруженные косяк отцовскими и дедовскими доспехами, даже не всегда с «огненным боем», то есть с огнестрельным оружием, а только с луком и со стрелами. Они бросались в сражение на своих маленьких лошадках, подгоняя их нагайками. Если враг выдерживал этот натиск, дворяне разбегались, потому что долго сопротивляться хорошо вооруженному неприятелю они не могли: все зависело от силы первого удара.

Поляки же были много образованнее москвитян. Польща была ближе чем Московское государство к Западной Европе, отсюда поляки заимствовали более высокую военную технику. Они были хорошо вооружены, в бой вступали не беспорядочной толпой, как московские дворяне, а правильным строем, как регулярное войско. Отдельные полки имели свою форму, иногда очень причудливую; так, один полк носил за спиной металлические крылья.

В руках поляков была и московская артиллерия, захваченная ими в Кремле. Это были громадные и громоздкие пушки, которые трудно было передвигать с места на место¹. Но все-таки стрелять из них было можно, и поляки воспользовались ими для того, чтобы отражать нападения русских.

Освобождение Москвы

Когда Пожарский подошел к Москве, он застал под ее стенами Трубецкого и Зарудного с их казаками. Казаки стояли около Яузских ворот, близ Белого города. Трубецкой предложил Пожарскому стать общим лагерем, но тот не согласился: он боялся, что казаки не поладят с его дворянами. Поэтому он стал около Арбатских ворот. С двух сторон Москвы — со стороны Яузы и со стороны Арбата — стояло два войска, которые никак не могли сговориться. В решительную минуту дело могло погибнуть из-за того, что между дворянским ополчением Пожарского и казачьим ополчением Трубецкого не было соглашения.

Положение становилось чрезвычайно опасным. Хоткевич наступал. Он вступил в тайные переговоры с Зарудным, обещая ему всякие милости, если тот уйдет из-под Москвы, и Зарудный с частью войска покинул лагерь и ушел в Коломну.

22 августа 1612 года, почти 325 лет назад, Хоткевич перешел реку Москву у Девичьего монастыря.

Наступил момент решительного боя. Хоткевич ударил на Пожарского. Пожар-

¹ При даре Федоре Ивановиче была отлита знаменитая царь-пушка (на ней есть изображение царя Федора на коне). Из этой пушки стрелять было невозможно: так она была велика.

ский оборонялся изю всех сил. Трубецкой стоял и ждал.

Тогда казаки Трубецкого сами заговорили: «От нашей ссоры Московскому государству и ратным людям пагуба станвится», — и без Трубецкого бросились в бой, поддерживая Пожарского. Хоткевича удалось оттеснить. Он не мог пробиться к Арбатским воротам и через день попытался наступать с другой стороны. Основная часть его войска стояла за Москвой-рекой. Хоткевич двинулся по направлению теперешней Пятницкой улицы и Ордынки.

В Замоскворечье, там, где соединяется Ордынка с Пятницкой, был небольшой острожок. Здесь стояли казаки Трубецкого. Завязалось сражение. Казаки дрогнули и в беспорядке стали отступать за Москву-реку в брод. В то время каменного Москворецкого моста не было, а был только плывучий мост. Пожарский послал к казакам монаха Троицкого монастыря Авраамия Палицына. Ему удалось уговорить казаков. Те, которые еще не перешли через реку, снова бросились в битву. Их товарищи, бывшие уже на том берегу, стали возвращаться обратно. Снова закончился бой. Судьба Москвы решалась: поляки были под самым Кремлем. Нужно было во что бы то ни стало не дать им прорваться через Москву-реку. Сражение тянулось весь день. К вечеру еще ни та, ни другая сторона не победила. Тогда Мяснин обратился к Пожарскому: «Дай мне полк, и я сам поведу его в бой». Пожарский отвечал: «Выбирай, кого хочешь». Мяснин отобрал лучшие части войска и бросился с ними в Замо-

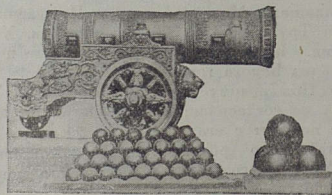
скворечье на Хоткевича. К утру Хоткевич был разбит наголову и отступил; остатки его войска бежали.

После отступления Хоткевича судьба поляков, сидевших в Кремле, была решена: они сдались и только выговорили условие, чтоб им сохранили жизнь. Это было им обещано, и они ушли из Кремля. Вместе с ними вышли и русские бояре, сидевшие в осаде. Это были те бояре, которые призвали поляков и держали все время их сторону. Когда наступал Ляпунов, а после него Пожарский, они посылали им грамоты, отговаривали от похода против поляков: «Что вы делаете, против кого вы идете? — писали они Пожарскому. — Ведь казаки нас, бояр, грабят, а поляки защищают». Теперь, когда поляки сдались, эти бояре тоже раз'ехались по своим именьям.

Москва была освобождена дружными усилиями всего народа. Правда, когда победа была одержана, власть захватили дворяне. Но цель была достигнута: Москва — освобождена. И хотя тяжело было крестьянам под властью московских помещиков, но, конечно, неизмеримо хуже было бы им, если бы они попали под ярмо иностранцев.



Изображение царя Федора Ивановича — на дульной части царь-пушки. Здесь это изображение кажется просто нарисованным, а на царь-пушке оно выпу-
клое.



Рассказы о мужестве и находчивости

А. Рыклин

Рис. П. Кузьмичева

Граница нашей великой родины—это 60 тысяч километров.

Посты и заставы пограничников находятся на Украине, в Белоруссии, у берегов Северного Ледовитого океана, в горах Закавказья, у берегов Финского залива, в дальневосточной тайге.

Мужеству, храбрости, находчивости наших славных пограничников посвящены эти короткие рассказы.



Комсомольский билет

Анатолий Чепуштанов пошел в кино на картину «Чапаев».

Молодому уральскому слесарю Анатолию Чепуштанову очень понравился Василий Иванович Чапаев.

— Вот это человек! Настоящий герой!

Он шел по улице и все время повторял про себя слова Петьки, адъютанта легендарного командира:

«Гляжу я на тебя, Василий Иванович, педоступный ты для моего ума человек! Прямо Наполеон!»

Еще раз пошел Анатолий в кино.

Еще раз восхищался доблестной жизнью Василия Ивановича Чапаева.

Шел из кино домой и думал:

«Вот это жизнь! Эх, прошли времена, когда можно было показать себя в бою. Теперь, пожалуй, и служить в армии скучно... Хорошим красноармейцем, конечно, можно стать, но как стать героем?..»

Так думал Анатолий Чепуштанов, которому вскоре надо было явиться на призывной пункт.

Анатолия взяли в Красную армию и послали служить на Дальний Восток. Здесь он попал в пограничные войска, на заставу, которой командовал капитан Агеев.

Началась будничная жизнь красноармейца: строевые занятия, учеба, наряды, учебные тревоги.

Неплохо жилось Анатолию. Командиры— прекрасные люди. Кругом хорошие, отзывчивые, веселые товарищи. Места новые, интересные. Да и военная служба завлекала его: он узнал много нового.

Но все же иногда Чепуштанов скучал: «Настоящего дела не вижу. Дни текут одинаково, как тихая спокойная речка».

Ходил часто Чепуштанов на открытые комсомольские собрания. Но в комсомол не вступал.

— Почему в комсомол не вступаешь?— спрашивали его товарищи по заставе.

Чепуштанов смущенно улыбался:

— Еще не время. Комсомольский билет надо завоевать. Погодите: придет мое время.

Время пришло. Это было 30 января 1936 года.

Большой хорошо вооруженный отряд японо-манчжур проник на советскую территорию. С ними вступили в бой красноармейцы заставы капитана Агеева.

В этот день впервые в своей жизни Анатолий Чепуштанов участвовал в настоящем бою. Он воевал! Он гордился собой, что вот и он как и другие защищает с оружием в руках свою родину, свою советскую власть.

После боя он напишет письмо домой, на Урал, родным, товарищам. Он подробно расскажет в письме, какой был бой...

Он лежал в снегу и думал обо всем этом. Но долгим размышлениям тут не место: вот впереди, совсем близко, метров триста — что ли — залег противник.

Пальнуть бы туда? Но нельзя. Еще нет приказа. Надо ждать.

Командир отделения Лебедев — вон он рядом лежит замаскированным в кустарнике — строго-настрого приказал:

— Зря не палить, патронов попусту не трогать. Огонь без разрешения не открывать!

Чепуштанов крепко сжимал в руках винтовку. Прищутив глаза, он напряженно смотрел вперед, где на белом снегу темнели силуэты японо-манчжур.

Вдруг за кустом мелькнули две шапки-ушанки. Они! Совсем близко! Вот бы попробовать...

Чепуштанов заволновался и шепнул командиру:

— Разрешите пальнуть, товарищ командир. Не промахнусь.

— Стреляй!

Подтянулся, сжал губы и выстрелил. Есть!

Один из противников взмахнул руками и свалился. Второй тотчас же уполз.

Перестрелка усиливалась. Над головой Чепуштанова, точно сердитые пчелы, пролетали пули.

Вдруг Чепуштанов оглянулся и увидел: молодой боец-комсомолец Фомин лежит на боку, и снег подле него покраснел от крови.

Чепуштанов подполз к раненому Фомину и осторожно потащил его назад, в тыл. Переползая, он увидел, что командир взвода Масиенко остался почему-то без винтовки и стреляет по врагу из револьвера.

Чепуштанов доставил раненого товарища в тыл, взял его винтовку и патроны и пополз к Масиенко.

Только он отдал командиру взвода винтовку и патроны, как почувствовал острый укол в левую руку. Кровь текла по рукаву. Больно...

Ничего! Рана нестрашная. Правая рука еще крепка и сильна.

Вот опять за кустом показалась ушанка. Раненый Чепуштанов быстро целится в куст, стреляет — оттуда, из-за куста, падает винтовка...

По рядам пронеслась команда: «В атаку!» Вместе с другими на передовых линиях Чепуштанов. Из левой руки сочится кровь.

Противник отброшен.

Когда Чепуштанов выздоровел и вернулся из лазарета, он подал заявление в комсомол. Он завоевал комсомольский билет.

А вскоре известили пограничника Анатолия Чепуштанова, что он награждается орденом Красного знамени.

И когда героя-бойца чествовали на заставе, один из его товарищей в шутку сказал:

— Гляжу я на тебя, Анатолий Чепуштанов, недоступный ты для моего ума человек! Прямо Наполеон!..



Бандиты в шляпах

Почему пограничники побеждают?

Ведь большей частью происходит так: японо-манчжур в три, в пять раз больше чем пограничников. Но все же пограничники наносят им сильный урон и очищают от них советскую территорию.

Враг плохо вооружен? Нет, он вооружен прекрасно.

Враг слаб, труслив? Ничего подобного. Это сильный и дерзкий враг.

Побеждают наши пограничники потому, что они знают, за что борются. У них есть не только винтовка, но и идея: они защищают социализм от капиталистов; они защищают новую, счастливую жизнь страны против тех, кто хочет наш народ превратить в рабов. А японские солдаты вынуждены класть голову не за свои интересы.

Вот почему так самоотверженно дерутся советские пограничники! Вот почему они побеждают!

Эти мысли вам невольно приходят на ум, когда, минуя скалистые сопки, вы приближаетесь к заставе имени Александра Краева.

Кто такой Александр Краев? Почему советская пограничная застава названа его именем?

В ответ на этот вопрос вы услышите один из тех рассказов, которыми так богаты будни нашей доблестной пограничной охраны.

Вас поведут к склону отлогой сопки. Там, среди ярких цветов, посаженных заботливыми руками товарищей, небольшая могила.

Это было утром. В Москве, по камням Красной площади, грохотали танки, шумели колеса артиллерии. Четкий, размеренный топот кавалерии доносился из Москвы сюда, на заставу у скалистых сопок.

Бойцы сидели в ленинском уголке и внимательно слушали у радиоприемника перелетный гуд далекой Москвы.

— Я сын трудового народа...

След за наркомом слова красноармейской присяги повторяли на Красной площади тысячи молодых бойцов.

Один из бойцов, командир отделения Александр Краев, поднялся. Ему пора в наряд...

Он пришел на место. Лег за обгорелым пнем, притаился и стал наблюдать.

Он вскоре увидел за бугром крадущегося человека в шляпе. Пограничник решил его поймать. Припадая к земле, он перебежками стал приближаться к нему. Тот заметил и открыл стрельбу. Начал стрелять и Краев.

В это время на помощь бандиту подоспело еще трое — и тоже в шляпах. А сзади, незаметно для Краева, появились еще две шляпы. Он их увидел только потом.

Вот уже один бандит упал, сраженный пулей пограничника. Но в эту же минуту Краев почувствовал резкую боль в правой ноге: он ранен.

Краев заметил впереди себя пень. Он с трудом дополз до него и, укрывшись за пнем, продолжал стрелять.

Он бы еще справился с теми, которые находились против него. Но ведь двое бандитов находились сзади.

И Краев почувствовал, что в спину ударила вторая пуля. Стиснув зубы, он продолжал, однако, стрелять и попал еще в одного бандита.

Но тут он был в третий раз ранен. Пуля прошла через плечо. Винтовка выпала из рук.

Все-таки Краев потянулся за винтовкой: он захотел еще раз выстрелить.

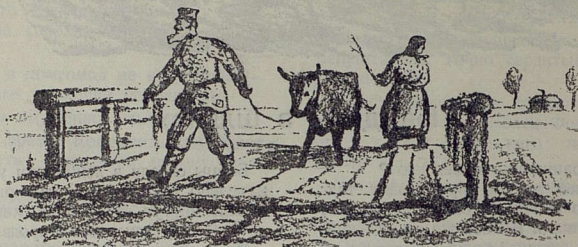
Но его поразила четвертая пуля.

На выстрелы прибежали пограничники. Бандиты скрылись за границу.

Александр Краев еще жил. Он успел коротко рассказать о бое и умер...

Когда на заставу имени Александра

Краева приходят служить молодые красноармейцы, их ведут сюда, к отлогой сопке, и у могилы славного бойца им рассказывают о человеке, геройская смерть которого зовёт к борьбе за прекрасную жизнь.



Коровенку купили

Советская Карелия граничит с Финляндией. Леса и болота, болота и леса — такова здесь линия границы.

Болота здесь большие. Чтоб обогнуть иное болото, надо пройти километров тридцать, а иногда и больше.

В наиболее населенных пунктах через болота проложены мосты.

Однажды летом через один из таких мостов шли старик со старухой.

Старик был такой, как рисуют в сказках: над глазами нависли густые суровые брови, седая широкая борода закрывала почти все лицо и грудь. Одежда бедная: дырявый картузишко, штаны в заплатках, холщевая, давно не стиранная рубашка, подпоясанная толстой бичевой, на ногах какие-то древние ботинки и зеленые обмотки.

Не особенно нарядна была и старушка: на ней были мужские сапоги, старые, дырявые, пожелтевшие от времени, платье из ветхого лоскутного одеяла; черный платок был туго завязан вокруг головы и закрывал почти все лицо. Старуха еле тащила ноги, горбилась и кряхтела.

Старик вел на веревке корову, старуха шла сзади и подгоняла ее хворостиной. Коровенка, как и ее хозяйка, тоже была очень жалкая. Тощая, грязная, она брела по мосту, уныло покачивая головой.

Вправо за мостом находилась пограничная застава.

Приближаясь к ней, старик и старуха все чаще и чаще оглядывались по сторонам.

Старик на минуту остановился и глазами показал старухе на виднеющуюся вдали заставу. Старуха нетерпеливо махнула рукой. «Не трусь, мол, старик. Иди своей дорогой. Чай, корова не краденая, а купленная за свои трудовые деньги. Чего нам бояться?»

Старик почесал свою длинную седую бороду и полпелся дальше. За ним на веревке шла корова.

Однако в отличие от своих хозяев она шла спокойно, не оглядываясь по сторонам, и не обращала никакого внимания на заставу. За коровой с хворостиной в руках, кряхтя и охая, брела старушка.

В самом деле, чего им бояться пограничников?

Документы у них в полном порядке. Документы хорошие, от сельсовета, и подписи на них есть, и номера, и круглые печати. «Дано сие гражданину Ивану Порфирьевичу Козодоеву, 67 лет, в том, что он действительно проживает в селе... что подписью и приложением печати удостоверяется».

Конечно, лучше было бы не идти через мост. Но обогнуть болото—дело нешуточное. А кроме того и за болотом и в лесу—везде можно наткнуться на пограничников.

А с другой стороны, чего их бояться, пограничников? Оно даже лучше пройти око-

до заставы. Ну идут себе старики и ведут коровенку. Мало ли ходит людей по мосту?

Вот они прошли мост и вышли на дорогу. Миновали заставу. Их никто не окликнул. Никто ничего не спросил.

Старик пошел бодрее. Повеселела и старушка и стала даже меньше охать. Только коровенка продолжала уныло качать головой...

В это время за кустами, которые тянулись по краям дороги, происходил такой разговор:

— Не нравится мне что-то этот старик со старухой, — шопотом сказал пограничник Васильев своему товарищу Сосенкову.

— А я ничего подозрительного не замечаю, — ответил Сосенков. — Обыкновенные старик и старуха.

— Чего же они так беспокожно оглядывались по сторонам?

— Может, это тебе показалось?

— А все-таки не мешает проверить, — настаивал Васильев.

— Это ты правильно сказал, — согласился Сосенков.

Оба пограничника выскочили из-за куста и с винтовками наперевес подбежали к старикам и старухе:

— Руки вверх!

— Роденькие мои! Сыночки мои, господь с вами! — взмолился старик. — Коровенку вот на последние гроши купили у знакомого. Он за болотом живет.

А старуха с испугу заголосила.

— Руки вверх! — повторил Васильев.

— Домой коровенку ведем, сыночки, отпустите. У меня и документы все от сельсовета. Да разве мы... — упрасивал старик.

Но Васильев еще раз настойчиво крикнул:

— Руки вверх! Стрелять буду!

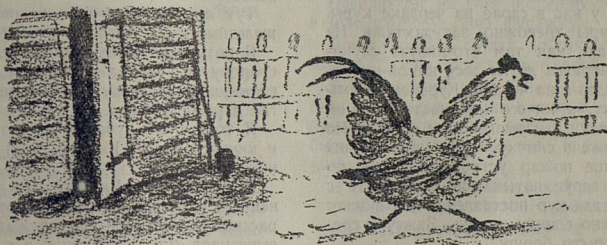
Тогда старик бросил корову, отскочил в сторону и выхватил из кармана маузер.

Но выстрелить он не успел: Сосенков прикладом выбил у него из рук оружие и схватил его за седую длинную бороду.

Борода осталась в руках пограничника.

Васильев развязал и снял с головы старухи черный платок. У дряхлой старушки оказалось мужское молодое лицо.

Обоих шпионов повели на заставу. За ними, уныло качая головой, брела рыжая коровенка.



На чердаке

Витя Мороз — не красноармеец: он школьник и пионер.

Но в эту минуту он чувствует себя отважным бойцом, красноармейцем, пограничником.

Он идет по улицам села с пограничниками. Их трое, он четвертый. Он идет, размахивая руками, все время стараясь не сбиться с ноги и не отстать от быстрого шага красноармейцев.

Жаль, что уже стемнело. Во многих хатах на селе погасли огни. Вот бы ребята удивились, если бы посмотрели теперь на Витю Мороза. Вот бы удивились: куда это он идет с пограничниками?

Миновав узенькую сельскую улицу, Витя остановился у большого сарая.

— Вот здесь! — шепнул он пограничникам.

Пограничники перескочили через низкую

ограду и вошли в сарай. Один из них нажал кнопку электрического фонаря. В сарае, в углу чердака, за кипами соломы, сидел человек.

Его обыскали и повели на заставу. Он оказался крупным шпионом. Он имел от одной соседней державы серьезное задание шпионского характера, которое должен был выполнить на западной границе Советской Украины.

Но пионер Витя Мороз своей находчивостью и храбростью помешал шпиону осуществить свой злодейский план.

Пограничники, задержав шпиона, попросили Витю пойти вместе с ними на заставу. Без него теперь дело не обойдется: он главный свидетель; он должен рассказать начальнику все подробно, как было.

На заставе главный свидетель дал свои показания. Начальник внимательно слушал и записывал все его слова в толстую тетрадь.

— У нас петух есть дома, — начал рассказывать Витя, — очень задиристый. Вот он мне и подал сигнал. Я стоял у окна. Дома никого не было: все куда-то разошлись. Смотрю: петух выскочил из сарая, бегаёт по двору, хлопает крыльями и шумит. Я вышел во двор. Хотел загнать его обратно в сарай. Отказывается идти. Бегаёт, шумит, а к сараю и близко подойти не хочет. «В чем дело?» — думаю. Дай зайду в сарай. А у нас в сарае на чердаке куры. Слышу: куры тревожно закудахтали. Не иначе, думаю, как там что-нибудь случилось. Не забрался ли из лесу какой-нибудь зверек? Полез я на чердак. Куры еще громче кудахчут, а ничего не видать: темно. Правда, у меня в кармане были спички. Но как мне зажечь спичку, когда кругом одна солома? Еще пожар устроишь. Ползу по чердаку и вдруг натякуюсь на корыто с водой. Это для кур поставлено. Я и думаю: теперь можно спичку зажечь. Зажгу и сразу ее в корыто брошу.

Чиркнул я спичкой и увидел в углу человека. Сидит и молчит. Я у него спрашиваю:

— Кто вы такой? Что вы здесь делаете?»

А он отвечает:

— Свой».

А я ему:

— Я своих всех знаю. А вас что-то никогда не видал. И почему вы залезли к нам на чердак?»

— Я прохожий. Мне председатель сельсовета разрешил. Я переночую и рано утром уйду. Ты, мальчик, не беспокойся».

— Как же, — говорю, — председатель мог разрешить спать на нашем чердаке?»

— Так, — отвечает, — разрешил».

Тут я и догадался, но притворился, будто поверил ему.

— Ну мне все равно, — говорю я. — Можете переночевать».

Но, как видно, он понял мою хитрость. Зажигает он тоже спичку, и я увидел в его руках большую пачку денег. Он мне и говорит:

— Ты, мальчик, не тревожься. Я тебе заплачу за ночлег. Я тебе дам много денег, а ты себе купишь за них, что хочешь. Только не болтай никому».

— Не нужно мне ваших денег, — говорю я. — Ночуйте так. А только спичками вы тут не балуетесь! Сами видите: солома».

— Возьми деньги, дурень. Тут много денег. Потом пожалеешь».

— Нет, спасибо. Ночуйте так, без денег».

Сказал я это и задом пробираюсь к выходу. На всякий случай еще раз зажег спичку, чтоб посмотреть, где он и что он делает.

Тут я вижу, что этот человек хватается железные вилы, которые стояли в углу.

Я потушил спичку, отскочил в другую сторону и услышал в темноте, как вилы воткнулись в стенку, на том самом месте, где я раньше стоял.

Я тотчас же кубарем слетел с чердака и кинулся к дяде Никите. Дядя Никита — наш сосед.

Я сказал дяде Никите, что теперь мне некогда долго разговаривать, потом ему все расскажу. Пусть он постережет сарай, не выпускает оттуда человека, а я в один момент слетаю на заставу.

Дядя Никита схватил оглоблю и побежал к нашему сараю, а я к вам.

А потом мы с пограничниками и нашли его в сарае, под соломой. Бежать ему некуда было: дядя Никита огрел бы его оглоблей.

Бот и все, что я знаю...



Поручик Фудзита обиделся

Мы попросили пограничника Ферাপонто-ва рассказать нам какой-нибудь замечательный случай из его боевой жизни.

Ферাপонтов был очень смущен просьбой:

— Да ничего замечательного и не было. Так, все мелкие происшествия.

— А вы расскажите о мелком происшествии.

— Право, не знаю, с чего начать. Вот разве об этом... Как на меня обиделся японский поручик Фудзита. Был у меня вместе с товарищем Сырщиковым такой случай...

В пять часов утра мы с товарищем Сырщиковым вышли в дозор. Было это ранней весной. На сопках и в ложбинах еще лежал глубокий снег.

В темноте мы пробирались по густой чаще леса. Осторожно раздвигали ветки деревьев. Пересекали в разных направлениях хребты. Поднимались на сопки и опускались в пади.

Наступил день. А мы все ходим да ходим. Вдруг замечаем след—отпечатки нескольких человеческих ног. Сколько людей прошло, определить нельзя было, потому что шли они гуськом, след в след. Одно легко было установить: шли они из-за границы.

Мы начали преследование. Следы привели нас к заброшенным баракам лесорубов: здесь проводились лесозаготовки и остались бараки.

Мы спрятались за корневища и стали наблюдать.

Но, видно, они нас заметили, потому что неожиданно для нас выскочили из барака через окно и пустились бежать в сопки.

Было их четверо, и все в военной форме.

Мы сбросили шинели и кинулись за ними

в погоню. Нарушители бежали по откосу, все время укрываясь за буреломом.

Вот мы уже близко от них.

— Стой! — кричу я. — Стой!

Японцы не обращают внимания на мой крик и продолжают бежать. Мы тоже усилили бег.

Видим: один из них начал отставать: из сил выбылся. Это был офицер.

Я бросился за офицером, а Сырщиков стал преграждать путь солдатам.

Я подбежал к офицеру и дал предупредительный выстрел.

Офицер лег на снег и почему-то бросил в мою сторону свою фуражку...

Почему он это сделал, до сих пор не понимаю. Думаю, просто испугался.

Я подошел к нему ближе. Он в панике стал выбрасывать из кармана какие-то бумаги. Впоследствии выяснилось, что это были только что заснятые карты нашего участка.

Я ему пригрозил винтовкой и сказал:

— Лежать спокойно! Не шевелиться!

Он хотя русского языка не знал, но, взглянув на мою винтовку, понял меня.

Он лежит. Смотрю: куда же девался Сырщиков? Все-таки он один, а их трое.

Но вот из-за сопки показался и Сырщиков: идет и ведет троих пленников.

Я приказал офицеру подняться с земли и идти впереди меня.

Тут мы соединились с Сырщиковым.

Все время мы держали винтовки наготове. Надо было смотреть в оба. У солдат были три винтовки, а у офицера браунинг.

Мы повели задержанных к небольшой речке. Здесь мы остановились. Сырщиков

направил на них винтовку, а я стал разоружать, то есть вынимать затворы из винтовок пленных.

Затем мы построили всю четверку гуськом, а сами пошли сзади. Через полтора часа мы привели нарушителей границы на заставу.

По дороге на заставу офицер все время хватался за голову, а солдаты плакали.

На заставе нас встретил капитан Агеев. Офицер сказал ему по-японски очень длинную речь, все время показывая на меня. Он был чем-то очень расстроен, сердился, жаловался.

Пригласили переводчика, и тот раз'яснил, в чем дело:

— Поручик Фудзита — самурай!... Так вот поручик Фудзита обижается, что его задержал простой солдат. Поручик Фудзита — самурай, и он может сдаться в плен только офицеру. Как же смел рядовой солдат обезоружить офицера-самурая и взять его в плен? Поручик Фудзита считает это безобразием. Он обижен и протестует.

— Почему же вы сдались в плен рядовому солдату? — спросил его товарищ Агеев через переводчика.

— Мы думали, — ответил поручик Фудзита, — что там много солдат и офицер. Нам так показалось. А сейчас нас в плен и меня, благородного самурая, два солдата. Повторю: я обижен и протестую...



Ярый купальщик

Есть такие ярые купальщики. Хоть сырой туман, хоть дождь, хоть непогода — им все нипочем, они обязательно купаются.

Если уж плавать невозможно, то хотя бы раз-другой окунуться с головой, пофыркать, поплясать на берегу на одной ноге и затем, дрожа от холода и стуча зубами, влезать в одежду.

Есть такие ярые купальщики. Попадаются они, грешным делом, и на той стороне реки, в Польше.

Об одном таком купальщике мы и собираемся вам рассказать.

Дело было в августе, под вечер, часов в шесть. Осень пришла ранняя. Дни стояли прохладные, туманные, моросил нудный мелкий дождичек.

К польскому берегу подошел какой-то человек в штатском платье.

На берегу кругом ни души. Сыро, холодно. Человек стал медленно раздеваться. Неужели он будет купаться в такую погоду?

Так оно и есть: он снял с себя одежду, бережно сложил ее в тонкий резиновый мешочек. Затем каким-то маслом начал усиленно натирать себе тело — средство против холода.

После этого разбежался и — бултых в воду. Долго он купался: плавал, плескался, нырял. Видно, купанье доставляло ему большое удовольствие. Удивительно крепкое здоровье у этого человека — позавидовать можно.

Если бы кто-нибудь внимательно наблюдал в это время за купальщиком, он мог бы заметить, что купальщик все время старательно смотрел на противоположный, советский берег. Нырнет, выплывает на поверхность и смотрит. Очень любознательный человек!..

Любознательный человек пробыл в воде

¹ Самурай — это аристократическая каста дворян-рыцарей.

не меньше получаса. Затем подплыл к своему берегу, взял резиновый мешочек с одеждой и нырнул в воду.

Выплыл он у советского берега. Еще раз внимательно осмотрелся. Потом вынул из мешочка одежду и стал одеваться.

Оделся, достал из кармана револьвер, осмотрел его, положил обратно в карман и пошел.

Идет и все время нервничает. Останавливается, оглядывается, прислушивается. Уже совсем стемнело, ничего не видать, а местность незнакомая...

Следом за этим ярым купальщиком бесшумно полз на животе Алексей Семиков, пограничник, комсомолец.

Семиков уже давно наблюдал за этим человеком и видел, как он подошел к польскому берегу, как раздевался, как купался. и так далее.

Теперь он полз за ним и думал:

«Надо его взять без выстрела. Но раньше пускай перестанет нервничать, успокоится и почувствует себя как дома, а потом...»

Нарушитель границы все меньше оглядывался. Он пошел более уверенным шагом.

Наконец, он совсем успокоился. Это заметно было по его походке.

«Теперь уж можно начинать», — решает Семиков.

Он подползает совсем близко к нему, вскакивает и издает резкий, пронзительный крик. Это был набор всех гласных русского алфавита:

— А-о-у-э-и-я!!!

Нарушитель был подготовлен к выстрелам, к крикам: «Стой!», «Руки вверх!», «Ложись!»

Но он был совершенно не подготовлен к такому дикому, душераздирающему крику:

— А-о-у-э-и-я!!!

В ушах у него зазвенело, точно рядом граната разорвалась. Он совершенно растерялся.

Этого и нужно было Семикову. Он подскочил к нему и, не дав ему опомниться, повалил на землю и приставил штык к груди.

По дороге на заставу купальщик все время молчал, но раз обернулся к пограничнику и сказал:

— В жизни я не слышал такого крика. Большой вы специалист.

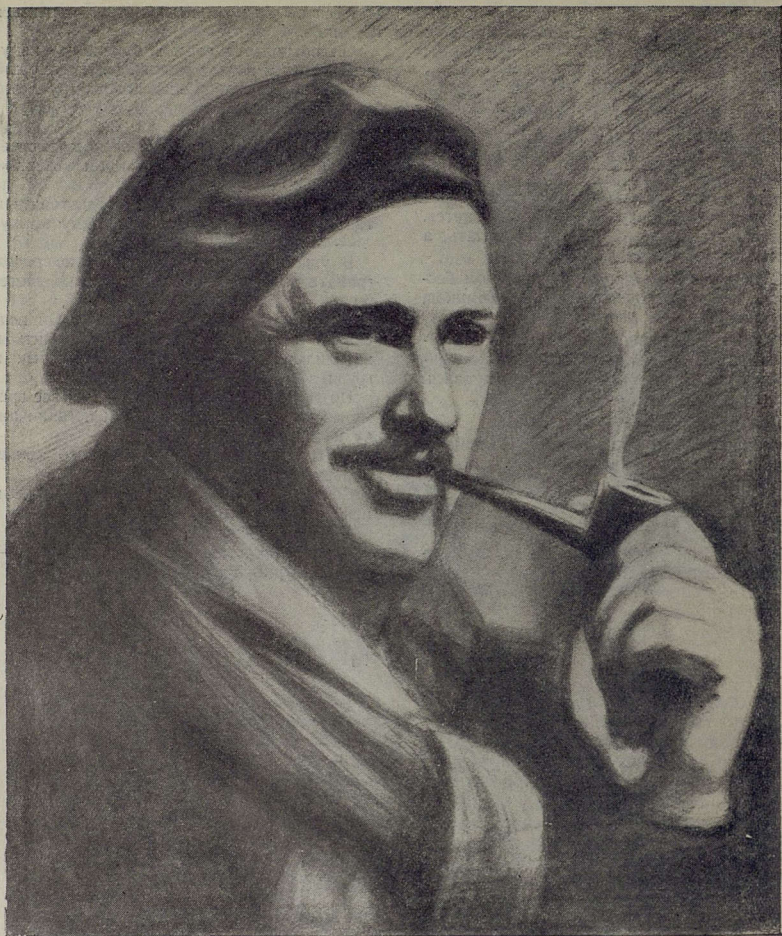
Семиков не остался в долгу и на комплимент ответил комплиментом:

— А вы очень ловко купаетесь...

— Да, я сегодня удачно искупался, — мрачно буркнул в ответ купальщик.



но и М од ало П



Поль де Крюи

Кто этот человек в берете и с трубкой, с веселым и мужественным лицом? Ковбой? Штурман дальнего плавания? Киноартист из Голливуда? Это известный врач-бактериолог и писатель Поль де Крюи. Необычайный врач и необычайный писатель!

Этот врач сумел рассказать, как увлекательна его наука, всему миру, тысячам людей, которые никогда не смотрели в микроскоп и не разводили в плоских чашках культур бактерий.

Этот писатель пишет только о профессорах и докторях, имена которых встречаются на стра-

ницах ученых журналов, почтенных и как будто скучных учебников, — и вот оказалось, что жизнь этих людей полна событий, не менее удивительных чем приключения героев Майн-Рида!

«Охотники за микробами», «Борцы с голодом», «Борьба со смертью» — кто не читал этих книг? И читали их так, будто в них шла речь не о «зверюшках», живущих во мху на крыше, не о сенных настоях, которые упорно кипятил Пастер, и не о поиске микроба — возбудителя «туляремии», — но, по крайней мере, об охоте на бизонов или об экспедиции в таинственную золотую страну — Эльдorado! Помните «Охоту за невидимым врагом», напечатанную в прошлом году в № 5 «Пионера»?

Главные герои последних книг Поля де Крюи — американцы. Врачи и ученые из Вашингтона, Калифорнии или Города соленого озера — все они превращались под его пером в настоящих «янки», не унывающих и решительных, немного чудаковатых.

Они смело преодолевали все препятствия и, пережив головокружительные приключения, делали какое-нибудь замечательное открытие, которое должно было осчастливить человечество и прежде всего Америку.

И нам казалось, что сам Поль де Крюи — тоже типичный «янки», который свято и наивно уверен, что нигде нет страны лучше Соединенных штатов и нет лучших врачей и ученых, чем те, что сидят в вашигтонском департаменте здравоохранения.

Но вот Поль де Крюи пишет новую книгу. «Почему они должны умирать» — так называется первая глава этой книги. Кто должен умирать? Разве не вернулись с богатой добычей «охотники за микробами» и не отпраздновали победы «борцы с голодом» и даже «борцы со смертью»?

Но вот выходит, что несмотря на все эти победы в Америке умирает все больше и больше людей. Умирает от тех самых болезней, от которых как будто нашли такие верные лекарства врачи и ученые! Почему это? Как это может быть? — спрашивает Поль де Крюи.

Миллионы людей в Америке не знают, что они будут есть завтра. До лекарств ли им?! Сотни тысяч семейств, оказывается, не могут купить даже грошовый порошок танина. «Наш экономический строй, — пишет Поль де Крюи, — превращает в посмешище спасительные открытия науки».

«Не знаю, — так говорит он в своей новой книге, — почему я так долго не мог сообразить,

что все эти открытия предназначены только для **продажи**, что жизнь и здоровье можно иметь только тогда, если вы их купили и уплатили за них. Какие извинения я мог так долго находить для нашей уродливой, насквозь фальшивой цивилизации?»

Я был чем-то вроде живого репродуктора и балаганного крикуна:

«Лэди и джентльмены! За десять центов, за один только дайм вы можете видеть самое увлекательное зрелище в истории — великие победы науки!»

Десять лет подряд я помогал заманивать на этот спектакль больных, искалеченных и обреченных на гибель людей, чтобы подвергнуть их мучительной пытке — увидят самих себя крепкими, стройными, долголетними и освобожденными от страданий. Такими, какими могли бы быть все люди, если бы только...

Мы-то знаем, что должны значить слова «если бы только»: если бы больше не существовало на свете капиталистического строя.

Теперь увидел это и доктор Поль де Крюи, слишком честный, чтобы всю жизнь оставаться «янки».

Но если бы даже спасти миллионы больных, умирающих на больших дорогах, в больницах и ночлежках Америки? Что предстоит им? Нищета, голод, безработица?

И вот Поль де Крюи свою новую книгу называет «Стоит ли им жить?».

Страшный и такой непохожий на все прежние заголовки!

Он снова пишет о врачах и ученых. Пишет так же увлекательно, как прежде. Но в этой книге почти ничего не рассказано о знаменитостях. Незаметные, провинциальные доктора, изобретатели лекарств самых простых, самых дешевых и потому самых спасительных для миллионов бедняков... Поль де Крюи пишет об этих врачах, уже зная, что их простые, доступные средства также все-таки не могут вылечить горя, бедноты и даже болезней в американском капиталистическом обществе.

Одна из таких историй — история о докторе Дэвидсоне, который придумал замечательное средство для лечения ожогов, не будучи в силах равнодушно смотреть, как у него на глазах, в госпитале в Детройте, умирали люди с фордовских заводов и ни один врач в мире не мог их спасти.

Эту историю вы прочтете в нашем журнале.

В. Сафонов

Открытие доктора Дэвидсона

Перевод О. П. Червонского

Поль де Крюи

В фордовском госпитале

Прямо не верится, что Дэвидсон сделал свое открытие в Детройте — шумном городе автомобилей, миллионеров, а не ученых, скромно изучающих в тиши лабораторий работу человеческого тела, всю жизнь оставаясь бедняками! Казалось бы, что Дэвидсон слишком молод, чтобы сделать открытие, требовавшее особенного терпения и усидчивости: он был всего лишь тридцатилетним юнцом. И мог ли он думать о научных исследованиях, работая хирургом в госпитале Генри Форда?

В 1924 году в Детройте на каждом углу можно было угодить под новенькую машину какого-нибудь миллионера, и доктора ценились не столько за их научные изыскания, сколько за умение сократить размеры страховых премий.

Но Дэвидсону повезло: он получал полную ставку в госпитале Генри Форда и был избавлен от необходимости гоняться за долларами. Зато каждый день через операционную доктора Дэвидсона проходил печальный парад изувеченных рабочих, и доктор мог отлично изучить обратную сторону «процветания» американской промышленности.

Тогда как раз разрабатывался вопрос о новом лаке для окраски кузовов, сулившем огромные прибыли. И красивые мастерские, пылавшие пожарами и взрывами, то и дело направляли в госпиталь Генри Форда крикливые машины скорой помощи, привозившие к Дэвидсону рабочих...

Это был поистине страшный парад.

В эти шумные и тяжелые, богатые и страшные годы к Дэвидсону попадали люди с выжженными глазами, с ужасными пузырями, покрывавшими больше половины тела, с лицами, обуглившимися до неузнаваемости. У этих обожженных людей перед удивленными глазами Дэвидсона развертывалась странная картина болезни, которая озадачивала всех врачей с незапамятных времен.

Чтобы успокоить страшные боли, он накачивал их морфием, мазал их льянным маслом, поливал их парафином, который, застывая, должен был защитить обожженную кожу от болей, вызывавшихся даже прикосновением воздуха. И если они не погибали в момент ожога, то в ближайшие двадцать четыре часа их состояние заметно улучшалось. А затем начинались новые, зловещие явления: сердце билось быстрее и быстрее, лица принимали землисто-синеватый оттенок, поднималась тошнота. Люди затихали, впадали в беспамятство, от которого уже не могли очнуться, и... умирали.

Умирал почти каждый, у кого площадь ожога занимала не меньше трети всей поверхности тела. Загадочность заключалась в том, что ожог вовсе не должен был быть глубоким, чтобы убить больного; простое покраснение, почти без пузырей, часто оказывалось смертельным. Отчего же они, в таком случае, умирали?

Опыты Германа Пфейфера

«...По вопросу о лечении ожогов я не нашел решительно ничего, достойного внимания».

Но ведь люди в госпитале Дэвидсона умирали! Мог ли он успокоиться на выводе Питермэна?

Он продолжал упорно искать, рыться в литературе. Наконец, в старом журнале он нашел забытую статейку Германа Пфейфера: описание опытов над кроликами.

Я помню, мне самому пришлось случайно присутствовать при этих опытах в 1914 году. Они мне показались ужасным варварством, а главное, совершенно бессмысленными, хотя я был тогда довольно решительным и далеко не мякотелым парнем.

Пфейфер, задавшись целью выяснить причину этой загадочной смерти от ожогов, нацел только один путь для разрешения вопроса. Он брал взрослых здоровых кроликов, брил их догола, усыплял хлороформом и затем обваривал тонкой струей кипятка.

Кролики, конечно, погибали. Пфейфер вскрывал мертвых зверьков. Его поражало, что у них у всех печени и почки странно изменились: кролики погибали как будто от отравы!

Теперь Пфейфер был близок к разреше-

нию своей задачи. Он впрыснул кровь обваренных кроликов мышам, и она оказалась смертельной для них. Кровь обожженных кроликов убивала также морских свинок и других кроликов. Не похоже ли на то, что ожог превратил здоровую кожу в нечто весьма ядовитое, в какой-то яд, который, очевидно, всасывается в кровь обожженного животного и поражает важные органы его тела?

Яд! Так была найдена разгадка этой загадочной смерти. Если обварить кролика и тут же, срезав обваренную кожу, быстро пересадить на ее место здоровую, кролик оставался жив... А если пересадить обваренную кожу внутрь организма совсем здорового, необожженного кролика, зверек погибал совершенно так же, как если бы он сам был обварен кипятком.

За дверью лаборатории

Но какую пользу можно было извлечь из этой высокочудной пфейферовской науки? Представляете ли вы себе, с каким чувством беспомощности смотрел Дэвидсон на своих больных, медленно погибавших от отравления, против которого не было никакого спасения?

Быть может, попытаться спасти их тем же способом, каким Пфейфер спасал своих кроликов: ободрать с них сожженную кожу? О, да, Дэв знал, конечно, что такие попытки делались уже не раз некоторыми отчаянными хирургами! Эти живодеры проделывали чудовищные операции. Они срывали у больных огромные участки обожженной кожи, спасая их, от отравления, но в то же время обрекая их на медленную смерть от заражения.

Нет, операциями ничего не добьешься. Надо поискать чего-то другого. Но чего?

В коже обожженных образуется какое-то смертельное вещество. Если бы только на два—три дня задержать его на месте... Но как задержать его? Каким дьявольским способом всунуть непроницаемую для яда перегородку под сожженную кожу, чтобы спасти организм от отравления?

Это было похоже на то, как если бы неумеющий плавать стоял и смотрел на тонущего человека и думал: «Ах, если бы у меня был спасательный круг...»

Дэвидсон снова стал обдумывать опыты старого Пфейфера. Этот безжалостный ви-визектор растирал сожженную кожу кро-

лика. Бульон, который он готовил из этого растертого вещества, был смертелен для здоровых животных. Но если прибавить немного ядовитой сулемы к этому ядовитому бульону, то он становился безвредным: надо думать, что сулема свертывала кожные белки, как свертывается и твердеет белок яйца, если его сварить. Яд оказывался пойманным, связанным в белковом сгустке.

Да, но к чему это все? Какой сумасшедший решится класть повязки из сулемы на воспаленную кожу?

Но тогда... Быть может, есть такое безвредное вещество, которое так же свернет белки, задержит и свяжет яд, не отравляя организма? Дэвидсон побеседовал со старшим хирургом Мак-Клором, но тот ничем не мог ему помочь. Он говорил со своими друзьями, товарищами по госпиталю. Они тоже не придумали ничего. И вот однажды он заговорил на эту тему с химиком Мэйсоном, который сказал ему:

— Отчего бы вам не попробовать таннин?

Таннин — что может быть проще? Ведь таннин содержится даже в крепком чае и старых чернилах. И вот Дэвидсон скрылся за дверью лаборатории с пакетом таннина, несколькими кроликами и белыми крысами. В полнейшем секрете он стал делать опыт за опытом.

Я не могу точно сказать, извлек ли Дэв какую-нибудь надежду на спасение людей

из своих опытов, или, может быть, им суждено было остаться такими же образцами чистой науки, как и опытам Пфейфера. Но как бы то ни было, утром 5 мая 1924

года доктор Дэвидсон перешел от опытов над кроликами и крысами к лечению обожженных людей, которых никто до того не мог вылечить.

Черный панцырь

В это утро произошла вспышка светильного газа на большом автомобильном заводе — семь человек остались лежать на месте.

Больше всех пострадал рабочий Дж. М., негр, 27 лет. У него были обожжены руки, лицо, плечи и шея. Уши, часть лица и кисти представляли ужасную картину, которую врачи называют ожогом третьей степени. Ожоги занимали больше трети всей поверхности тела.

Дэвидсон начал лечить этого больного так, как это принято в госпитале: впрыснул морфий, покрыл влажными борными компрессами правую руку и кисть, лицо и голову. Но на левую руку больного он осторожно положил сухие компрессы и стал пропитывать их пятипроцентным раствором таннина.

Утром 7 мая больной Дж. М. должен был подвергнуться тому, что для всех обожженных в тысячу раз ужаснее первых страданий при ожоге. Дэв пришел переменить повязку. Он начал снимать один за другим борные компрессы с правой руки и лица больного. Это был медлительный и страшный хирургический обряд. С марлями и бинтами сдиралась кожа. Больше получаса Дэвидсон, его молодой способный помощник Эллен и медицинские сестры стояли, нагнувшись над Дж. М. Теперь осталась левая рука. Много ли кожи сдерет он с нее? Дэвидсон — крупный, широкоплечий здоровый мужчина, — затаив дыхание, принялся за левую руку с танниновыми компрессами...

Но компрессы снялись быстро и безболезненно. Дж. М. весело улыбался, забыв о болях в правой руке. И вот тогда Дэвидсон сообразил, что перед ним нечто такое, чего еще не видел ни один врач, лечивший ожоги.

Левая рука Дж. М. почти совсем не опухла. Из нее ничего не сочилось. Она была суха. Она была черного цвета. Как будто в черном, непроницаемом панцыре! Дэв наклонился и слегка потрогал больную руку... Потом прижал сильнее и спросил:

— Так больно?

Дж. М. улыбнулся и ответил:

— Нет, доктор, совершенно не больно.

Так одержал Дэвидсон свою первую победу над ожогом. В это утро он положил вместо борных танниновые повязки и на правую и на левую руки Дж. М., смазал ему танниновой мазью лицо, голову. Разумеется, и все шесть остальных злополучных товарищей Дж. М. были переведены на танниновые повязки. В течение часа бесцветный раствор таннина, которым сестры поливали компрессы, впитался в раздраженную кожу этих больных, кожа сделалась сначала коричневой, потом стала затвердевать и, наконец, приняла совершенно черный цвет. И через час никто из них уже не нуждался в морфии.

Но, может быть, это только счастливый случай?

15 июня карета скорой помощи привезла Дэвидсону рабочего, который свалился в чан с кипятком. Его тело было покрыто ожогами, начиная от первой до самой глубокой, третьей степени. Площадь ожогов занимала около 44% всей поверхности тела. Это был человек, осужденный на смерть. Был пущен в ход таннин. И вот кожа на месте ожогов покрылась черной чешуей... Только на месте ожогов: здоровая кожа выделялась белыми участками с зазубренными краями, напоминая географическую карту. Прямо поразительно, как быстро этот человек оправился от первого нервного потрясения; ему даже не потребовалось морфия. Никакого отравления, никакой лихорадки!

А ведь этот человек давно должен был быть мертвым!

Но как все-таки удалить с него эту черную кору? Она спасла ему жизнь, в этом не могло быть ни малейшего сомнения. Но показаться друзьям, товарищам по работе в таком наряде...

Вот разве отмотить эту чешую добрыми старыми борными компрессами?..

Компрессы положены. Дело шло успешно...

Но отчего уже через десять—двенадцать часов температура у больного скакнула вверх? Пульс у него стал еле слышным, как выражаются доктора, нитевидным. Начались ужасные боли. И через три дня этот спасенный Дэвидсоном человек был мертв...

Дэвидсон знал, что убил его. Доктора охватил ужас.

Но больше он не повторит своей страшной ошибки.

Этот умерший человек дал еще одно неопровержимое доказательство спасительной силы таннинового панциря.

В августе в госпиталь привезли двоих, сожженных еще сильнее... Черные, как сенегалцы, от танина, покрывавшего их больше чем наполовину, они спокойно лежали в кроватях без одеял и простынь, а натянутый над ними легкий тент обогревался внутри электрическими лампами. По прошествии нескольких дней они окрепли

и поправились после первого нервного потрясения. А затем, не думая о том, черные они или белые, красавцы или уроды, Дэвидсон стал наблюдать, как сама природа взяла на себя заботу об их танниновом наряде. День за днем, по мере того как больные становились крепче, они сами освобождались от своего черного одеяния. Можно было каждый день обдирать его по кусочку: под ним была новая, розовая, здоровая кожа! Это страшное черное одеяние не только убивает боль и обеззараживает яд: оно одновременно защищает от заразы, и раны заживают скорее, почти не оставляя после себя рубцов.

Шатры Гровера Пенберти

Дэвидсон затеял свою борьбу со смертью ради миллионов обездоленных людей, ради тех, кто подвергает себя лишениям и страшному риску, чтобы обеспечить легкую и приятную жизнь кучке богатых, ловких и алчных людей. Хотя многие еще умирали, но он спасал все больше и больше людей, применяя свой метод в самых отчаянных и безнадежных случаях.

С лечением взрослых людей дело обстояло хорошо.

Но грудные младенцы и дети — это было, разумеется, совсем иное дело. А между тем из 100 случаев тяжелых ожогов в Соединенных штатах 45 падает на ребят. Дэвидсон вступил в переговоры с талантливым хирургом Гровером Пенберти, который лечил обожженных детей в мичиганской детской больнице, в Детройте.

Не так-то просто применить к ним танниновое лечение: дети гораздо чувствительнее взрослых к отравлению. Ожог — и даже неглубокий — одной седьмой части тела ребенка считается уже смертельным.

Дэв вместе с Пенберти просматривал одну за другой истории болезней, рассказывавшие о разных трагических происшествиях: о трехлетках, залезших в ванны с горячей водой или упавших в некрытые баки с кипятком; о крошках, стащивших с плиты кастрюлю с супом или кофейник; о мальчуганах, заживавших спички в тот момент, когда заваленная работой мать на минутку отворачивалась. В этих домах бедняков, откуда попадало в больницу больше всего обожженных детей, проповедь осторожности прозвучала бы горькой насмешкой: ведь загнанные, сбившиеся с ног матери при всем желании не могут поспеть всюду и уследить за всем.

И вот Дэв и Пенберти начали лечить детей.

Прежде всего ребенку давали ложку успокоительного лекарства. Больного укладывали в шатер, сделанный из детской люльки, покрытой сверху простыней. Этот шатер обогревался внутри электрическими лампами. После этого сестра, вооружившись пульверизатором, начинала обрызгивать свежим танниновым раствором обожженные места у детей, повторяя это с перерывами несколько раз, пока пораженные части тела не принимали густой коричневый цвет.

В январе 1934 года я стоял с доктором Гровером Пенберти у одной из таких маленьких палаток. Под полотняным навесом лежала трехлетняя девочка, очень крепенькая, с очаровательным личиком, и спала. Она была голая и лежала на животе. Она спала тихо, видимо, не чувствуя никаких болей. У нее были здоровые, румяные щеки. Но начиная от затылка и вниз по одной руке, по обоим плечам, по спине и одной ноге тянулся чернокоричневый танниновый панцирь, совершенно точно отмечая границы страшного ожога.

Не менее половины всей поверхности тела было обварено.

— Есть ли какая-нибудь надежда на ее спасение? — спросил я Гровера.

— О, ее шансы блестящи, — ответил он. — Требуется только время. Когда черный покров сойдет, под ним могут оказаться места, сожженные настолько глубоко, что придется подумать о пересадке кожи. Но есть все основания предполагать, что девочка останется жива и будет так же здорова, как и раньше.

Я отвернулся. И не потому отвернулся, что вид ребенка был слишком ужасен, во-все нет... Я подумал о том, что эта спо-

койно спящая девочка в доэвидсоновские времена, несомненно, была бы вынесена из больницы в беленьком ящике...

Лекарство, доступное всем

Лечение, открытое Дэвидсоном, просто, дешево, можно сказать, общедоступно.

И все же много рабочих и несчетное число детей в Америке продолжают гибнуть, не получая дэвидсоновского лечения.

Конечно, надо, чтобы каждого, больного с более или менее серьезным ожогом как можно скорее осмотрел доктор. Доктор должен впрыснуть морфий, умело применить тепло, если при ожоге получилось тяжелое нервное потрясение, влить солевой раствор, если организм потерял много жидкости (ведь при сильных ожогах обожженные места сочатся).

Но первую таниновую помощь можно оказать и до прихода врача. Только не смазывайте ожогов льняным маслом или другими мазями! Если нет под рукой обеззараженных, стерильных инструментов, то лучше вообще не вскрывать пузырей.

Первым делом, нужно взять чистые полотняные тряпки и чистый, стерильный бинт, затем развести в стакане воды пять—шесть чайных ложек порошка танинна. Получится как раз такой раствор, какой нужен.

Теперь закройте обожженные места полотняными тряпками и все время пропитывайте их таниновым раствором, пока боль не прекратится и сожженная кожа не примет густой коричневой окраски.

Только каждый раз нужно готовить свежий раствор танинна. Заранее приготовленные растворы через несколько дней теряют свои вяжущие, спасительные свойства.

Правда, сейчас в Америке сотни тысяч семейств слишком бедны, чтобы купить себе даже этот дешовый порошок. Правительство не обеспечивает даже лечения этим людям. Но простая наука Дэвидсона указывает выход и для них. У всех ведь есть обыкновенный чай. А хороший крепкий чай, свежесваренный и охлажденный, содержит в себе достаточно танинна, чтобы применить его при ожогах с таким же успехом, как и растворы, приготовленные по всем правилам науки Дэвидсона.

Не даром китайцы — хотя Эдуард Дэвидсон и не знал об этом, делая свое открытие — с незапамятных времен лечат ожоги крепким чаем.

У меня до сих пор неотступно стоит перед глазами маленькая, трехлетняя девочка, которой спас жизнь Гровер Пенберти по способу Дэвидсона. Дети должны жить! И все же в Америке дети умирают от ожогов тысячами. Тысячи семейств в богатой Америке не могут оплатить лекарств, пригласить врачей. Каждый ребенок, если бы он остался жив и вырос, выучился и стал на работу, еще больше увеличил бы богатства страны. Но дети и взрослые — кого легко могла бы спасти наука — все-таки умирают. Таковы немощь и глупость американского экономического строя...

Этот строй знает один закон — закон наживы...

И тем не менее он не может уже истратить пени, чтобы спасти доллар!





Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

(Продолжение)

Повесть третья. О том, как Автандил отправился
на поиски Тариэла

Двадцать дней прошло. Приехал Автандил в отцовский город.
Весь народ навстречу вышел. Все хотели — стар и молод —
Принести дары и встретить молодого властелина.
Но спешит в покои витязь, чтоб увидеть Шермадина.

То был сверстник Автандила, раб, воспитанный примерно,
Был он к юноше привержен и служил ему он верно.
— Шермадин, мой друг любимый, — молвил юноша, тоскуя, —
Знай, мое разбито сердце: дочку царскую люблю я!

Слух о витязе пропавшем до тебя дошел, я знаю,
По приказу Тинатины я найти его желаю.
Если витязя найду я и приют его открою,
Автандил и Тинатина будут мужем и женою.

Шермадин, я уезжаю. В сердце — горе и тоска.
На тебя я оставляю все арабские войска.
Будь начальником над ними, властвуй именем царицы,
С непокорными сражаясь, укреплй ее границы.

Но в походах и сраженьях сходи будь всегда со мной,
Вот тебе кафтан мой лучший, славный меч мой боевой.
Царь об этом знать не должен — таково мое желанье.
Если ему даров побольше и пищи ему посланья.

Ожидай меня три года. Может быть, настанет час,
Я вернусь к моей царице, с честью выполнив приказ,
Если ж нет, тогда, молю я, вспомни про Автандила:
Далеко под чуждым небом примет витязя могила.

Шермадин заплакал горько, но послушаться не смеет.
На коня садится витязь. Небо меркнет и темнеет.
Конь несется через поле, и далеко за спиною
Остается древний город с крепостной его стеною.

Год проходит, два проходят. На исходе третий год.
Много выпало скитальцу и лишений и невзгод.
Дождь его хлестал и ветер с ног валил. И в чистом поле
Сколько раз, как зверь, голодный ночевал он поневоле.

По лицу земли скитаясь, исходил он все пути,
Но того, кого искал он, все же он не мог найти.
Уж отчаивался витязь, — с Тиватиной разлученный,
Увядал, подобно розе, первым снегом занесенной.

Раз в глухом безлюдном поле пошатнулся бедный конь.
Автандил остановился, слез с коня, развел огонь.
Нанизал шашлык на вертел, приготовил скромный ужин:
И коню и человеку был в то время отдых нужен.

Вдруг три неких чужестранца к Автандилу подошли.
Был один в крови и в ранах, два других его вели,
— Вы разбойники! — воскликнул Автандил. — Остановитесь!
— Нет, — ответили пришельцы, — помогите нам, храбрый витязь!

Мы из области Хатети три начальника, три брата,
Многочисленных оленей мы преследовали стадо.
Вдруг предстал пред нами витязь, ликом сумрачный и бледный,
Конь прекрасный, как Мерани, нес его тропой заветной.

Мы, под'ехав к незнакомцу, пожелали долголетия,
Мы просили дать дорогу, он же нас ударил плетью.
Брат вскипел, за меч схватился, тот его ударил снова
И умчался, словно ветер, словно призрак духа злого.

— Вон, смотри, — сказали братья, приближаясь к Автандилу, —
Едет он в конце долины, уподобившись светилу.
Автандил взглянул и видит: вдалеке, едва заметен,
Едет витязь долгожданный, ликом сумрачен и бледен.

Значит, были не напрасны и скитанья и тревоги!
Автандил воскликнул: — Братья, утомились вы в дороге,
Вот огонь и ужин бедный, отдохните, подкрепитесь.
Если б знали вы, как нужен мне печальный этот витязь!

И помчался он в погоню, рассуждая сам с собою:
— Тот, кто встретится с безумцем, должен быть готовым к бою.
Неразумный бой погубит столь неслышанное дело,
Нужно действовать иначе — терпеливо и умело.

Нужно ехать, укрываясь среди кустарников и ветел,
Так, чтоб витязь был спокоен и погони не заметил.
Не к убежищу ль какому ныне держит он дорогу?
Дликий зверь и тот имеет к ночи теплую берлогу.
Но прошло два дня, две ночи — нет конца дороге дальней,

Мчится витязь по тропинкам, безутешный и печальный.
Лишь на третий день, под вечер, через реку переплыв,
Чудный конь на берег вышел и взобрался на обрыв.

Тут, среди густых деревьев, у подножья скал пустынных,
Был заметен вход в пещеру. И в плаще из шкур звериных
Дева, плачущая горько, неизвестного ждала.
Витязь слез с коня, и дева незнакомца обняла.

— О, Аснат, сестра родная! — молвил витязь. — Все пропало!
Не нашло большое сердце ту, которую искало!
Витязь в грудь себя ударил. Слезы брызнули ручьем.
Так они, обняв друг друга, горько плакали вдвоем.

На рассвете чудный витязь снова в дальний путь помчался.
Автандил из-за деревьев видел все и удивлялся.
Нет, теперь с дурною вестью не вернется он назад.
Тайну витязя откроет безутешная Аснат!

Вот он вышел из засады и приблизился к пещере,
Дева выбежала снова, распахнув большие двери.
— Тариэл, — она сказала, — ты вернулся? Что с тобой?
Но, увы, далек был витязь. Перед ней стоял другой.

Дева вскрикнула, и эхо ей в ущелье отвечало.
Автандил схватил девицу, но она рвалась, кричала.
— Тариэл! — она молила. — Тариэл! Вернись ко мне!
И металась, точно птица, очутившись в западне.

— О, не плачь, — воскликнул витязь, опускаясь на колени, —
Что тебе могу я сделать? Кто твои услышит пени?
Твоего я видел друга. Был он светел и велик.
Кто, скажи мне, этот витязь, чей луне подобен лик?

— О безумец! — отвечала дева бедная сквозь слезы. —
Не скажу тебе ни слова. Не помогут и угрозы.
То, о чем меня ты просишь, невозможно знать тебе.
Каждый должен подчиняться providенью и судьбе.

— Дева, ты меня не знаешь, я скитался дни и ночи,
Я провел три долгих года, чтоб его увидеть очи.
Ты — одна моя надежда. Не томи меня, молю.
Не страшись открыть скитальцу тайну чудную твою.

— Горе, горе! Кто ты, витязь? Чем тебе я досадила?
То, что я тебе сказала, не напрасно говорила:
Поступай со мной, как хочешь. Далеко мой милый друг.
Кто несчастную избавит, исцелит от этих мук?

Обезумевший от гнева, зашатался Автандил,
Крепко за волосы деву он рукою ухватил,
Прямо к горлу нож приставил и сказал, сжимая нож:
— Так же пусть мой враг погибнет, как и ты сейчас умрешь!

— Витязь, — дева отвечала, — мне не страшно умереть:
Лучше спать в сырой могиле, чем мучения терпеть.
Умирая, перед другом я невинна и чиста:
Сохранят навеки тайну помертвевшие уста.

Выпал нож из рук безумца. Исказился от страданья
Лик его, и подступили к горлу юноши рыданья.
Повалился он на землю и, рыдая безутешно,
Проклинал себя за грубость и просил прощенья нежно.



Он открыл уста и вскрикнул, не сумев сдержать рыданья.

И смягчилось сердце девы. Затуманился слезою
Взор ее. Склонив колена, витязь вымолвил с тоскою:
— На влюбленного безумца, дева, можно ли сердиться?
Враг — и тот его жалеет. Пожалей и ты, сестрица.

Я влюбленный, я безумец. Жизнь моя страшней недуга.
По велению царицы твоего иду я друга.
Сжался, дева, надо мною, возврати меня к невесте,
Возврати безумца к жизни иль убей его на месте.

— Витязь, — дева отвечала, — вижу я, что ты страдаешь,
Но помочь тебе сумеет только тот, кого ты знаешь.
Он одет тигровой шкурой и зовется Тариэлом.
Я Асмаг, его рабыня. Горько мне на свете белом.

Мой несчастный повелитель возвратиться должен вскоре.
Пусть он сам тебе расскажет про любовь свою и горе.
Я устрою так, чтоб витязь полюбил тебя, как брата.
Отдохни и успокойся: ждет влюбленного награда.

И в ответ на эти речи шум донесся из ущелья.
Конь прекрасный, как Мерани, полон дикого веселья,
Из реки на берег вышел, и седок, луне подобный,
Весь светился бледным светом над дорогою неровной.

В глубине пещеры темной быстро спрятав Автандила,
Дева встретила скитальца и светильник засветила.
Витязь снял свои доспехи, молчаливо сел за ужин.
На щеках застыли слезы — две слезы, светлей жемчужин.

— Витязь, — дева говорила, — день за днем идут напрасно,
По горам скитаться трудно, по лесам бродить опасно.
Ты умрешь — она погибнет. Разве в том твоя заслуга?
Тяжело тому в несчастье, кто найти не может друга.

— Ах, — ответил бедный витязь, — кто же нам с тобой поможет?
Кто поймет, какое горе день и ночь мне сердце гложет?
Только я один родился под несчастною планетой.
Одиноч я в этом мире. Нет мне друга в жизни этой.

— Тяжко слышать эти речи, — робко вымолвила дева. —
Если б я не опасалась твоего, мой витязь, гнева,
Я нашла бы человека, чьей гордиться можно дружбой,
Он пошел бы за тобою и служил бы верной службой.

— Я клянусь тебе! — воскликнул Тариэл. — Клянусь любимой!
Пусть я стал подобен зверю, безутешный, нелюдимый,
Если друг меня разыщет, я приму его, как брата,
Полюблю его навеки, как умел любить когда-то.

И когда на зов девицы появился Автандил,
Тариэл навстречу вышел и глаза в него вперил,
Были витязи, как солнце, как луна, сияли оба,
Щеделуй скрепил их дружбу беззаветную до гроба.

Тариэл воскликнул: — Витязь, я молю тебя, открой:
Кто ты, сходный с кипарисом? Из страны пришел какой?
Удостой безумца дружбой, — смерть, и та меня забыла,
Роза инеем покрыта, сердце сжалось и застыло.
Автандил ответил: — Витязь, лев, к кому подобных нет!

Я араб, в стране далекой я увидел божий свет.
Там, у царского престола, сердце отдал я царице,
Жжет меня огонь любовный, разум горестный томится.

Помнишь день, когда, скитаясь, встретил царских ты рабов,
Как разбил их и рассеял, как исчезнул без следов?
Мы тебя искали всюду, но напрасно мы искали.
Весь дворец пришел в унынье. Царь был болен от печали.

И сказала мне царица: — Если ты найдешь героя
И вернешься с доброй вестью, буду я твоей женою.
Третий год к концу подходит — мы в печали и разлуке.
Как, скажи, не разорвалось сердце бедное от муки?

Сквозь леса я шел и горы, через реки и пустыни,
Наконец, как солнце в небе, повстречал тебя я ныне,
И забыл я про царицу, и готов служить тебе я,
Быть с тобой до самой смерти, о прошедшем не жалея.

Изумленный этой речью, Тариэл воскликнул: — Боже,
Есть ли что-нибудь на свете друга верного дороже?
Уж таков закон влюбленных: все они друг другу братья.
Разлучив тебя с любимой, чем тебе могу воздать я?

Как сумею рассказать я, почему, забыв людей,
В шкуру тигра облаченный, я живу среди зверей?
Лишь уста свои открою, упаду я бездыханный,
Неземным огнем сожженный, смертной мукой обуянный.

Встань, Асмаг, сестра родная, принеси кувшин с водой,
Как начну терять рассудок, наклоняйся надо мной,
Увлажняй мне грудь водою, чтоб опять вернулись силы,
А уму — да будет домом мне холодный мрак могилы.

И отбросив шкуру тигра, я прекрасен и могуч,
Витязь был подобен солнцу, что мерцает среди туч.
Он открыл уста и вскрикнул, не сумев сдержать рыданья,
Наконец, собравшись с духом, начал он повествованье.

(Продолжение следует).



Ущелье Черной реки в окрестностях Боржома.

Солнечная Грузия

Грузинская ССР — родина товарища Сталина — одно из прекраснейших мест в мире. Даже зимой на Черноморском побережье Грузии: в Аджаристане, Гурии, Мегрелии и Абхазии — сады полны зелени, цветут розы и камелии, золотятся на солнце душистые мандарины и лимоны.

Вся страна изрезана горами, ее территория то поднимается к самым облакам, то спускается до уровня моря, как например в Колхиде. В Грузии совсем рядом друг с другом расположены разные растительные зоны. Про Грузию нельзя сказать, как мы говорим это про местности, расположенные на обширных равнинах: там такой-то климат. В Грузии много климатов: от влажного и жаркого климата субтропиков до полярного холода горных вершин.

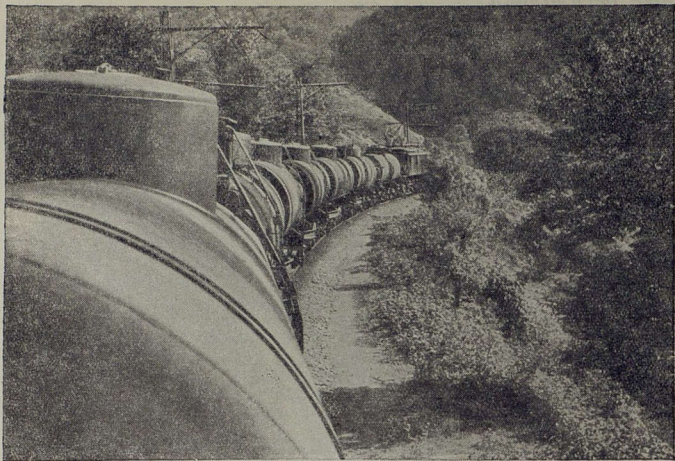
Огромны природные богатства Грузии. Чиатурские залежи снабжают марганцем, необходимым для производства стали, все крупнейшие металлургические заводы Советского союза. Ткварчельские и Тквибульские копи дают уголь. В Грузии богатые залежи нефти, свинца, мышьяка, мрамора. Горные потоки дают запасы гидроэнергии.

Грузинский народ населяет эту прекрасную страну с древнейших времен, примерно с шестого, седьмого века до нашей эры,

то есть уже около двух с половиной тысяч лет. Но грустна была история этого народа: в течение веков Грузия подвергалась бесчисленным набегам и завоеваниям. Приходили римляне, византийцы, персы, арабы, монголы. Все они стремились завоевать Грузию, чтобы держать в своих руках главные торговые пути между Европой и Востоком, все они грабили и заливали кровью несчастную страну. Но среди этого потока войн, грабежей и набегов маленький героический народ с мужеством, достойным величайшего уважения, сохранил свою самостоятельность и культуру.

Царская Россия превратила Грузию в колонию. Свободолюбивый грузинский народ вел упорную борьбу с самодержавием. Грузинская большевистская организация была одним из самых боевых отрядов большевиков. Ее выковал великий Сталин. Здесь он начинал свою работу.

В 1918 году Грузию захватили меньшевики. Они душили страну и продавали ее немецким и английским интервентам. И только с 25 февраля 1921 года, когда трудящиеся Грузии установили у себя советскую власть, страна начала новую историю, историю счастливого, свободного, богатого народа.



Быстро растет промышленность Советской Грузии. Вместо прежних мелких кустарных предприятий теперь выросли мощные, технически вооруженные. Появились и такие отрасли промышленности, которых раньше в Грузии не было: текстильная, машиностроительная, химическая, цементная, бумажная. В Батуми построены крупные нефтеперегонные заводы. Повсюду на службу человеку приходит электричество.

И с снимке: электропоезд с нефтью на Сурамском перевале.



В Грузинскую ССР входят Абхазская и Аджарская автономные республики. Они лежат на побережье Черного моря и защищены с севера Кавказским хребтом. Климат там очень похож на климат Флориды и Южной Японии. Там растут лимоны, мандарины, чай, эвкалипты, пальмы, бамбук и множество других субтропических растений. Там выращивают прекрасные сорта табака. Рядом с этими цветущими республиками лежала огромная трясина — Колхида. Население Колхиды погибало от малярии. Эти страшные, болотистые джунгли считались проклятым местом. Теперь болото исчезает: большевики осушают его и постепенно превращают в богатейший тропический сад.

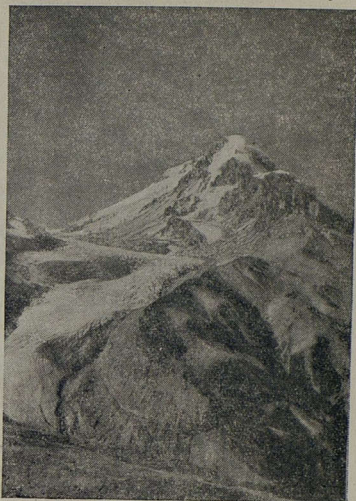
В крупные порты на Черноморском побережье: Батуми, Сухуми, Очамчира, Поти — приходит много советских и иностранных судов.

Здесь снята набережная в Сухуми. Вдоль всей этой набережной растут прекрасные, стройные пальмы.

В Грузии есть и такие уголки, где царствует вечная зима, где даже в самые жаркие дни лета не тают снега и льды. Это суровые горные вершины. С гор спускаются ледники. На снимке как раз вы и видите Гергетский ледник, спускающийся с Казбека.

В давние времена некоторые грузинские племена, спасаясь от иноземных завоевателей, забрались высоко в горы и жили там, оторванные от всего мира, в каменных домах-крепостях. Труднопроходимые тропы вели в селения сванов, хевсур, тушин, мтиулинцев. Хевсуретия, например, расположена в диких ущельях, на высоте 1660 метров над уровнем моря. Почти до последнего времени эти племена сохраняли прадедовские нравы: еще недавно в Сванетии, по обычаю кровной мести, целые семьи истребляли друг друга.

Теперь к горным селениям, похожим на орлиные гнезда, прокладываются удобные дороги. В горах строят новые дома, школы и больницы.



В Грузии много прекрасных пастбищ. На них пасутся стада овец и коров.

Эта овечья отара принадлежит колхозу имени Сталина (село Земомачхани). В этом колхозе 10 тысяч овец ценной, тушинской породы. Сейчас овцы пасутся еще на зимнем пастбище, а летом, во время жары, они будут подниматься все выше и выше в горы.



Столица Грузии — Тбилиси — один из древнейших городов мира. Ему около полутора тысяч лет, но Тбилиси вовсе не стар: это молодой, кипучий, благоустроенный город с асфальтированными улицами, с пышными садами, с красивыми большими домами.

Так выглядит Тбилиси сверху, с расположенной на горе Комсомольской аллеи. Особенно красив вид отсюда вечером, когда город представляется сверху сплошным морем огней.

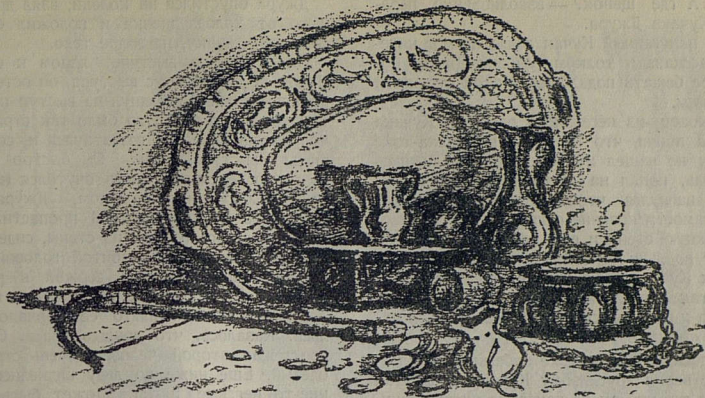


В Грузии много садов и виноградников. Под ее знойным солнцем растут ценнейшие субтропические растения: различные виды пальм; самшит с его драгоценной, прочной древесиной; рами, из волокна которого приготавливают шелковистые, необычайно прочные ткани; тунговое дерево, дающее ценные масла; лаковое дерево, хинное, пробковое, камфарный лавр, эвкалипты, бамбук, лимонная вербена.

Грузия снабжает весь Советский союз фруктами, виноградом, вином, табаком и чаем.

Осенью наступает горячая и веселая пора уборки винограда. Тяжелые сладкие грозди срезают и бережно укладывают в корзинки. Осенью Грузия завалена виноградом. На базарах виноград лежит целыми горами. Виноград едят, делают из него вино. Поезда и пароходы везут виноград в разные концы нашей страны.

На снимке: студентки сельскохозяйственного техникума в Бакуриани собирают виноград.



Джура и Тэке

Часть 2-я. Чортов гроб

Повесть Ю. Тушкана

Рис. В. Цельмера

Первая глава

Джура медленно спускал в щель веревку, крепко упершись пятками в вырубленное во льду углубление.

Веревка тяжело уползала в ледяную трещину, прорезая ее край.

«Хватит или не хватит веревки?»—думал Джура, с беспокойством поглядывая на ее конец.

Вдруг веревка ослабла. Очевидно, Кучак увидел в трещине выступ и стал на него. Джура хотел переменить положение рук, чтобы удобнее было поднимать Кучака вверх, как вдруг веревка рванулась с такой силой, что Джура выпустил ее из рук. Он быстро схватился обеими руками за копье, к которому была привязана веревка, и, чтобы удержать ее, навалился на копье всей тяжестью своего тела.

Глубоко внизу раздался отчаянный крик. «Должно быть, Кучак сорвался с выступа»,—подумал Джура и подтянул веревку, чтобы помочь Кучаку снова стать на выступ; но веревка продолжала дергаться в руках Джуры. Он опять подтянул веревку,

но она дергалась все сильнее, как будто кто-то лез по веревке. Изумленный, Джура стал быстро тянуть веревку. Но не успел дотянуть даже до половины, как над краем трещины показались волосатые руки Кучака. Срывая ногти, Кучак ухватился за край щели и, подтянувшись на руках, быстро вылез, почти выскочил наверх.

— Я не думал, что ты можешь так быстро лазить по веревке,—начал было Джура, но осекся. Кучак, глядя безумными глазами на Джуру, бросился от него бежать, но поскользнулся на льду и упал. Джура догнал Кучака и навалился на него, прижав ко льду.

Кучак вырывался, кричал и закатывал глаза: он словно безумел. Джура тряс Кучака и окликал его по имени. Наконец, Кучак опомнился и затих, как будто только что заметил Джуру. Кучак ухватился за Джуру и в страхе прижался к нему.

— Бежим скорее!—всхлипывал Кучак.— Там внизу черти, джины и альбесты!—он стучал кулаком по льду, показывая вниз.

— А где щенок? — взволнованно переспросил Кучака Джура.

Но напуганный Кучак долго не мог ничего рассказать толком, умоляя Джуру поскорее бежать подальше от этой страшной трещины.

Наконец, из несвязного рассказа Кучака Джура понял, что ни Бабу, ни киика-тэке Кучак не нашел и что щенок, свалившись в щель, попал на ледяной выступ. Кучак даже нагнулся, чтобы взять щенка, но в это самое мгновение оглянулся на противоположную стену и ему показалось, что он видит во льду чертей. Один из них протянул к Кучаку свою ногу с копытом, и Кучак так испугался, что совсем забыл про щенка и постарался поскорее выбраться оттуда живым.

С досады Джура даже зубами закрипел; он не верил трусливому Кучаку и выругал его за то, что он не захватил щенка. Джура велел Кучаку снова спуститься в трещину, но Кучак наотрез отказался. Целую руку Джуры, он упряшивал его сейчас же уйти от этого проклятого места.

Но Джура решил во что бы то ни стало спасти щенка.

Аксакал говорил, что если самка гибнет во время родов, во душа ее переселяется в первого детеныша.

Не доверяя слабосильному Кучаку, Джура укрепил во льду копые и привязал к нему веревку. Он приказал Кучаку сесть на конец веревки и упереться пятками в ямку. Дрожа от страха, Кучак повиновался.

Джура медленно спускался на веревке в узкую щель. Вверху трещина была шире и лед по ее краям был светлый, но чем глубже, тем уже она становилась, тем чернее казался лед, тем сильнее от него несло холодом.

Глубоко внизу Джура заметил на стене щели белеющий угол выступа, а на нем какой-то темный комочек.

Чем ниже спускался Джура, тем сильнее он волновался: не сдох ли щенок? Джура даже закрыл глаза. Нащупав ногой выступ, он открыл глаза и в полумраке заметил щенка.

Вторая глава

Наверху в страхе ждал Джуру Кучак.

«А вдруг вместо Джуры вылезет из щели горный человек в образе Джуры и, по обычаю горных людей, начнет бороться со мной насмерть?» — думал Кучак.

Но из щели вылез, наконец, Джура, за-

журя опустив на колени, взял дрожащего от холода щенка и положил его к себе за рубашку, на голое тело.

Он стоял на выступе лицом к стене. Чтобы не сорваться с выступа, он осторожно повернулся и взглянул на выступ противоположной стены. Это было так страшно, что Джура невольно отшатнулся и, сорвавшись с выступа, повис. Он быстро полез вверх по веревке и опять очутился на выступе. Собравшись с духом, Джура посмотрел в глубину ледяной пропасти. Во льду, выдаваясь плечом из стены, сидел замерзший человек с разбитой головой. Он походил на киргиза и держал в руках ружье, а почти рядом с ним, немного ниже, лежала лошадь. Копыто ее торчало изо льда. Казалось, что лошадь спала. Около нее лежал второй человек, очень странно одетый. Еще ниже во льду виднелись как-то неясные пятна. Может быть, это были тоже замерзшие люди.

Измученный Джура разглядывал длинные волосы и невиданную одежду второго человека. Но больше всего его внимание привлекал человек, в руках которого был карамультук. Не сводя глаз с карамультука, Джура, сам того не замечая, сильно дрожал.

«Да, это был настоящий карамультук! Но как эти люди попали в трещину? Они были одеты по-разному. Наверное, они шли из разных мест и, может быть, даже в разное время?..»

Джура со страхом смотрел на погибших людей и на карамультук. А вдруг это только сон? Джура осторожно вынул свой нож и ударил им по ледяной стене. Кусочки льда зазвенели, падая вниз. Карамультук не исчез. Тогда Джура стал изо всех сил рубить лед вокруг карамультука. Пар дыхания примерзал инеем на ледяной стене. Джура стирал его рукавом. Обнажив на треть дуло карамультука, Джура схватил рукой ствол и, держась за него, боясь его выпустить, стукнул по нему ножом. Ствол зазвенел от удара.

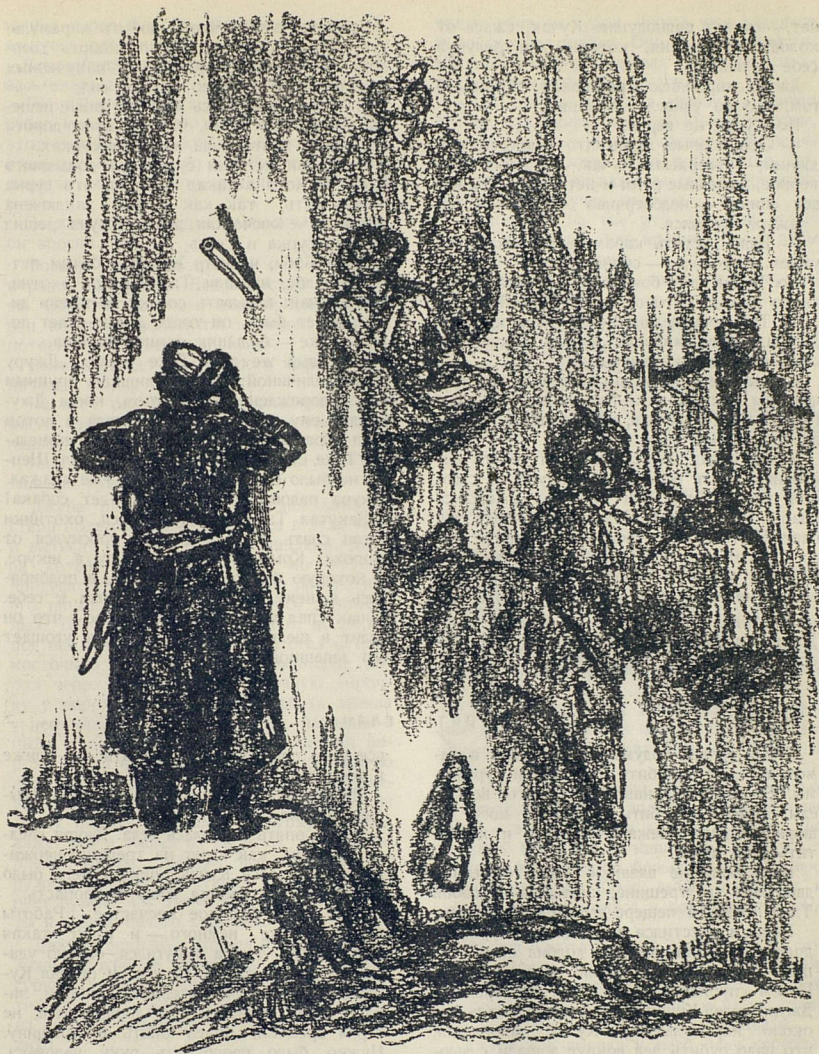
Джура вплотную прижал лицо к ледяной стене и заметил в ее глубине большой эмержший в лед выюк.

За пазухой у него зашищал щенок.

коченевший и синий, но живой и очень взволнованный.

Кучак не успел даже рта открыть, как Джура сунул ему щенка. Тот дрожал и тыкался мордочкой.

— Кормить нечем, все равно подо-



Джура вплотную прижал лицо к ледяной стене и заметил в ее глубине большой
вмерзший в лед выюк.

нет,— сказал равнодушно Кучак, ежась от холодного комочка, который он засунул себе за пазуху.

Джура торопливо рассказал Кучаку о том, что он увидел в трещине.

Но Кучак не верил.

— Это горные люди, это альбесты или джины,— утверждал Кучак.— У них, наверное, железные руки и нет спины. Ты видел спины? — недоверчиво спрашивал он.

Джура сердился.

— Надо достать карамультук; иначе мы умрем от голода,— сказал Джура.

Но Кучак все боялся: не заворожненное ли то ружье, которое видел Джура?

— Ты сумасшедший! — в гневе крикнул Джура.— Это милость добрых духов, посылающих нам карамультук!

Кучак, конечно, и сам понимал, что значит для них карамультук. Какая без него охота? Он согласился, что карамультук надо добыть изю льда.

Кучак отдал щенка Джуре и по его настоянию опять полез в трещину, взяв с собой тишу. Скоро из трещины раздался удары тиши о лед. Поднявшись через час наверх, чтобы погреться, Кучак прежде всего спросил у Джуры, видел ли он лепешку в руках ледяного человека. Но Джура лепешки не видел. Они оба сразу почувствовали страшный голод. После Кучака полез Джура, и так три раза каждый из них спускался в щель колоть лед.

Третья глава

Утром Кучак подумал, почему бы, в самом деле, не вырубить изю льда и курджумы. Во вьюках, наверное, много всякой еды. Можно вырубить и заднюю ногу лошади. Лошадь лежала во льду и испортиться не могла.

Взяв большие вязанки дров, охотники двинулись к трещине, захватив с собой Тэке, чтобы в пещере его не с'ели крысы.

Первым спустился в трещину Джура. Он долго сильными ударами долбил стену тишой, скалывая лед около карамультука. Потом спустился Кучак. Они поссорились. Джура велел Кучаку сначала скалывать лед около карамультука. Кучак доказывал, что надо рубить лед вокруг лошади с вьюком: тогда они смогут получить вьюк и лошадиное мясо. Джура побил Кучака, только тогда он согласился рубить лед вокруг карамультука. Однако, спускаясь в щель, Джура каждый раз убеждался, что Кучак

Наступил вечер. Чтобы добыть карамультук, нужно было еще долго колоть твердый, как камень, лед, но у измученных охотников не хватило больше сил.

С трудом добрались они до своей пещеры. Кучак так устал, что половину дороги не шел, а почти полз на четвереньках.

Отыскали остатки сурка, не доеденного Бабу. И хотя аксакал говорил, что сурка нельзя есть, так как в нем заключена грешная человеческая душа, Джура решил сварить сурка и с'есть.

Сына Бабу, черного щенка с белым пятном на лбу, называли Тэке. Таков охотничий обычай: называть собаку по имени дичи. Может быть, он тогда лучше будет ловить тэке — больших самцов кикков.

В первый же день Тэке удивил Джуру своей величиной: он был слишком крупным для новорожденного. Вечером, когда Джура дал ему кусок суркового сала и потом взял обратно, чтобы разрезать его помельче, Тэке стиснул челюсти и завизжал. Щенку не было еще и суток, а он уже визжал. Джура радовался: хорошая будет собака!

Закутав Тэке в шкуру барса, охотники легли спать. Ночью Джура проснулся от шороха. Крысы прогрызли дыру в шкуре, в которую был завернут Тэке, и подбирались к нему. Джура взял щенка к себе. Кучак спал крепко, и ему снилось, что он сидит в щели, а ледяной человек угощает его лепешкой.

все-таки продолжает скалывать лед ближе к лошади.

Работать было трудно, и охотники выбивались из сил.

И тут опять случилась беда. Джура греясь у костра, как вдруг из трещины неожиданно показался Кучак. Лицо у него было виноватое: он уронил тишу в пропасть.

Это было большое несчастье. Работы осталось уже немного — и вдруг такая оплошность. Джура выругался, больно ударил Кучака кулаком. Потом он послал Кучака в пещеру за каменным топором, задано велел принести еще дров, а сам, не теряя времени, полез опять в трещину. Нужно было перерубить руку человека, державшего карамультук. Но она была крепкая, как камень. Нож затупился и погнулся. Джура вылез наверх.

Пришел с каменным топором Кучак. Снова стали рубить. Долго работали они,

чтобы перерубить окдменевшую руку. И, наконец, отрубили ее у кисти.

Карамульгук положили у костра. Он весь вмерз в лед.

Пока Джура грелся у костра, Кучак вырубил кусок конского мяса и курджум. На этот раз Кучак работал хорошо. Они еле втащили наверх свою добычу и с трудом понесли ее в пещеру, подолгу отдыхая в пуги.

За халатом у Джуры тихо скулил Тэке: он просил есть.

Только в полночь пришли они в пещеру и разожгли костер. Вещи быстро оттаивали. Обрубок конского мяса бросили в казан вместе с волосатой конской шкурой, которая никак не отдиралась.

Тэке заболел: от суркового жира у него начался понос.

На этот раз щенка покормили вареным мясом, запихивая ему в рот кусочки мяса пальцем.

Наконец, оттаял и карамульгук — фитильное ружье.

Джура разобрал его, отделил ложе, а ствол положил около огня. Лед в дуле таял и вытекал из него мутными каплями. Джура хотел прочистить дуло, но оно не продувалось. Он попробовал прочистить его шомполом. Ружье оказалось заряженным. Пуля была загнана крепко, но порох под ней отсырел. Тогда Джура стал острой косточкой выковыривать размокший порох через маленькую затравочную дырочку у пороховой полки. Эта работа заняла у него почти всю ночь. Утром, растерев в пыль принесенный из кишлака мелкий порох, Джура насыпал его сквозь крошечную дырочку. Теперь ружье было снова заряжено. Джура прикрепил ложе, подсыпал на полку пороху, приладил к курку фитиль, зажег его и вышел из кибитки. За ним поплелся Кучак. Теперь все зависело от ружья: вылетит ли старая пуля или разорвет ружье? От этого зависели успех охоты и судьба целого кишлака.

Джура торопливо отошел к деревьям, положил ружье на камень и прицелился в сурка, сидевшего недалеко от бугра. Фитиль дымился. Джура нажал курок. Порох на полочке взорвался, но ружье не выстрелило.

Джура снова подсыпал пороху. Снова прицелился в сурка. Порох взорвался, опалив Джуре щеку: грянул сильный выстрел. От толчка Джура упал на спину.

Пока Кучак бежал к бугорку посмо-

треть, убит ли сурок, Джура уже поднялся и рассматривал ружье. Оно было в целости. Но у самого Джуры правая щека так впустила, что даже глаз закрылся.

— В голову попал, в голову! — кричал Кучак, размахивая сурком. Кровь из раны, скверная кровь сурка, в котором, по понятиям Кучака, жила душа ростовщика, посаженная туда аллахом за грехи, брызгала на халат, но Кучак ликовал.

И впервые за все это тяжелое время Джура улыбнулся. Его крепкие белые зубы засверкали на солнце.

Кучак весело запел, размахивая окровавленным сурком:

«Э-э-гей и й-э-э-э-э-эгей!

Лучше охотников нет людей!

Лучше охотников нет друзей,

Кто смелей нас, кто храбрей?»

Радостные сидели они возле костра у оттаивающего курджума. Сперва втащили из него бурдюк с какой-то жидкостью.

— Кумыс, — сказал Кучак.

Попробовали несколько капель: это было молоко яка.

— А-а! — радостно закричал Джура. — Теперь Тэке будет жить!

Он схватил почти издыхающего щенка и подбросил его вверх. Тэке взлетел, но даже больной и слабый он старался упасть на него.

Тем временем Кучак разрезал ножом кожаный курджум и высыпал содержимое во зле костра.

Среди кусков льда засверкали драгоценные камни в золотых браслетах и серьгах. Золотые монеты покатались по полу пещеры.

У ног Кучака лежали несколько золотых и серебряных блюд, золотые и серебряные чаши и золотая доска длиной в локоть, на которой было что-то написано.

Расколов топором большой, не растаявший кусок льда, Кучак вынул шкатулку и несколько смерзшихся в камнях пшеничных лепешек.

Но вид золота даже у Кучака отбил аппетит. Пораженный невиданным богатством, он, как затравленный волк, озирался во все стороны, ожидая нападения, и вдруг, схватив вещи, бросился в угол — зарывать.

Джура еле вырвал у него одну серебряную чашу. Он накрошил в нее мерзлого молока, растопил и, взяв на руки Тэке, ткнул его носом в чашу.

Тэке долго не мог распробовать молока, фыркал и пятился от него. Наконец, понял

и, захлебываясь, начал глотать теплое молоко.

Кучак бросился к шкатулке, надеясь найти в ней новые сокровища. Он быстро сорвал с нее крышку. В шкатулке, выложенной красным бархатом, лежали пергаменты, свернутые в трубку и перевязанные красной шолковой нитью, три гусиных пера и черная жидкость в бутылочке.

— Аксакалу отнесем, — сказал Джура.

Шкатулку тоже зарыли вместе с остальными сокровищами. Потом ели конское мясо и оттаявшие лепешки.

Четвертая глава

Джуру разбудил Тэке. Тыкаясь в него носом, Тэке просил есть. Охотники встали, опять поели мяса и напились чаю.

Солнце припекало. Сосновая роща позеленела, и вечнозеленая арча уже не выделялась темным пятном на снегу.

Заметив в углу развороченную яму, Джура удивленно спросил Кучака:

— А где золото?

Кучак утомленно кивнул головой и тихо сказал:

— Я его еще лучше спрятал в другое место.

Но Джура золотом не интересовался. Он поручил Кучаку кормить Тэке, а сам ушел на охоту.

Он шел быстро и уверенно, внимательно оглядывая скалы, впадины, камни...

А в это время Кучак, греясь на солнце у пещеры, дразнил Тэке. Подав ему чашу с молоком, он придерживал его голову. Тэке еле касался носом молока и не мог пить. Щенок сердился. И, разозлившись, визжал.

Кучак заливался счастливым смехом. Если трехдневный щенок визжит, значит он будет псом, страшным для врагов.

Пятая глава

Уходя рано утром на охоту, Джура велел Кучаку привязать Тэке.

— Разве ты не видишь, что он хочет бежать за мной? А что толку от щенка на охоте, одна помеха! — сказал Джура.

Кучак привязал Тэке за шею ремнем. Щенок прыгал, стараясь вырваться, и с тоской смотрел вслед удалявшемуся Джуре.

Когда Джура был уже далеко, Кучак отвязал щенка. Возбужденный Тэке носился по пещере и грыз все, что попадалось ему

Но Кучак ел без аппетита. Он жевал и глотал мясо, а сам все думал о золоте: «Какое богатство! Как бы кто 'его не отнял! Надо еще поискать, не осталось ли чего-нибудь в трещине!»

Он лег спать не у костра, а в углу пещеры, на золоте. От малейшего крысиного шороха он вскакивал и долго вглядывался в темноту: он боялся, что придут горные люди и заберут свое золото обратно.

Джура спал крепко. Он даже не слышал, как длинноухие крысы бегали по пещере, доедая брошенные остатки пищи.

В горах грянул выстрел: это стрелял Джура. Резкий звук сорвал где-то лавину. Грохот от ее падения несколько мгновений сотрясал горы.

Из-за камней выскочил архар и замер, увидев Кучака. Кучак задрожал от жадности. Архар — и так близко! Он вдруг громко закричал:

— Джура, Джура! Архар ускакал.

Послышался голос Джуры:

— Иду!

На большой высоте звуки даже издали слышались отчетливо. Опять прогремел выстрел. Кучак взобрался на высокий камень и, не выпуская Тэке из рук, огляделся. Со всем недалеко он увидел Джуру: тот уже раздвигал убитого киика.

А еще через полчаса Кучак, напевая, поджаривал печонку с нутряным жиром. Чаd от жира щекотал ноздри. У входа в пещеру Джура снимал с киика шкуру.

Началась сытая и хорошая жизнь.

Пора было уже заготавливать мясо впрок.

Прошло полтора месяца. Тэке подрастал. На одиннадцатый день он прозрел, а на пятнадцатый до крови расцарапал зубами палец Кучаку.

под ноги. Он гонялся за крысами, изгрызал ичиги Кучака, порвал халат, порвал шкуры.

Кучак поймал его и крепко привязал ремнем к камню возле казана. А сам уселся варить мясо.

Когда Кучак ушел в пещеру, Тэке перегрыз ремеш и побежал по следу Джуры.

Кучак сразу хватился щенка и кинулся за ним в погоню.

— Сюда, Тэке, сюда! — сердито кричал он.

А Тэке, обрадовавшись свободе, мчался от Кучака все дальше через камни и рывины, оставив в стороне след Джури.

Когда крика Кучака не стало слышно, Тэке побежал тише: он с любопытством рассматривал незнакомые места. Ящерицы разбегались перед ним. Тэке гонялся за ними, но скоро это ему наскучило. Он влез на большой обломок скалы.

Ветер с ледников шевелил шерсть у него на спине и обдавал холодом. Тысячи шорохов и шумов неслись со всех сторон. Поблизости в горах что-то загремело, и от снежного обвала задрожали скалы.

Тэке прыгнул с высокого обломка скалы, больно ударился о землю и с визгом помчался домой.

Заметив по дороге сурка, Тэке остановился и хотел его поймать, но сурок спрятался в нору. Тэке тихо побежал дальше.

Вдруг он споткнулся, под его ногой хрустнул белый камешек, и из него что-то потекло. Вз'ерошив шерсть, Тэке заворчал, понюхал камешек, потом лизнул. Жидкость оказалась вкусной, и Тэке слизал ее. Он набрал на гнездо горной куропатки. Так впервые он с'ел яйцо. Нечаянно он раздавил второе яйцо и тоже с'ел его. Остальные яйца он уже раздавил зубами.

Гнездо пахло резким, легко запоминающимся запахом.

Пробежав еще немного, Тэке уловил опять запах гнезда. Он бросился прямо к нему. Но с гнезда взлетела куропатка и села рядом. Тэке погнался за ней, но куропатка опять взлетела, и как бы дразня Тэке, вертелась перед ним, уводя его все дальше и дальше от своего гнезда. Тэке устал гоняться за птицей и прилег, но его внимание опять привлекли ящерицы.

Они бегали совсем рядом. Тэке накрыл одну ящерицу лапой, потом приподнял лапу — ящерица убежала. Он поймал другую ящерицу, понюхал, сжевал и проглотил, добродушно ворча на шевелившийся в зубах хвост.

Третья ящерица была большая, темная, с полоской на спине и непугливая. Тэке тоже прикрыл ее лапой, но она показала раздвоенный язык. Тэке хотел ее с'есть, но она вдруг укусила его в нос.

Тэке пронзительно и жалобно завизжал и помчался в рощу.

Нос у него распух и сильно болел. Сам не понимая зачем, Тэке с'ел какую-то траву. Она почему-то показалась ему очень

нужной. Собачий инстинкт спасал его от яда ящерицы, яда несмертельного, но очень болезненного.

У Тэке припухли глаза и исчезло чутье. Он хотел бежать домой, понюхал воздух. Но домом ниоткуда не пахло.

Он пошел напрямик в горы и уходил все дальше от дома.

Ночью он прилег у камня. Где-то, совсем близко, завывали волки. Тэке вз'ерошился, подобрал хвост, прижал уши и оскалил зубы. Волки завывали еще ближе, Тэке испугался и побежал от них. Но, выбежав на полянку, он увидел рядом с собой нового врага. Это была его собственная тень. Тэке с лаем бросился на нее, но она метнулась в сторону. Шенок побежал за ней, потом закружился на месте, но не в силах был ее поймать. Тэке лег, и тень улеглась с ним рядом.

Тогда Тэке сел и тоскливо завыл на луну, скосив глаза на неотвязчивого спутника.

Рассвет застал Тэке далеко от пещеры. Усталый и голодный, он дрожал от ночного холода. Взошло солнце, Тэке, отогревшись, побежал искать Джуру и Кучака. Голод гнал его вперед.

Ящерицы разбегались перед ним, но теперь он боялся их. Тэке бежал весь день.

Поднявшись на высокий бугор, Тэке увидел труп киика, а вокруг него барсуков. Звери отбежали, но сейчас же, злобно рыча, вернулись обратно.

Заметив сильных противников, Тэке опустил голову, лег и жалобно заскулил. Барсуки зашелкали зубами. Тэке отступил назад. Он тоже рычал, оскалив зубы. Барсуки продолжали пожирать киика. Этого киика несколько дней назад ранил Джура, и он подох здесь, далеко от пещеры.

Вдруг появился барс, и барсуки разбежались.

Голубоватая, в пятнах, шкура барса показала Тэке знакомой и запах тоже. Но какое-то непонятное чувство страха заставило Тэке прижаться к земле.

Барс только что с'ел кииченка и был сыт. Он огляделся кругом и понюхал козла. Вдруг Тэке чихнул. Барс вздрогнул и умчался по камням вверх.

Тэке подождал, осмотрелся и, подбежав к остаткам мяса, с ворчаньем стал есть.

Испугавшись тени, упавшей сверху, он бросился в сторону. А на камень у трупа уселся кондор, хищно оглядываясь вокруг.

Через несколько минут прилетели еще

три кондора. Каждый из них старался с'естя побольше.

Тэке, привыкший к новым гостям, подошел к ним, но сильный удар крыла сбил его с ног. Он упал и покотился по склону.

Свалившись в лужу с родниковой водой, он стремительно выпрыгнул из нее. Из род-

ника поднимался пар. Вода в нем была почти горячей. Взобравшись на камень, Тэке, повизгивая, облизал мокрую шерсть.

Наступил вечер. Взошла луна и осветила скалы и камни, бурные реки и пропасти.

На одном из камней одиноко сидел заблудившийся Тэке и выл...

Шестая глава

Джура возвращался с охоты.

— Не бей меня, я не виноват! — закричал Кучак, увидя Джуру, и бросился перед ним на колени.

— Где Тэке? Почему он не выбежал мне навстречу? — спросил Джура, подходя к пещере и сбрасывая на землю застреленного кийка.

— Ай, ай! Большое горе! — застонал Кучак, ломая руки. — Я не виноват!

— Где Тэке? — сердито повторил Джура. — Или ты разучился говорить?

— Я все расскажу, все! — сказал Кучак, с испугом наблюдая за правой рукой Джуры, в которой тот держал палку.

— Сижу я возле казана, — Кучак показал пальцем на казан, — и варю мясо, вдруг, — и Кучак показал на небо, — появился джин ввиде огромного кондора и бросился сверху на Тэке. Я выхватил нож и прыгнул к нему, как барс, но дракон открыл пасть и дунул на меня огнем. Я упал на спину, а он унес Тэке.

— Кто он?

— Дракон.

— А почему ты сначала сказал, что это был джин?

— Я сказал, дракон, страшный дракон с тринадцатью головами! — кричал Кучак.

— Ты не охотник, ты даже не друг охотника! — горестно сказал Джура. — Ты скверный пастух. Ты, что ли, будешь догнать раненых кийков? Э-х, ты! Синий осел! Джура ушел в горы.

Он вернулся поздно ночью, поел холодного мяса и лег спать.

Кучак притворился спящим.

Десять дней не разговаривал Джура с Кучаком. Утром, на одиннадцатый день после исчезновения Тэке, Джура спросил Кучака:

— Ну, а Тэке сопровтивлялся?

— Ай, вай, вай! — сказал обрадовавшийся Кучак, видя, что у Джуры отлегло от сердца и он, наконец, заговорил. — Тэке боролся, как тигр! — и Кучак пошевелил в воздухе пальцами. — Я тебе все расскажу подробно. — И он уселся удобнее возле казана.

Шли дни, и каждый вечер, когда Джура,

возвратившись с охоты, садился у костра, Кучак рассказывал о том, как Тэке дрался с драконом, и прибавлял все новые и новые подробности. Он рассказывал о том, как Тэке отгрыз дракону пять голов и прогрыз грудь, чтобы достать и сожрать сердце, но прилетел второй дракон...

С каждым днем количество драконов увеличивалось, и к концу месяца Кучак утверждал, что их было десять, а к концу второго месяца оказалось, что драконов было двадцать пять и Тэке дрался с ними со всеми.

— Тэке такой умный, такой хитрый, он сам убежит от драконов! — говорил заискивающе Кучак. — А если не убежит — значит он плохая собака, не стоит о нем и жалеть.

Но Джура жалел Тэке. Возвращаясь в пещеру после неудачной охоты, он ругал Кучака:

— Понимаешь ли ты, скверный хорек, что два подранка убежали в горы и только потому, что не было собаки! Ты виноват, что дракон унес Тэке. Ты не помогаешь мне охотиться, а только спишь и ешь. Вялить мясо — это не мужская работа. Добывай себе мясо охотой, а если ты будешь есть вяленое, я у тебя вырежу твое собственное мясо. Понял?

— Понял, — сказал печально Кучак. И несколько дней подряд он питался горными куропатками, которых ловил в силки.

По вечерам он уже не рассказывал Джуре сказки об Ир-Манесе или о том, как Тэке боролся с драконом. Он стругал ножом толстые ветки и точил на камне железные наконечники.

Однажды под вечер, возвращаясь домой с охоты, Джура услышал крик кийченка. Он положил убитого кийка, зажег фитиль у карамультука и, осторожно ступая, пошел к ручью, откуда долетали жалобные крики.

Он подкрался совсем близко, крики слышались рядом. Джура выглянул из-за камня, но на лужайке было пусто. Он обошел кругом, кийченок кричал за камнем. Джу-

ра перепрыгнул через камень — и увидел Кучака.

Он сидел на корточках и, приложив пищик к губам, подражал крику кииченка.

— Пищишь? — насмешливо спросил его Джура. Кучак вздрогнул и отшатнулся, выронив пищик.

Джура поднял пищик. Он был сделан из кости улара. Джура подул в пищик — раздался крик кииченка.

— Ты хорошо сделал пищик, — сказал Джура, — киичка так любит детенышей, что бросится на крик чужого кииченка, даже если с ней рядом будет стоять ее собственный.

На другое утро Джура пошел на охоту вместе с Кучаком. Они расставили капканы, а сами спрятались за камнем. Кучак на пищике подражал крику кииченка. Не прошло и часа, как на лужайку вбежала коза. Джура хотел ее подстрелить, но Кучак потряс головой. Киичка подошла ближе. Кучак снова запищал.

Оглядываясь во все стороны, коза побежала вперед. Она подходила к капкану. Правой ногой она стала в раму. Под тяжестью ее ноги зубья капкана раздались, пропуская копыто. Киичка хотела поднять ногу, но зубья капкана впились в ее ногу и не пускали ее. Коза рванулась, прыгнула, ремень, привязанный к раме, напрягся, и коза упала. Кучак, вытащив нож, бросился к ней.

— Я угощу тебя, Джура, печенкой с нутряным жиром! — сказал Кучак, самодовольно облизываясь.

Но время шло, снега таяли под летним солнцем, обнажая новые лужайки, козлята подрастали, и киики подымались все выше в горы.

Почти каждый день ходил охотиться Кучак, но уже не приносил киичек.

Седьмая глава

Однажды на охоте Джура увидел архару. Архары попадались редко, и Джура решил его подстрелить.

Пуля ранила архару в ногу, и он, прихрамывая, побежал в горы.

Вдруг из-за уступа выскочил и погнался за архаром черный волк.

Джура в изумлении остановился.

— Неужели это волк? — сказал он громко и тотчас же подумал: «Нет, черных волков не бывает. Должно быть, это собака. Но откуда она?» Джура побежал вперед. Черный волк обогнал архару, отрезав

ему путь в горы, и с лаем кружился вокруг него.

«Да, это собака! — решил Джура, услышав лай. — А вдруг это Тэке?»

У Джуры даже глаза сверкнули. Но он сейчас же рассердился на себя за эту нелепую мысль. Ведь Кучак клялся, что Тэке унес дракон.

Джура не сводил глаз с черного пса и бежал все быстрее.

— Ну, конечно, это Тэке! — закричал он громко, заметив на лбу у пса белое пятно, и засмеялся от радости.

— Ходи дальше, может быть, и поймать, — советовал ему Джура.

Кучак пошел далеко в рощу и поймал там киичку и маленького кииченка.

Успех так ободрил его, что на следующий день он пошел еще дальше и, привязав к камням капканы, которые они называли «киичьи ичиги», спрятался за арчей с разломанным дуплом и, вынув пищик, стал подражать крику кииченка. Но киичка не показывалась.

Долго ждал Кучак, но нигде не было видно киичок. Солнце пекло. Кучак устал. Он поел холодного мяса, наполнил воды из родника, потом, отдохнув, спрятался за арчей и снова взял пищик. Где-то в роще раздался треск. Кучак запищал сильнее.

Вскоре шорох раздался ближе, в камнях.

— Матка идет! — обрадовался Кучак и запищал еще жалобнее.

Шорох раздался совсем рядом, и из-за камня прямо перед Кучаком показалась большая медвежья голова.

Медведь поднял морду, понюхал воздух и выскочил на полянку, оглядываясь во все стороны: он тоже искал кииченка.

Кучак выронил пищик и быстро полез на арчу. Царапая руки и задыхаясь от ужаса, он лез все выше по стволу. Внизу рычал медведь. С ревом поднялся он на задние ноги и подошел к дереву. Обняв ствол лапами, он полез вверх, к Кучаку.

«Конец!» — подумал Кучак и, закрыв глаза, изо всей силы обхватил руками и ногами узкий ствол дерева.

Откуда-то прогремел выстрел, и дерево содрогнулось.

— Эй, Кучак, ты, наверное, придумал новый способ ловить медведей? — донесся издали насмешливый голос Джуры.

Кучак открыл глаза и увидел, что медведь лежит внизу.

— Тэке! Тэке! — восторженно кричал Джура, подбегая к нему.

Рослый пес мельком взглянул на Джуру и продолжал с ожесточением преследовать архара.

— Тэке! Тэке! — кричал Джура и, бросив карамультук, радостно хлопнул себя по бедрам.

Вспомнив про архара, Джура, показывая Тэке пальцем на дичь, крикнул: — Киш, киш! — но Тэке не надо было натравливать. Улучив момент, Тэке ловко схватил раненого архара за ногу. Архар упал.

Джура подбежал. Он схватил архара за рога и прижал его голову к камням.

Тэке с злобным рычанием, дрожа от жадности, отгрызал куски мяса от перебитой ноги и проглатывал их, не разжевывая.

— Ешь, Тэке, ешь! — приговаривал Джура, наклоняясь над ним и незаметно обвязывая шею Тэке ремнем.

Тэке ошетинился, заворчал, но продолжал жадно пожирать мясо: он не ел уже пять дней.

Джура ласково называл его по имени:

— Тэке, Тэке!

Тэке ворчал, боязливо поджимая хвост. Джура потянул ремень, но Тэке уперся ногами: он еще не наелся.

— Ну ешь, ешь, я подожду, — сказал Джура.

Через некоторое время Джура привел в пещеру Тэке.

Растолстевший и подобревший Кучак был поражен, увидев Джуру с Тэке.

На мясо Кучак даже не взглянул.

— Какой он большой! — восхищался Кучак и протянул руку, чтобы погладить Тэке, но Тэке злобно прижал уши к голове и прыгнул, Кучак едва успел отдернуть руку, зубы Тэке громко щелкнули.

Джура привязал Тэке ремнем к камню, но Тэке рвался и грыз ремень.

— Надо привязать его на палку, — сказал Джура. — За три месяца он одичал. Его надо приручать.

Джура и Кучак подошли к щенку, но он бросился на них.

Тогда Джура принес барсову шкуру и набросил ее Тэке на голову. Они повалили собаку на землю, привязали к ошейнику палку, а другой конец палки привязали ремнем к камню.

За один день Тэке изгрыз три палки.

Два дня Джура не давал ему ни есть, ни пить.

Глаза Тэке налились кровью. На третий день ему дали напиток. Тэке рычал, но

пил жадно. На четвертый день Джура дал Тэке кусок мяса.

Вскоре при виде Джуры Тэке уже весело махал хвостом и смотрел на руки, ожидая мяса.

Утром, на десятый день после возвращения Тэке, Джура подошел к нему. В руке он держал серебряную цепочку и кусок мяса.

Эту цепочку Джура взял у Кучака, когда тот пересматривал свои сокровища.

Кучак шел след за Джурой.

— Ну разве можно надевать на собаку серебряную цепь? — жаловался Кучак.

— Можно и золотую! — презрительно ответил Джура.

Пока Тэке жадно ел мясо, Джура осторожно привязал цепочку к ошейнику и быстро перерезал ножом ремень на палке; потом отошел в сторону, держа в руке конец цепочки. Тэке потряс головой, прыгнул и вдруг, почувствовав свободу, начал бегать вокруг Джуры. Он хотел отбежать подальше, но цепь не пускала.

Через несколько дней Джура взял Тэке с собой на охоту. До этого Тэке два дня не кормили, чтобы он был злее. Встретив стадо кииков, Джура нарочно ранил одного из них в ногу и, сняв с Тэке цепочку, натравил его на киика. Легко раненый, киик быстро убежал со стадом в горы. Голодный и злой, Тэке изо всех сил помчался за кииком.

Когда Джура поднялся на гору, он увидел Тэке, кружившегося вокруг раненого киика. Джура пристрелил киика, разрешил ему живот и кишки бросил Тэке.

Пока Тэке ел, Джура привязал его опять на цепочку. Он гладил его и приговаривал: — Хороший, умный Тэке, достойный сын Бабу!

Тэке ел кишки и махал хвостом.

Прошло еще несколько дней, и Джура решил спустить Тэке с цепи.

Он умчался в горы. Джура волновался: вдруг Тэке не вернется. Но он пришел.

— Ба-ба-ба! — позвал его Джура.

Тэке недоверчиво попятился и скосил глаза. Джура бросил ему кусок мяса. Тэке понюхал его и с'ел.

— Ба-ба! — снова сказал Джура и снова бросил ему мясо.

В эту ночь Тэке спал на своем старом месте у пещеры под камнем, где он раньше сидел на цепи.

Он был приручен.

— Зима приближается, волочит свой меч, зима приближается, волочит свой меч,— запел однажды Кучак и грустно посмотрел на рошу. С деревьев осыпались пожелтевшие листья, залетая в казан.

Кучак унес казан в пещеру и установил его на старинном очаге, сложенном из закопченных камней.

Из нависших над горами туч пушистыми хлопьями падал снег.

Однажды под вечер, когда Джура принес с охоты двух кииков, Кучак, развешивший вяленое мясо на ветвях деревьев, рассердился.

— Я не могу больше есть грубое козливое мясо,— хныкал Кучак.— Где улары? Я хочу есть их нежное мясо. Оно предохраняет от оспы.

Джура молчал.

— Я не буду больше рассказывать тебе сказки, если ты не принесешь уларов! — угрожал Кучак и, запыхавшись от волнения, сел на камень у костра.

Джура молча вынул нож и прорезал на задних ногах киичьей туши, у коленей, отверстия. Потом вставил в отверстия палку. К палке он привязал ремень, закинул его на ветку и, подтянув тушу вверх, повесил ее на дереве. Разрезав ножом шкуру по животу от хвоста до головы, Джура ловко и быстро содрал ее. Потом разделал тушу и достал печень.

Тэке, облизываясь, сидел рядом, с восхищением глядя на мясо.

— Эх, вкусная печенка... с жиром! — сказал Джура Кучаку.— Но если ты не хочешь рассказывать мне сказки, я брошу печенку Тэке.

И он бросил печенку.

Кучак кинулся за ней; но не успел он ее схватить, как Тэке укусил его за руку: Тэке не выносил, когда трогали начатый им кусок, а он уже успел лизнуть печенку налету.

Кучак разозлился. Он схватил палку, которой мешал угли в костре, и замахнулся на Тэке. Но Тэке, подхватив печенку, убежал под веселый хохот Джуры.

Кучак вернулся запыхавшийся, потный и огорченный.

Джура смеялся и дразнил его:

— Зимой ты был тощ и молчалив, как луна. А теперь почему-то много болтаешь! Даже мясо кииков стало для тебя грубым. А ведь ты потолстел на нем. Почему ты не снимаешь шкуры с кииков? Ведь это

твоя работа, а не моя. За это я дарил тебе печенку. Но тебе все мало, ненасытный. Вторую печенку я, пожалуй, тоже отдам Тэке.

Еще не отдышавшийся Кучак яростно потряс головой и вынул нож. Он снял шкуру со второго киика и бережно выпустил кровь в маленький казанок, приговаривая:

— Не киргизский ли обычай есть поджаренную кровь?

Поев, Кучак улегся возле казана, переваривая печенку, и вдыхал запах варившегося мяса. Джура, отлучившись на несколько минут в рошу, принес оттуда двух уларов и бросил Кучаку на колени.

— На, ешь! Я пошутил,— сказал Джура.

Кучак зачмокал от удовольствия и нежно погладил огромных жирных птиц по серым перьям.

— Ты попал им в голову!—восторгался он.—Джура, ты великий охотник!

Джура не возражал. Он считал, что только охотники — настоящие мужчины, а кто не охотник, — тот жалкий и ничтожный человек. Джура ничего не ответил Кучаку и, поджав ноги, сел у костра посмотреть, как Кучак приготовит вкусное, «ханское» кушанье из уларов.

Кучак с измальства славился в кишлаке своим мастерством заготовлять впрок мясо. Но аксакал особенно его ценил за умение хорошо приготовить уларов.

Шепки весело трещали в костре. Кучак варил настойку из трав. Прищурив узкие мленькие глаза, он хитро спросил Джуру:

— Знаешь ли ты, где наше счастье?

Джура вопросительно посмотрел на него.

— В нашем животе!—сказал серьезно Кучак. И, капнув с ложки на ладонь, слизнул каплю.— Самая хорошая жизнь,— когда ешь много жирного мяса и много спишь! — добавил Кучак.

Они сидели втроем у костра. Кучак и Джура ощипывали и потрошили индеек. Тэке ловил летавшие перья, но, поймав несколько штук, понял, что мяса в них нет, и обиженно улегся у костра.

— Что ты делаешь?—закричал вдруг Кучак, выхватывая из рук Джуры индейку, которую тот решил опалить на огне.— Нельзя! Мясо будет вонять жжеными перьями. Так готовят только грубую пищу!—и он любовно выщипал каждое перышко, каждую пушинку, и улыбка не сходила с

его красного, блестящего, будто смазанного салом лица.

Он громко мечтал:

— Ир-Манас богатырь был, пил кумыс, крепкий и холодный, из-под лучших кобылиц. А плов его был жирный, и когда его ели, жир тек по рукам до локтей. Плов сверху украшали изюмом и айвой. А мясо в плове просто таяло во рту, как снег... Вай, вай! Хорошо пить по утрам ойран¹, холодный и свежий. После него настоящий человек может целую овцу с'есть... Вот ты, Джура, — богатырь и хоть много ешь, но вкуса в пице не понимаешь. Ты еще молодой, не настоящий богатырь. Был один знаменитый богатырь, так он сразу две овцы с'едал и после этого спал подряд трое суток.

Девятая глава

Стемнело. Дрова весело потрескивали, выбрасывая снопы искр. Кучак возвратился веселый.

— Скоро есть будем, — сказал он, усаживаясь на корточки.

— Расскажи сказку! — нетерпеливо сказал Джура.

Кучак подумал. Потом, хитро улыбнувшись, сел поудобнее, поджав под себя ноги, и, растирая на ладони табачные листья, чтобы приготовить насвой, начал рассказывать:

— В одном ханстве, за десятками и сотнями высоких гор, жил храбрый охотник. Он один с'едал целого барана. Охотник был красивый, смелый, всех парней в кишлаке во время борьбы валил. Мог целые сутки спать, как богатырь. И были в том ханстве заказанные для охоты горы. Как пойдет туда охотник, обратно не возвращается. Только находили потом у подножья горы труп, разорванный на клочки. Одни говорили, что там железные кондоры водятся; другие говорили, что джины; третьи говорили, что там живут горные люди. А какие были там горы! На каждой лужайке лежало по пятьсот больших тэке. Говорили, что у самого главного тэке рога из чистого золота. Вот и решил охотник пойти туда поохотиться. Он собирался жениться, только жену не на что было выкупить у отца и матери: беден был.

Собрался он в путь, а его друг, старый охотник, и говорит:

— Возьми меня, богатырь, с собой, я

¹ Ойран — кислое молоко.

Улары давно уже кицели в настойке из двенадцати душистых трав. Когда мясо сварилось, Кучак выбросил кости. Навар укипел. На дне осталось разваренное мясо в густом ароматном соку. Кучак размял круглой палкой разваренное мясо и бросил в казан большой кусок топленого жира. Жир растаял, испуская приятный запах. Взят очищенный желудок киика, Кучак переложил в него варено, уминая палкой. Получилась плотная жирная колбаса. Кучак старательно облизал мешалку.

— Пусть остынет, — нежно сказал Кучак и понес колбасу подальше, чтобы зарыть ее в холодный снег. Тэке побежал впереди, поминутно останавливаясь.

— Назад! — крикнул Джура, и Тэке медленно и неохотно возвратился к Джуре.

буду тебе козлов носить. Мешать тебе не буду, а помочь могу. А за то, говорит, ты дашь мне половину дичи, которую убьешь на охоте.

Богатырь засмеялся и говорит:

— За что же я тебе дам дичь?

А тот отвечает:

— Там видно будет. Если не за что будет, то ничего и не дашь.

Принес богатырь в жертву богу белого барашка, и они пошли.

День лезут на гору. Два дня лезут — нет кииков.

Рассердился богатырь.

— Куда, — говорит, — ты меня, старик, заведешь? Врешь ты все! Ничего ты не знаешь!

Старик не ответил, и пошли они дальше. Идут. Не разговаривают. Прошли еще одну гору и вдруг видят: целые стада козлов падутся и их не боются.

Вот тут и начал богатырь стрелять. Как стрельнет, так пуля сразу по три, по четыре козла убивает. Набили они много козлов — не унести, а уже темнеет. Спать надо. Подошли они к роще. Богатырь хотел огонь разжечь, а старик говорит:

— Не надо огня. На этой горе когда-то жил злой хан, он много людей порезал. Души их бродят по ночам. Увидят нас джины и альбесты и убьют.

А охотник говорит: — Не боюсь я, — и приказывает разжигать огонь. Старик говорит:

— Хорошо, разведем костер, но когда поедим, то ночевать пойдем в другое место.

Разжег старик огонь, охотники сварили мясо, поели.

— Ну идем,—говорит старик,—в другое место.

— Не хочу,—отвечает охотник.

Тогда повел старик охотника в сторону, и сели они за камень. Видят: подходят к огню две девушки. Охотник так и подскочил. Хотел бежать к ним, но старик начал просить.

— Не надо,—говорит,—подожди. Посмотрим, что будет. Если они здесь живут, мы их и завтра найдем.

Еле уговорил старик богатыря.

Как только начало белеть на востоке, девушки ушли.

На другой день старик и говорит:

— Сделай то, о чем я тебя попрошу, и если из этого ничего не выйдет, не давай мне моей охотничьей доли.

Охотник посмеялся, а потом согласился.

Срубили они два дерева. Старик остругал их и сказал, что надо эти чурбаны одеть, как людей, в халаты и шапки. Надели охотники на них свою одежду, положили чурбаны возле костра и опять спрятались за камнями. Смотрят, а на огонь пришли две другие девушки. Щеки у них красные, как кровь, а глаза темные, как ночь.—Я возьму их себе в жены!—сказал охотник.

А старик все просит:—Подожди немного.

Девушки сидят около огня, а руки прячут в рукава.

— Я знаю, кто это,—зашептал старик.—Это Джес-тернак! Если хочешь остаться живым, не ходи к ним.

А охотник не верит ему.—Врешь ты все, старик!—сердится он.

Посидели девушки около огня, посмеялись. Видят, что люди крепко спят возле костра и не просыпаются. Засучили они рукава, и увидел тут богатырь, что руки у них медные, а ногти на руках длиннее чем у медведя, настоящие когти.

— Не боюсь я их,—говорит богатырь,—и застрелю.

А старик говорит:—Посмотрим, что будет дальше.

А девушки раскалили на костре медные когти, потом подошли к лежащим чурбанам, закрытым с головой, и всунули в них свои когти, а когти-то в древесине застряли. Поняли Джес-тернак, что их обманули, дергают руки, а когтей вытащить не могут. Тут рассердился охотник и застрелил

их. Только пулю забил он не простым пыжом: старик дал ему особый пыж. Подошли они к девушкам и видят, что руки у них не медные, а золотые. Отрезали они золотые руки и забрали с собой, а убитых кииков поделили пополам. Аллах и бог гор велят все пополам делить. А особенно золота.

Кучак снова подбросил дров и хитро посмотрел на Джуру.

— Однако уже поздно! С'едят твоих уларов волки!—засмеялся Джура.

Но Кучак сказал:

— За колбасой надо идти, когда па-стущья звезда поднимется на два пальца над горой. А чтобы волки ее не с'ели, я разжег там мокрое дерево, и костер этот будет гореть целую ночь. А пока я расскажу тебе, Джура, об Ир-Манасе, как он реки заваливал горами и воевал с врагами.

Но Джура нахмурился и сказал:

— Расскажи мне лучше о том, как Ир-Манас на железном ковре-самолете летал, как Ир-Манас на железном ящере ездил. Расскажи мне те сказки, которые рассказывал аксакал.

Но Кучак не знал этих сказок, потому что горный бог — бог арвахов — не по-казывал ему таких чудесных вещей, и он не был в верховьях Сауксай.

Они долго молчали.

И вот Джура гордо сказал:

— Я сам пойду на Сауксай, и бог гор мне покажет то, о чем говорил аксакал. Я ничего не боюсь. Я принесу в жертву арвахам белого киика. Я попрошу бога арвахов и горных охотников помочь мне. Кто посмеет запретить мне?—гневно крикнул он, взглянув на Кучака. Кучак испугался. Таке тоже вскочил встревоженный и зала-ял. Он чувствовал, что его хозяин чем-то взволнован. Он выбежал из пещеры и осматрел все поблизости, но ничего опасного не учуял.

— Ты уже взрослый, Джура, сам знаешь, что делать надо,—уклончиво ответил Кучак и пошел за колбасой.

Уже издали он крикнул:

— У меня узкие ичиги, я не могу идти с тобой в верховья Сауксай!

«Да,—подумал Джура,—если у тебя ичиги узкие и жмут ноги, какая для тебя польза, что мир широк?»

Джура задумался: пусть Кучак один дожидается, пока аксакал придет женщины, чтобы переправить мясо в кишлак. Но почему-то из кишлака до сих пор никто не приходил. Не вымер ли он?

Тэке вдруг вскочил и глухо заворчал. Джура встревожился.

С выпученными от ужаса глазами, в пещеру вбежал Кучак и без слов, почти задохнувшись, повалился у костра. Он был не в силах что-нибудь сказать и только с ужасом показывал палкой в темноту.

— Барс? — спросил Джура.

Кучак отрицательно потряс головой.

— Медведи? Волки?

Кучак опять покачал головой.

Джура встревожился.

Он указал в темноту нетерпеливому Тэке и сказал:

— Киш, киш, киш!

Тэке с тихим рычанием умчался по следам Кучака.

Кучак все никак не мог придти в себя и с ужасом смотрел в темноту, куда убежал Тэке.

Наконец, проглотив кусок снега, который ему подал Джура, он закричал:

— Там Джес-тернак, клянусь! Да убьет меня огонь!

Сначала Джура не понял. Но Кучак прерывающимся голосом рассказал ему, что около костра, который он разжег, сидит Джес-тернак. Она греет руки, завернутое в материю. На ней диковинная одежда. Надо сейчас же убить Джес-тернак. У нее руки из золота, и Кучак отрежет их для себя. Он первый увидел ее! Это Джес-тернак, ее надо сейчас же застрелить. Иначе она может разорвать охотников своими золотыми когтями.

Все это было очень неожиданно, но суеверный Джура поверил. Он верил в горных людей, в Джес-тернак, верил во все таинственное и неясное. Сердце его забилось сильнее. Он убьет Джес-тернак и станет первым богатырем! Весь кишлак будет о нем говорить!

Джура хорошо помнил об оказанном Кучаку почете только за то, что он увидел следы горного человека в горах.

— А чем нужно забивать пулю? Ведь ты рассказывал, что пыхнуть нужно взять особенный? — спросил Джура.

Кучак знал это точно: пулю надо забивать пыхом из волчьей шерсти. Джура отрезал кусок шерсти с волчьей шкуры и, скатав пых, забил пулю.

Джура, сжав ружье в руке, побежал из пещеры, но Кучак уцепился за его рукав, упрямившая не спешить.

— Я буду поддерживать тебя, — сказал он и повис на Джуре, но быстро идти он не мог: ему мешал жир.

Джура не замечал Кучака, уцепившегося за его руки, и быстро шел вперед.

— Тэке не возвратился. Джес-тернак, наверное, убила его, — сказал Кучак.

Джура прибавил шагу.

«Пусть только убьет, пусть попробует! — думал Джура. — Я изрежу ее на мелкие куски».

Они быстро прошли заросли. Не доходя до опушки, Кучак остановил Джуру и, раздвинув ветви, сказал:

— Смотри!

У дымящегося костра сидела девушка и грела руки. Дыму было так много, что лица ее нельзя было рассмотреть, но по ее невиданной одежде, странным ичигам и, главное, по желтым, точно медным рукам охотники решили, что это действительно была Джес-тернак.

— Дай, я выстрелю, ну дай! — шопотом просил Кучак.

Единственный раз в жизни судьба послала ему такой исключительный случай — сделаться героем — и вдруг он его пропустит? Он умолял Джуру, целовал его руки, клялся быть вечно его рабом. Но Джура не соглашался: он решил сам застрелить Джес-тернак.

Они увидели Тэке. Он налетел на них, как бешеный, сбил Кучака с ног и убежал. Ну, конечно, это Джес-тернак. Даже пест стал сам не свой. Ясно, что здесь колдовство.

Тэке снова прибежал. А впереди него бежала чужая рыжая собака.

— Это джес-тернакова собака! Стреляй, она покусает нас! Она бешеная, вот Тэке бегает за ней, как угорелый! — закричал Кучак.

Джура прицелился и выстрелил в рыжую собаку, но она побежала дальше, а Тэке завизжал и, хромая, побежал в сторону.

— Колдовство! — прошептал Кучак.

Джес-тернак, услышав выстрел, вскочила и закричала:

— Джура!

Голос казался знакомым. Кучак заметил порывистое движение Джуры и успел удержать его:

— Не ходи, она убьет тебя!

Пламя костра вспыхнуло ярче и осветило лицо девушки. Джура не смотрел на нее: он быстро заряжал карамультук. Не



Тем временем Кучак начал старательно прицеливаться в грудь Зейнеб.

успел на кончить, как из темноты снова выбежала чужая собака. Тэке не было видно. Джура громко закричал:

— Тэке, Тэке!

Рыжая собака, услышав его голос, замедлила бег, остановилась и вдруг, ласково осклаившись, поползла к нему на брюхе.

Джура узнал кишлячную собаку. Он подошел к ней.

— Кучак! — крикнул он. — Это одна-ухая сука из кибитки Зейнеб! А девушка — сама Зейнеб!

Но Кучак испуганно замахал руками:

— Что ты! Это Джес-тернак, она только притворяется. Это она нарочно приняла вид девушки, чтобы завлечь и убить нас.

А Зейнеб стояла у костра и встревоженными голосом кричала:

— Джура! Кучак!.. Ого-го!

— Тэке, ба, ба, ба!.. — позвал Джура.

Тэке неохотно подошел. Он боялся ружья. Джура увидел, что Тэке кровит снег. Он ощупал его и заметил рану от пули на плече. Тем временем Кучак насыпал пороху на полку заряженного карамультука, зажег фитиль и, поставив на камень рогульку-подперку для карамультука, начал старательно прицеливаться в грудь Зейнеб. Грянул выстрел, и седым облаком повис дым, скрывая девушку. Джура оставил Тэке. Кучак бросил карамультук, и оба побежали к костру. Кучак на бегу вынимал нож, чтобы отрезать золотые руки Джес-тернак.

Он задрожал от страха перед хитрой Джес-тернак, которую и пуля не берет. А Джура осторожно остановился и на всякий случай тоже вынул нож.

— Что с вами? — спросила испуганная враждебным приемом девушка.

— Кто ты? — спросил ее Джура.

— Я Зейнеб, я из кишляка Мин-Архар, нас послали сюда аксакал за мясом. Другие женщины не могли перейти реки: они ждут по ту сторону Саукся. А я пришла к вам. Неужели вы не узнаете меня?

— Почему у тебя медные руки? — спросил Джура. А Кучак от страха даже закрыл глаза и присел, но потом чуть-чуть открыл один глаз и наблюдал искоса.

Девушка расхохоталась и сняла что-то с руки.

— Это называется «перчатка», — сказала она. — Перчатки вяжут из шерсти и надевают на руки, как чулки на ноги.

— А какая на тебе одежда? — мрачно, но уже чувствуя стыд и неловкость, спросил Джура и понюхал воздух: воздух от

и ариямат пахнул чем-то незнакомым, но приятным.

Зейнеб успокоилась, заметив, что Кучак засунул свой нож в ножны, а Джура снял руку с рукоятки ножа.

— Неужели вы меня не узнали в этом новом платье? — обрадовалась Зейнеб. — Посмотрите на мою левую руку. Видите шрамы от когтей молодого барсенка, которого Джура поймал три года назад? Узнаете?

Джура и Кучак промолчали. Зейнеб совсем развеселилась.

— У нас столько новостей, столько новостей! — закричала она. — Летом к нам издалека приехал караван и привез много товаров. Их меняли на шкуры и пушнину. Эти перчатки оттуда, это платье — русское платье, и вот ботинки — тоже оттуда. Даже твой карамультук, Джура, привезли обратно. Но неужели вы не узнали меня?

Джура был взбешен: девчонка смеется над ним.

— А чем это пахнет? — спросил он.

— Это такая пахучая вода, мне тот самый таджик прислал, — она опять засмеялась.

Джура покраснел от гнева: Зейнеб снилась ему, и вдруг чужой человек, которого он хотел зарезать, дарит ей подарки. Она смеет еще смеяться, а он из-за нее ранил Тэке!

Джура замахнулся на торжествующую Зейнеб и кулаком сбил ее на землю. Зейнеб заплакала от обиды.

— Ишак! — ругала она Джуру. — Ишак!

Но Джура уже остыл.

— Ну, не плачь! — виновато сказал он.

Зейнеб заплакала еще громче. Джура растерялся. Раньше он относился к Зейнеб потоварищески, но за лето она так выросла и стала какая-то совсем другая. Он даже не знал, как ее успокоить.

Увидев, что Кучака нет, Джура по-дружески хлопнул ее ладонью по спине, но она заплакала еще громче.

Джура переминался с ноги на ногу и, наконец, чтобы утешить Зейнеб, неловко погладил ее по голове.

Зейнеб сразу перестала плакать и изумленно посмотрела на Джуру своими большими черными глазами.

Джура быстро взвалил на плечи тяжелый курджум, который притащила Зейнеб, и сказал, не глядя на нее: — Идем, я накормлю тебя, пока Кучак сам не с'ел уларов.

Молча дошли они до пещеры, возле которой, у костра, уже сидел Кучак и кипятил воду для чая.

— Ага, курджум, я вижу, очень тяжелый курджум! — радостно сказал Кучак, бросаясь к Джуре и помогая снять курджум с плеч, хотя Джура вовсе и не нуждался в его помощи.

Как только курджум очутился на земле у костра, Кучак ласково похлопал его ладонью по тугим бокам и, развязав петли, стягивающие мешки, запустил руки внутрь.

Одиннадцатая глава

Смущенный Джура сидел с напускной важностью и медленно, с перерывами, рассказывал Зейнеб о том, как они жили с Кучаком в пещере.

Зейнеб слушала и вертела в руках нож и вдруг вскрикнула:

— Да ведь он с золотыми насечками!

— Разве это золото? — спросил Джура, — и вспомнив о найденном богатстве, добавил:

— А мы действительно нашли...

Но тут Кучак бросился к Джуре, зажал ему рот рукой и зашептал на ухо:

— Не говори Зейнеб о золоте. Аксакал говорит, что хитрости одной женщины хватит на поклажу для сорока ослов.

Джура нахмурился, но промолчал.

— Что же вы нашли? — спросила с любопытством Зейнеб.

Но Кучак, чтобы отвлечь Зейнеб, закричал:

— Я вам сейчас расскажу хорошую сказку о смерти Куко-тая-богатыря и его поминках!

В казане закипела вода.

— Ну вот будем пить чай, — сказал Кучак, наливая кипяток из казана в медный чайник, — вот я уже завариваю кипяток зеленым чаем. Эй, Зейнеб, стели достурхан.

Зейнеб развязала платок, опоясывавший ее, и расстелила его у костра.

На скатерти Кучак разбросал лепешки и колбасы из уларов. Он положил еды гораздо больше, чем это требовалось для троих человек. Это означало довольство, достаток.

Кучак говорил без умолку: он хотел, чтобы Зейнеб забыла о своем вопросе.

Все придвинулись к еде.

— Берите, берите! — сказал Кучак, показывая на еду.

— Берите, берите! — сказала Зейнеб.

Кучак понатужился и извлек из мешка большой бурдюк.

— Это кумыс, — сказала Зейнеб; она села рядом с Кучаком на корточки и, взяв бурдюк из рук Кучака, отложила его в сторону, подальше от огня.

Потом Кучак вынул лепешки, завернутые в платок.

— Пшеничные! — гордо сказала Зейнеб, передавая их Джуре, молча стоявшему возле них.

— Берите! — сказал Джура.

Начинает есть самый старший или наиболее уважаемый человек. Таким был здесь Джура. Он важно протянул руку и, не спеша, взял кусок лепешки и колбасы. Спешит только неуважающий себя человек, а Джура уважал себя.

Зейнеб ела колбасу и хвалила ее.

Она была горда и счастлива тем, что сидела между храбрыми охотниками и получала лучшие куски.

Зейнеб понимала, что, пока она девушка, она не раба и может сидеть как равная за одним столом с мужчинами. А выйдя замуж, она станет рабой мужа.

Она все хотела спросить, что же нашли охотники, но Кучак болтал без умолку, не давая ей сказать слова.

Они наелись колбасы и напились чаю.

Ночь была безветренная, но Кучак перенес угли и казан в пещеру и раздул большой огонь.

— Эй, Джура, принеси сухих дров! Да захвати с собой Зейнеб, ты ведь сам знаешь, если женщина стоит около казана, плов не удается.

Никто не умел варить плов так хорошо, как Кучак, а кто варит хороший плов, тому в это время все должны подчиняться.

И Джура послушно пошел за дровами, а сзади, не поспевая за ним, побежала Зейнеб.

Не успели они отойти от пещеры, как их догнал Кучак. Он подбежал к Джуре, прошептал ему на ухо:

— Не говори Зейнеб о золоте, а то я буду тревожиться и плов подгорит.

— Хорошо, — сказал Джура и зашагал дальше.

Кучак, запыхавшись, прибежал в пещеру. Он протянул руки к костру, потер их и засуетился. Пока кипятилась вода, он семь

раз промыл рис и щепкой выловил соринки. Потом он растопил в котле много жира и опустил в кипящий жир мелко нарезанное

молодое и нежное мясо. Поджав ноги, он сидел возле казана, как гордый жрец, и, вдыхая пар, тихо мурлыкал себе под нос.

Двенадцатая глава

Кучак уже снял казан с огня и отставил его в сторону, накрыв крышкой и тудупом. Угли медленно погасали, покрываясь серым пеплом. А Джура все не возвращался.

Кучак рассердился.

— Я сам с'ем плов, — говорил он, — плов не может ждать: он остынет и потеряет вкус... «Променять плов на девушку!» — подумал Кучак и, вытерев блюдо, подошел к казану.

В это время в пещеру стремительно вошел Джура и с силой бросил на пол дрова. Они раскатились во все стороны.

Кучак открыл было рот, чтобы выругать Джуру, но, заметив, что тот сердит, испугался.

За Джурой молча вошла Зейнеб и тоже сбросила дрова. Она встала на колени у костра и начала раздувать его. Джура сел у костра. Зейнеб постелила достурхан и, взяв чайник, плеснула немного горячей воды на руки Джуре.

— Несу, несу! — закричал радостно Кучак. Высоко поднимая огромное дымящееся блюдо плова, он поднес его к костру и опустил на достурхан.

Зейнеб восторженно захлопала в ладоши. Кучак гордо ухмыльнулся.

— Откуда вы достали такое красивое блюдо?

— Зейнеб наклонилась над его краями и сказала удивленно:

— Серебряное блюдо! Она поочередно посмотрела на Джуру и Кучака круглыми от изумления глазами.

Кучак посерел и даже как будто сморщился. Он умоляюще посмотрел на Джуру, прижав руки к груди.

— Нашли и все! — нехотя и отрывисто сказал Джура.

Зейнеб перебегала взглядом с лица Джуры на Кучака. Она понимала, что от нее скрывают что-то очень интересное.

— Ешьте плов, он стынет, берите, берите! — приглашал Кучак, и голос его дрожал и срывался от волнения.

Джура взял рукой горсть горячего жирного плова с кусочком мяса и, сжав в пальцах, чтобы рис не рассыпался, бросил его в рот и облизал пальцы.

— Хороший плов! — похвалил он Кучака.

Плов был действительно вкусный, но Кучак плохо ел: он боялся за судьбу найденного золота. Ведь если Зейнеб узнает о золоте, она всем расскажет, и аксакал забрет себе все богатства. Кучак тяжело вздыхал.

После каждой горсти с'еденного риса на дне блюда обнажались изображения зверей, людей в незнакомой одежде и высоких кибиток.

— Смотрите, вот медведь, лисица, — весело сказала Зейнеб, показывая пальцем на изображение, и рассмеялась.

Но Кучак и Джура не обращали на нее внимания.

Стали пить чай.

Джура, выпив первую пиалу чаю, вытер рот рукавом и сказал Кучаку, стараясь сохранить спокойствие:

— Слушай, Кучак, Зейнеб рассказала мне, что, после того как из кишлака уехал караван, из Кашгарии приехал сын китайского купца Тагай за пушниной. Аксакал пушнину уже успел обменять на муку, чай и рис. Тагай очень рассердился, потому что аксакал ему должен еще с прошлого года, и грозил, что он осенью опять приедет и чтобы аксакал намыл для него золота. А если золота не будет, Тагай забрет горностаевый тулуп аксакала и всех девушек.

— Мы все лето с аксакалом мыли золото в реках, — сказала Зейнеб.

— Молчи, — перебил ее Джура и продолжал: — Аксакал хочет, чтобы мы в полнолуние возвратились в кишлак. Ну теперь говори! — сказал он Зейнеб.

— Аксакал хочет, чтобы ты, Кучак, женился; он говорит, что уже прошел год, как умерла твоя бездетная жена, и нехорошо мужчине быть неженатым. Он говорил еще, что Джура должен жениться на его внучке Биби.

— Да ведь ей только десять лет, — сказал Кучак.

— Все равно, так хочет аксакал! Он стар и готовится умирать. А мне, — тут голос у Зейнеб дрогнул, — мне аксакал велел готовиться стать женой Тагая. Аксакал не хочет отдавать ему долг и вместо золота хочет отдать меня. За это Тагай дает аксакалу пять кутасов и десять коз...

— А еще она рассказывает, — и Джура кивнул головой на Зейнеб, — что за Дараут-Курганом идет большая война и только в Кашгарии спокойно.

— А девушки Сет и Зара не испугались и вышли замуж за караванщиков из Дараут-Кургана, — сказала Зейнеб. — Тагай

Тринадцатая глава

Мясо переправляли на другой берег Саук-сая три дня с утра до вечера. Тэке бегал по берегу и все время лаял.

Стая кишлачных собак на другом берегу тоже долго с остервенением лаяла на Тэке.

Все понятие Тэке о мире изменилось. Он не знал, что на свете существует столько собак!

Старый, одноглазый черный пес — отец Тэке, о существовании которого Тэке даже не подозревал, угрожал ему.

Ровесники Тэке, молодые псы, вызывали его на драку.

Тэке сердито рычал в ответ.

— А меня ты как переправишь? — спросила Зейнеб, когда все мясо было уже на другом берегу.

Джура нахмурился.

— Зачем тебе уходить? Ты нам еще белье не постирала, а сама сказала, что аксакал велел выстирать все наше белье.

Зейнеб задумалась. Она была самой красивой девушкой в кишлаке. Старухи, собираясь в бесконечные зимние вечера, подолгу судачили, кто женится на Зейнеб, и прочили ее за Джуру.

И Зейнеб считала этот вопрос решенным. Она выйдет замуж за Джуру. Но с того времени, когда приехал Тагай, подарила ей кольцо с бирюзой и обещал жениться на ней, настроение Зейнеб резко изменилось. Она не знала, за кого же ей выходить замуж. Правда, Джура был храбрый и сильный, но ведь и Тагай — не трус. И кроме того у Тагая есть винтовка, а у Джуры только карамультук.

Четырнадцатая глава

Зейнеб выстирала белье и в награду получила золотой браслет.

Она почистила его золой, надевала то на правую, то на левую руку и все время терла тряпкой, чтобы золото сверкало. Кучак даже похудел от зависти, он не сводил глаз с браслета.

— За такой браслет жену можно ку-

еще говорил, что у него много лапок в Кашгаре и что я каждый день буду есть пшеничные лепешки и плов. Он подарил мне кольцо... — и Зейнеб показала Джуре золотое колечко с бирюзой.

Джура взял его и швырнул в костер. Зейнеб заплакала и, схватив полено, начала искать кольцо в углях.

Зейнеб морщила лоб, а Джура молча, с напряжением ждал ее ответа.

— Хорошо, — согласилась Зейнеб, — я выстираю вам белье. А что ты мне за это дашь? Ведь Тагай просто так, ни за что подарил мне кольцо и шолк. Ты подаришь мне блюдо?

— Блюдо? — презрительно повторил Джура. — Я тебе дам золотой обруч на руку с камнями, какого ни у кого нет.

Тогда Зейнеб переправилась в курджуме на другой берег и сказала женщинам:

— Несите мясо в кишлак и передайте аксакалу, что Джура и Кучак будут охотиться еще месяц. Появилось много кииков. Я останусь с ними.

Заметив подозрительные, насмешливые взгляды, она добавила:

— Я буду стирать их белье и варить им пишу.

— А Тагай? — спросил ее кто-то из толпы женщин.

— Сокол ворону — не товарищ! — гордо ответила Зейнеб и махнула рукой, чтобы Джура переправил ее в курджуме обратно.

— Счастливо, счастливо! — кричали женщины и визжали от страха, наблюдая, как курджум, в котором сидела Зейнеб, скрылся в облаке брызг.

Старухи визжали до тех пор, пока девушка не сошла на берег. Женщины долго еще стояли на берегу и провожали криками подымавшихся в горы Джуру, Кучака и Зейнеб.

пить, а ты подарил девчонке. Забери назад браслет, женщина не доведет до добра, если ее не бить!

Однажды Кучак подслушал, как Джура сказал Зейнеб:

— Угру-улаин — я принимаю на себя все твои грехи. Кучак знал, что это были самые нежные слова; он даже мог по-

клясться,* что слышал нежный шопот Зейнеб.

Все время Джура и Зейнеб проводили вместе. Джура дарил ей браслеты. Кучак негодовал.

Джура шутил над ним:

— Ты, Кучак, хотел иметь золотые руки и получил их. Разве могла бы Зейнеб так варить, стирать и прибирать, если бы руки у нее не были золотые? — говорил он Кучаку.

— Ну так и возьми их себе! — сердито кричал Кучак.

— Я уже взял их, не беспокойся, — смеялся Джура.

Джура не охотился, и они ели вяленое мясо из запасов. Кучак ел мало, но Джура и Зейнеб ели хорошо.

— Почему она ест с нами, а не сидит подле нас и не ждет, чтобы поесть остатки после мужчин? — сердился Кучак за обедом.

А Джура делал все, что скажет Зейнеб. Из-за нее он даже перестал ходить на охоту. Зейнеб жила беззаботно и только иногда поругивалась с Кучаком.

Пятнадцатая глава

Через несколько дней утром, потягиваясь после сна, Тэке заметил, что Одноухая стоит у собачьей миски и, повизгивая просительно, смотрит на Кучака.

Сердитый Кучак делал вид, что не замечает Одноухой.

Но Одноухая скулила все громче и пронзительнее. Она так надоела Кучаку, что он швырнул в нее камнем.

— Пошла вон, бродяга! Пусть хозяйка тебя кормит! — ворчал Кучак.

Одноухая не успела увернуться от камня и жалобно завизжала. Тэке мрачно зарычал.

— А ты чего рычишь, черный шайтан? — громко крикнул Кучак. — Ты на Джуру рычи. Он тебя не кормит!

На его крик вышла из пещеры Зейнеб.

— Эй, Кучак, чего ты кричишь? — спросила она.

А Кучак с бешенством швырял собакам кости и кричал:

— Нате, ешьте, Зейнеб не жалеет для вас костей!

Зейнеб в недоумении передернула плечами и сказала:

— Лучше принеси дров и вскипяти воду.

— Я не буду делать женские дела! — закричал Кучак. — Сама иди за водой и сама кипяти воду! — он сердито пошел в пе-

Она не спешила в кишлак, хотя ей и хотелось показать подругам свои золотые украшения.

Но она помнила слова купца Тагая: «Смотри, Зейнеб, — если ты выйдешь замуж за другого, я зарежу тебя».

А Тагай скоро должен был снова приехать в кишлак.

— А, может быть, Тагай узнает, что я осталась с Джурой, и уедет, — успокаивала себя Зейнеб.

*

Однажды утром Джура ударил Тэке ногой, чтобы тот не рычал: он мог разбудить спящую Зейнеб.

Кучак позеленел и плюнул от возмущения. «Приберет Зейнеб все наше золото к рукам», — огорчался он. Целую ночь думал Кучак о золоте, но ничего не придумал.

«Ишак я, старый ишак, — решил Кучак. — Почему я плохо целился в тот вечер в Зейнеб? Зачем я промахнулся? Или, может быть, арахи отклонили мою пулю и спасли Зейнеб?»

Зейнеб стояла у входа, и Кучак, проходя мимо, сильно толкнул ее.

Зейнеб упала. Кучак быстро нагнулся к ней и, схватив левой рукой за волосы, прижал ее голову к земле.

— Отдай талисман — кричал он Зейнеб.

— Какой талисман? — испуганно спросила его Зейнеб.

— Ты приворожила Джуру, он не стреляет теперь кииков, он слушает каждое твое слово — значит у тебя есть талисман! Отдай его! — и Кучак, отпустив волосы Зейнеб, схватил тонкий шнурок на шее Зейнеб, на котором висел талисман, и сорвал его.

Взмахнув над головой талисманом, он сказал:

— Теперь ты потеряла волшебную силу и Джура снова станет настоящим охотником. Теперь я знаю, почему я промахнулся, когда стрелял в тебя: на тебе был заговоренный ишек-таш!

Зейнеб вскочила.

— Отдай ишек-таш: он охраняет от дурного глаза! — со слезами в голосе кричала Зейнеб. Но Кучак побегал в пещеру и бросил плоский матерчатый треугольник, в котором был зашит ишек-таш, в костер. Разгневанная Зейнеб схватила бурдюк с водой и вылила на огонь. Дрова зашипели и по-

гасли. В пещере сразу стало темно и дымно. Кучак и Зейнеб вместе бросились к костру, чтобы схватить не успевший сгореть талисман. А еще через несколько минут Зейнеб колотила Кучака по голове палкой.

— Ай, ай, не бей меня! — визгливо кричал Кучак.

Зейнеб тяжело дышала, волосы у нее расперепались, платье на левом боку распоролось.

— Ах ты синий осел! — всхлипывала она. — Вот я расскажу все Джуре, тогда ты узнаешь! — и, разжав левый кулак, она взяла мокрый, испачканный в золе талисман и, связав оборванные тесемки, надела его себе на шею. Кучак убежал в рошу.

Голодный Тэке все утро бегал с Одноухой по горе. Они вспугнули двух лисиц и четырех горностаев. Сурки уже залегли в норах на зимнюю спячку. Мыши попрятались. Земля сверху промерзла, и разрывать норы было невозможно. Собаки вернулись домой голодные.

Тэке жадно поглядывал на куски вяленого мяса, висевшие в пещере. Вход в пещеру был для Тэке всегда свободный. С тех пор как его выдрессировали, он никогда не воровал.

Тэке лежал у входа в пещеру и, положив голову на лапы, искоса наблюдал за Зейнеб.

Зейнеб зашивала платье. Тэке встал и юркнул в пещеру. Одноухая тоже побежала за ним.

Высоко подпрыгнув, Тэке впился зубами в большой кусок мяса. Палка, на которой висело мясо, с треском обломилась. Зейнеб обернулась: Тэке уже выбежал из пещеры, волоча за собой мясо. За ним помчалась Одноухая.

Зейнеб вскочила, схватила палку и, даже не надев грубых кожаных калош, помчалась за Тэке.

Зейнеб разъярилась не на шутку: на ее глазах свои же собаки нагло украли мясо. Кусок был тяжелый, и Тэке бежал с ним вниз по склону горы, все ближе к Сауксаю. За ним бежала Зейнеб. Девушка запыхалась. Она была далеко от пещеры. Тэке бросил мясо и присел, обнажив клыки. На него налетели два огромных серых пса.

Тэке начал драться с собаками. Все еще досадуя на Тэке, Зейнеб схватила камень и бросила его в Тэке.

Он успел отскокить, но осмелевшие псы опять бросились на него, стараясь повалить на землю. Тэке подпрыгнул и успел вско-

чить на высокий камень. Один из псов прыгнул за ним, но скоро свалился с разорванной глоткой.

Зейнеб решила вернуться домой, но в это время из-за камней вышла группа вооруженных людей. Один из них назвал Зейнеб по имени. Она быстро оглянулась и в страхе медленно опустилась на камень, не сводя глаз с окликнувшего ее человека: это был Тагай.

— Кок, Гог! Сюда! — кричал Тагай на своих собак, но они еще яростнее напали на Тэке.

— Разнять собак! — приказал Тагай и быстрыми шагами подошел к Зейнеб. Она уже оправилась от испуга и встала.

— Почему ты здесь? — спросил он ее по-киргизски, и его косые китайские глаза быстро оглядели ее.

— Ого-го! — сказал он, прищурив глаза на ее золотые браслеты. — Откуда это?

К Тагаю подошли его помощники — Безносый и Чирь.

— Золотые! — прошептал Безносый.

— Чистое золото! — сказал другой.

— Снимай! — закричал Безносый и схватил ее за руку.

Зейнеб, как затравленный зверь, оглядывалась во все стороны, но она видела только хищные взгляды, устремленные на ее золотые браслеты.

Тагай ударил Безнозого по руке, и тот отошел от Зейнеб.

— Ты, должно быть, забыла, что аксакал тебя отдал мне за долг? — сказал Тагай.

— Возьми лучше браслеты, — сказала Зейнеб, срывая их с руки и подавая Тагаю. Но Тагай, заложив руки за пояс, насмешливо посмотрел на нее и покачал головой.

Рука Зейнеб, протянутая с браслетами, задрожала и опустилась.

— Пойдем! — грубо сказал Тагай и схватил ее за руку.

— Не хочу, пусти меня! Джура любит меня... он даст тебе много золота! — в отчаянии вскрикнула Зейнеб. Она рванулась и, проскочив между басмачами, побежала на гору.

— Лови ее! — крикнул Тагай.

Чирь щелкнул затвором винтовки.

— Не надо! — сказал ему Тагай. Он позвал свою собаку и показал ей на бежавшую впереди Зейнеб.

Серый пес Тагая большими скачками догнал Зейнеб и схватил за платье. Зейнеб, сорвав с головы платок, хлестнула собаку по голове. Но пес свалил Зейнеб с ног.

Подбежали басмачи и отогнали собаку. Тагай потянул Зейнеб за руку; Зейнеб плакала и не хотела вставать.

— Поднимите ее! — сказал Тагай. Зейнеб вскочила. Она плакала, кричала и дралась. Басмачи связали ее и понесли вниз. Зейнеб старалась вырваться. Ее с трудом

удерживали пять здоровых, рослых киргизов. Тагай держал ее голову.

Зейнеб быстро повернулась и укусила Тагай за руку.

Он отскочил и, размахнувшись, оглушил ее кулаком по голове.

— Вот шайтан девка! — сказал Безносый.

Шестнадцатая глава

Тэке вернулся в пещеру один, голодный и злой. Сидя у входа, он лизывал раны. Это была его первая серьезная схватка с собаками. И Тэке мог гордиться: он стойко дрался и не дал себя победить двум сильным и опытным псам.

Вернулся с охоты Джура. Он принес двух уларов.

— Зейнеб! — закричал он еще издали, но она не выбежала ему навстречу.

— Зейнеб! — снова позвал он.

Из роици вышел Кучак.

— Где Зейнеб? — спросил его Джура.

Кучак тревожно посмотрел на него и сказал:

— Не знаю, она меня побила.

— Побила? — переспросил Джура, — значит заслужил.

В это время, хромя, подбежал Тэке.

Заметив кровь на его шерсти, Джура бросил убитых уларов Кучаку, а сам, присев на корточки, стал внимательно осматривать раны Тэке.

— С кем же это дрался Тэке? И где Зейнеб? — тревожно спросил Джура у Кучака.

— Не знаю! — сказал Кучак, опустив голову и исподлобья поглядывая на Джуру.

В пещере возле прогоревшего костра Джура увидел кожаные калоши Зейнеб. Он решил, что она ушла недалеко.

Прошел час. Джура вышел из пещеры и стал громко звать Зейнеб. Но ее нигде не было видно.

Тогда Джура позвал Тэке и дал ему поносить одежду Зейнеб.

— Киш, киш! — сказал ему Джура.

Но Тэке, узнав знакомый запах Зейнеб, заворчал: он вспомнил, как Зейнеб преследовала его и бросила камень, когда на него напали собаки.

— Ищи, ищи! — настойчиво говорил Джура, протягивая ему халат Зейнеб. Но Тэке опять отпрыгнул в сторону и зарычал.

— Тэке, сюда! — строго сказал Джура. Тэке послушно подошел.

— Ищи! — и Джура в третий раз протянул ему халат.

Тэке понюхал и послушно побежал из пещеры. А Джура с копьём в руке быстро пошел вслед за ним.

Они бежали по склону.

Из-за камней высочил большой серый пес.

Удивленный Джура даже остановился.

Тэке прыгнул навстречу врагу. Собаки стали яростно грызться.

Джура, улучив удобный момент, ударил чужого пса копьём в бок. Пес упал. Тэке схватил его зубами за горло.

Недалеко на склоне, среди камней, лежал красный платок Зейнеб; Джура заметил его и побежал к нему.

Здесь все еще хранило следы недавней борьбы. Даже камни были сдвинуты с места. Джура присел на корточки. Он внимательно осматривал следы.

Рядом послышался шорох, и Джура увидел около себя тень. Пятеро людей окружили его копьём.

У троих из них были винтовки, а у остальных чашмы¹. Человек, с изрытым оспой лицом и без носа, сказал Джуре:

— Как хорошо пасти овец и коз!

Джура не ответил.

— Как хорошо пасти лошадей! — сказал другой.

Джура перевел взгляд на говорившего, маленького, сгорбленного старика, и опять не ответил.

— Как хорошо охотиться! — сказал третий, плотный, бородатый мужчина.

— О да, дело неплохое! — ответил Джура и быстро вскочил на ноги.

Он удивился вопросам незнакомцев. Они спрашивали так, как полагается вежливо спрашивать по старинному обычаю.

Джура тревожно оглядывал их с ног до головы. У Безносого он заметил сапоги с каблуками. А следы, которые разглядывал Джура, ясно говорили, что в числе борющихся здесь был и человек, обутом в сапоги с каблуками.

— Вы откуда? — спросил Джура, погля-

¹ Чашма — охотничье ружье.



Пес упал. Тэке схватил его зубами за горло.

дывая на свое копыле, на которое как будто незначай наступил Чернобородый.

Старший заметил:

— Ай, ай! Обычая не знаешь! Накорми, а потом спрашивай!

Джура хотел идти искать Зейнеб, но обычай вынуждал его пригласить путников в пещеру. Стараясь говорить самым спокойным голосом, Джура сказал:

— Хозяйка моя пошла за дровами, вы не видели?

— Первый раз вижу, что охотник ищет свою бабу! — лукаво заметил Безносый.

Он хлопнул Джуру рукой по плечу, но на Безносого бросился Тэке.

— Стрелять буду! — закричал Безносый, щелкая затвором.

— Прочь! — сказал Джура Тэке. Но тот и сам отскочил в сторону.

«Не охотники они, — решил Джура. — Идут в дом к охотнику, а угрожают убить собаку». Он повел незнакомцев в пещеру.

Возле пещеры сидел на камне Кучак и, греясь на солнце, ощипывал уларов.

Кучак гадал на перьях, будет бить его Джура или нет. Он выдергивал по несколько перьев и пускал их по воздуху, загадывая, что если перья полетят на восток, то Джура не будет его бить.

Перья кружились над Кучаком. Он внимательно смотрел на них и вдруг увидел группу чужих людей.

Кучак засуетился, схватил уларов и побежал в пещеру.

Он уронил одного улара на землю, а с другим забился в самый темный угол пещеры и спрятался там под шкурами.

Раздался чей-то незнакомый голос, и в пещеру вошли чужие люди.

Кучак замер, наблюдая одним глазом за незнакомцами, другой он закрыл от страха.

— Кучак! — гневно закричал Джура, но Кучак не отвечал.

Джура подбросил дров в костер, на котором стоял казан с водой.

Вдруг Кучак увидел, что Тэке обнюхивал оброненного им улара.

Кучак затрясся от злости.

— Прочь, прочь! — тихо сказал Кучак.

Но Тэке улегся возле улара и начал его есть.

— Прочь! — громко закричал Кучак, вне себя от злости. Все удивленно посмотрели на шевелившиеся шкуры.

Джура быстро пошел в угол и отбросил шкуры. Кучак захрапел на всю пещеру.

— Вставай! — сказал Джура.

Но Кучак захрапел еще сильнее. Тогда Джура ударил его носком ичига. Кучак вскочил.

— А...а...аа! — воскликнул он, притворяясь, что рад видеть незнакомцев.

— Какой сыз тынч-мы, кездыз?¹

— Тынч, тынч?, — ответили незнакомцы, усаживаясь у костра.

— Приготовь чай! — сказал ему Джура.

Кучак бледный, с трясущейся от страха челюстью, сел у костра и, взяв полено, положил его в котел с водой.

— Ты что, без головы? — сердито закричал на него Безносый.

Горбатый басмач Чирь взял чайник и налил в него кипятку.

Все сели вокруг костра. Кучак дал гостям воды вымыть руки и случайно подал красный платок Зейнеб, который принес Джура.

Безносый, вытирая руки, узнал платок. Он не спускал глаз с Джуры.

Но тот сидел спокойно. Вынув свой большой нож, Джура взял палку и начал вырезать из нее фигурки.

Поев, старший из гостей вытащил тыквенную бутылочку с насвоем, отсыпал горстку табаку на ладонь и положил в рот. Потом передал бутылочку соседу.

Пока Джура брал насвой, старший кивнул басмачам головой. Один из гостей, как бы интересуясь резьбой рукоятки, взял тяжелый нож Джуры.

Второй гость как будто тоже случайно, не спеша, поднялся и стал у выхода из пещеры.

Безносый подмигнул остальным. Они положили руки на ружья, лежавшие рядом.

Безносый наклонился, быстро поднес к глазам Джуры вынутый из-за пояса золотой браслет с рубинами.

Джура вскочил, ударил сидевшего рядом басмача ногой в подбородок и бросился к выходу.

Стоявший у выхода басмач подставил ему ногу: Джура тяжело грохнулся на землю. Все басмачи навалились на него.

Чирь вынул нож и хотел ударить Джуру.

— Не надо! — прохрипел Безносый, которому Джура сдавил пальцами горло. — Без него мы не узнаем, где спрятано золото.

— Тэке! Тэке! — закричал Джура. Но Тэке был далеко от пещеры: он разыски-

¹ Как доехали?

² Доехали, доехали.

вал место, где Одноухая зарыла недоеденное мясо.

— Кучак! Кучак! — кричал Джура. А Кучак бегал по пещере и хватался то за карамультук, то за палку.

Басмачи связали Джуру веревками, приволокли на середину пещеры и бросили около костра. Кучак сидел у костра согрившись, спрятав голову между коленями, и тяжело дышал.

Джура напрягал мускулы, стараясь разорвать веревки, но они впивались ему в тело.

— Слушай! — сказал Безносый. — Зейнеб — жена нашего курбаши Тагая. Она с радостью поехала с ним в Кашгарию. «Возьми мой браслет, — сказала она мне, — пойди к охотнику Джуре, и пусть он вам отдаст мои серебряные и золотые подносы, чаши и монеты». И если ты отдашь свое золото, мы пощадим твою жизнь.

— Врете! — сказал Джура.

— А откуда же мы знаем о золоте? Если бы она тебя любила, разве она сказала бы о твоём богатстве? Посуди сам!

Джура кричал и силился разорвать веревки.

— Вот это блюдо серебряное, а эта чаша тоже из чистого серебра, но я знаю, что у вас есть и золото, — говорил Безносый и бил чашей о блюдо. Звон разносился по всей пещере.

Кучак хриплым голосом твердил:

— Нет у нас золота, — и дрожал:

— Что найдете, берите, — сказал Джура, закрывая глаза.

Басмачи положили в мешок серебряное блюдо и чашу.

— Ну, а где золото? — спросил чернобородый Джуру.

— Ищите сами, — хрипло ответил Джура, — я не боюсь вас!

— Нет у нас золота, Зейнеб соврала. Кто верит женщине, тот синий осел, — твердил Кучак.

Безносый первый ударил Джуру прикладом. И на Джуру со всех сторон посыпались удары.

Он кричал, стонал и ругался. Вербки на его руках трещали и лопались. Старший приказал связать его сыромятными ремнями.

Но боль не заставила Джуру говорить.

— Говори! — подскочил Старший к Кучаку и ударил его кулаком в ухо. Кучак упал на землю.

Басмачи связали и приволокли к костру вокорного Кучака. Его долго били, но Ку-

чак стонал и клялся, что ничего не знает о золоте.

Тогда басмачи раскалили нож и приложили к голому телу Джуры. Он кричал от боли и злости.

— Куки, куки! — кричал Джура, как кричат от боли все киргизы, и слезы градом катились по его щекам.

О золоте он все-таки ничего не сказал.

— Ты храбрый джигит! — сказал с уважением Безносый Джуре, удивляясь его упорству. — Разве золото тебе дороже жизни? Я оставлю тебе жизнь, но скажи, где золото. Я говорю честно. Твоя жена — плохая жена. Забудь ее. Есть много женщин лучше нее.

Но Джура молчал.

А Кучак все время кричал:

— Нет золота, нет золота!

Безносый рассердился:

— Что ты каркаешь, старый ворон? У меня нет охоты сидеть в этой вонючей пещере и возиться с тобой, грязный хорек. Прижгите его!

— Куки, куки! — застонал Кучак.

Тогда Чирь, которого Кучак нечаянно ударил ногой в живот, решил испробовать самый верный способ, который он нередко применял к киргизам-большевикам, когда хотел узнать от них самые важные тайны.

Он вынул из винтовок шомпола и раскалил их на огне. Потом начал ими бить Кучака.

Кучак почувствовал, что у него горят внутренности.

— Я все расскажу, — прошептал Кучак. Он начал говорить, где было зарыто золото, и пена с кровью падала с его губ.

*

Басмачи жадными руками выхватывали из ямы золотые вещи.

Потом, толкаясь, они подбежали к Кучаку.

Но Кучак лежал, закатив глаза, и дыханье со свистом вылетало сквозь его стиснутые зубы.

Кто-то из басмачей вылил ему на голову бурдюк с водой. Кучак открыл глаза.

— Где вы нашли золото? — спросил Безносый. Кучак молчал.

— Где золото нашли? — снова спросил Безносый.

Чирь взял шомпол.

— На леднике... у Чортова гроба... в трещине... возле лежат дрова и веревка... там много... еще... — прошептал срывающимся голосом Кучак.

Чернобродый вынул нож, но Безносый схватил его за руку.

— Ведь если он соврал и там ничего нет, кто нам расскажет правду? Пусть они пока поживут.

Басмачи, завалив узкий вход в пещеру камнями, пошли на ледник.

Вскоре после ухода басмачей прибежал к пещере Тэке.

Из пещеры слышался стон Джуры.

Тэке беспокойно заметался возле пещеры. Джура опять застонал. Тэке сел и, подняв голову, завыл.

— Тэке, сюда, Тэке! — чуть доносились из пещеры слова Джуры.

Тэке бросился к заваленному входу. Но пролезть не смог. Он прыгал перед камнями, визжал от нетерпенья и ждал, что камни посыплотся и появится хозяин. Но Джура не появлялся, а все продолжал звать Тэке.

Тэке попробовал рыть. Один камень отвалился, но другие были псу не под силу. Он умчался вверх, влез на скалу и заглянул в пещеру через дымовую дыру.

— Тэке, сюда! — кричал Джура, заметив тень от головы Тэке.

Тэке опять сбежал вниз, метался перед входом и, наконец, помчался к левому подножию пещеры, где был крысиный ход. Когда-то, будучи еще щенком, Тэке вылезал там из пещеры, привлеченный дневным светом.

Остановившись у норы, он понюхал ее и начал рыть. Комья мерзлой земли летели из-под его когтей. Он порезал лапы, но продолжал упорно рыть. Голос Джуры настойчиво звал:

— Тэке! Тэке! Сюда!

Тэке взвизгивал и рыл еще быстрее.

Не слыша Тэке, Джура уже потерял надежду. Он попробовал разорвать пути, но ремни от этого еще крепче впивались в тело. Он хотел подползти к Кучаку, но опаленное тело болело от малейшего движения.

«Не сможем освободиться, — думал он. — Вернутся басмачи и зарежут нас».

А Кучак все кричал: «Куки, куки!» — и стонал, закрыв глаза.

Вдруг что-то черное ворвалось в пещеру.

И в тот же момент Джура почувствовал, что Тэке лижет его лицо. Неизбалованный лаской, Тэке в порыве нежности впервые лизал Джуру. Он бросился от Джуры к Кучаку и лизал их лица. Кучак стонал, но уже от радости.

«Но как объяснить Тэке, что надо перегрызть ремни?» — думал Джура. Он повернулся на грудь и, приподняв руки, связанные за спиной, крикнул Тэке:

— Возьми, возьми!

Тэке, недоумевая, обнюхал руки и лизнул засаленные пальцы Джуры. Потом понюхал веревки и ремни и снова лизнул пальцы.

Джура волновался и тыкал в морду Тэке связанными руками. Тэке попытался.

Джура понял, что таким путем он ничего не добьется. Джура подозвал Тэке. Тэке сел против Джуры и смотрел ему в глаза. Волнение Джуры передавалось собаке. Тэке вскочил. Потом снова сел около Джуры.

— Тэке, Тэке! Грызи ремни, грызи, грызи! — повторял Джура, вливаясь взглядом в глаза Тэке.

Тэке не понимал и отворачивался.

Время шло.

— Тэке! — позвал Джура, хотя Тэке сидел против него.

— Перегрызи на руках ремни! — твердил Джура.

Обессиленный Джура с трудом перевернулся на грудь, подставляя Тэке связанные на спине руки. Тэке, наконец, понял и, схватив зубами ремень, начал его грызть. Когда Тэке перегрыз ремни, Джура онемевшими, скрюченными пальцами схватил голову Тэке и прижал к своей груди. Потом взял нож и перерезал веревки на ногах. Все тело ныло.

Несмотря на боль Джура встал, выпрямился и поклонился отомстить басмачам.

Он перерезал ремни на руках и ногах Кучака.

А Тэке все бегал и грыз ремни и веревки.

Собрав последние силы, Джура разбросал камни, завалившие вход в пещеру, вышел и влез на ближайшую скалу. Он увидел, что басмачи уже возвращались. Они были далеко, но надо было спешить.

Он возвратился в пещеру и сказал об этом Кучаку. Кучак бросился было бежать, но Джура заставил его взять вяленого мяса. А сам захватил с собой карамуль-тук, боеприпасы и шкуры.

Взяв Тэке, они пошли на восток в горы, где в камнях весной попался им в капкан барс.

Там недалеко была его нора.

Тэке весело бежал впереди Джуры, помахивая хвостом.

Они нашли нору барса и через узкий проход пролезли в нее.

Кучак лег и начал есть вяленое мясо.

А Джура все время думал, как бы отомстить врагам.

Вернувшись в пещеру, басмачи увидели развороченные камни. Пленников в пещере не было.

— Надо их найти и зарезать! — сказал Чирь.

— Идите, ищите, я подожду вас здесь, — сказал Безносый, у которого в руках был курджум с золотом.

— Нет, иди ты, а я постерегу золото, — возразил ему Чирь.

Басмачи с подозрением смотрели друг на друга.

— А ты не растерял по дороге золота? — спросил у Безносого Чернобородый. — А ну, покажи!

— Покажи, покажи! — сказали остальные басмачи.

Они уселись и жадно смотрели на золотые вещи, которые Безносый высыпал перед ними из курджума.

— Я возьму этот кубок для Тагая, — сказал Чирь и протянул руку к золотому кубку.

— Отдай! — сердито сказал Безносый и повалил Чиря на спину.

Остальные басмачи начали расхватывать золотые вещи и засовывать за халаты.

Безносый схватил винтовку и выстрелил вверх. Басмачи положили золотые вещи обратно.

— Давайте поделим золото на равные части. Почему только наш Старший да Безносый хранят его?

— Правильно, — согласились остальные. — Дели золото! — закричали все и тоже схватились за ружья. Щелкнули затворы, и четыре дула уперлись в грудь Безносого.

— Хорошо, будем делить, — сказал он.

Долго спорили они, угрожая друг другу и, наконец, кое-как сговорились, разделив золото на пять частей.

Тщательно спрятав его в платки, они опоясались ими и пошли в разные стороны искать Джуру и Кучака.

Каждый из них решил бежать и подозревал в этом другого. Но все поклялись к вечеру возвратиться в пещеру. Они расходились хмурые и недоверчиво оглядывали друг друга, сжимая в руках ружья. Золото сделало их врагами.

Безносый пошел со Старшим. У Старшего была золотая доска, и он не захотел ее делить.

Они шли, осторожно выглядывая из-за

каменной. Они слышали о том, что Джура — меткий стрелок.

Вдруг Безносый показал в сторону и зарычал:

— Джура!

Старший оглянулся, а Безносый выстрелил ему в спину. Старший упал замертво.

Потом Безносый переложил в свою сумку золотую доску, длиной в локоть, забрал винтовку Старшего и пошел обратно, надеясь встретить остальных и перестрелять их поодиночке. Он решил оставить только Чиря, который знал дорогу в горах. А с золотом можно отправиться в Кашгарию и зажечь там сытной, счастливой жизнью и сразу купить десять красивых, молодых жен.

Безносый мечтал о будущем счастье, как вдруг над его головой просвистела пуля.

Он бросился на землю. Потом осторожно поднял голову. По свисту пули он понял, что кто-то стрелял из охотничьего ружья. Охотничьи ружья были у басмача по прозвищу «Маленькое мясо» и у Чернобородого.

Стемнело.

Безносый спрятался в камнях. Вернуться в пещеру он боялся, да никто из басмачей туда и не вернулся. «Маленькое мясо» сразу двинулся к Мук-су, чтобы убежать в Кашгарию. А Чернобородый пошел по щели в сторону Афганистана, и только Безносый да Чирь прятались в камнях и всю ночь не спали в ожидании рассвета.

Тэке ночью вылез из норы и побежал к пещере. Дорогой он наткнулся на труп. По следу Тэке подкрался к задремавшему Безносому. Около него лежал мешок. Тэке понюхал: из мешка пахло мясом. Тэке осторожно вытянул мешок из-под головы Безносого и побежал обратно.

Безносый проснулся, вскочил и выстрелил по убежавшему псу, но спосонья не попал. Тэке примчался к норе. Джура вылез из норы и увидел, что Тэке ест вареное мясо. Возле лежал разодранный мешок, из которого высыпались золотые кубки. Это была та часть золота, которую при разделе получил «на хранение» Старший. Джура принес мешок в нору. Кучак от радости даже перестал стонать.

— Золото, золото! — шептал он; и вдруг подал Джуре какую-то странную вещь.

Джура нехотя взял и отбросил.

— Посмотри, посмотри! — настаивал Кучак.



Долго спорили они, угрожая друг другу, и, наконец, кое-как сговорились, разделив золото на пять частей.

Джура рассматривал. Это был перерезанный пополам кубок.

— Значит, басмачи делили золото. Они поспорятся! — закричал Джура.

Семнадцатая глава

Утром шел снег. Джура и Кучак не могли отыскать следов, которые показали бы им, в каком направлении ушли басмачи, и вернулись в пещеру.

Кучак сделал из жира и травы мазь и смазал раны себе и Джуре.

Джура целый день выслеживал басмачей. Он нашел труп Старшего и, поставив ногу на грудь убитого, поклонялся:

— Пусть я умру, если не напьюсь вашей крови...

Расчистив снег и внимательно осмотрев следы возле трупа, Джура понял, что басмач, убивший Старшего, пошел к верховьям Саукся. Он, очевидно, хотел перевалить в Кашгарию через Караджилгу.

Вечером Джура и Кучак сидели у костра в пещере. Кучак собирался рассказать Джуре сказку, чтобы рассеять его печальные мысли.

Неожиданно вскочил и грозно зарычал Таке. В пещеру вбежал младший брат Джуры.

— Ай, ай, Джура, не бей меня за то, что я принес плохие вести! Тагай был в кишлаке. Он увез Зейнеб в Кашгар и всем сказал, что она не будет твоей женой. Он сказал, что ты умер, а Зейнеб показывала золотые браслеты и говорила, что их у тебя много. Потом Тагай ранил аксакала и хотел зарезать меня, но я убежал.

Выпалив все это, мальчик присел на корточки и, раскрыв халат, начал греть тело у костра.

Джура не сказал ни слова. Сжав губы, он смотрел в костер.

Долго сидел и думал Джура.

Кучак молчал. А мальчик пошел к стене, снял кусок мяса и, поджарив его на углях, стал есть.

Поздно ночью Джура сказал Кучаку:

— Тагай отнял у меня Зейнеб, и я зарежу его. Я пойду в верховья Саукся по следам басмачей. Я их поймаю и буду резать, выпуская каплю за каплей их кровь. Ты, Кучак, иди с мальчиком в кишлак. А я вернусь только тогда, когда выполню свою клятву!

Но Кучак умолял Джуру остаться.

Кучак усмехнулся:

— Возьми браслеты для Зейнеб, — и ехидно подал Джуре золотые обручи, но тот с гневом швырнул их в угол.

— Не ходи в верховья Саукся, арвахи накажут тебя, гордец! Они убьют тебя! — плакал Кучак.

— Нет, не убьют! Я принесу арваху и аллаху в жертву белого киика и отдам золото. И пусть я буду синим ослом, если я не перережу всех басмачей! — добавил гордо Джура.

Он завернулся с головой в шкуры, лег спать, но долго не мог уснуть.

Кучак тоже не спал.

Широко открыв глаза, он вглядывался в темноту, а сам думал о золоте:

«Золото пропало. Его похитили. А то немного, что осталось, Джура хочет отдать в жертву богу. Может быть, Кучаку лучше взять это золото и остаться здесь? Но ведь зимой Кучака одного съедят волки. А если уйти с золотом в кишлак, — отберет все аксакал».

«Может быть, уйти в Кашгарию?» Кучак много слышал о Кашгарию от аксакала и от приезжавшего китайского купца.

И в эту же ночь, забрав золото и несколько кусков вяленого мяса, Кучак тихо вышел из пещеры. Он хотел взять карамультук, но рассудил, что тогда Джура обязательно погонится за ним и убьет. Таке заворчал, когда Кучак выходил из пещеры, но он бросил ему кусок вяленого мяса.

Шел снег.

Джура встал поздно утром. Он спросил у брата, где Кучак. Но тот не знал.

Джура испуганно взглянул на стену — карамультук висел на месте.

«Что же, — подумал Джура, — у всякого пальца к себе пригнуты, как говорил аксакал». И громко сказал брату:

— Иди в кишлак!

Отправляясь в дорогу, Джура взял с собой карамультук, порох, пули, несколько кусков вяленого мяса, шкуру барса и огниво.

Он хорошо помнил поговорку: «Променявший огниво на лошадь — дурак». И пошел, взяв с собой Таке. Вокруг высились неприступные скалы. Но не было такого пути, где не мог бы пройти Джура.

Незаметно он дошел до вершины Кайнды. Это была та граница на востоке, дальше которой аксакал ходить не позволял.

Глубоко внизу извивался грозный Сауксай. Ветер выл на вершине. Непуганые кишки паслись невдалеке. Над огромными снежными вершинами ослепительно сверкало солнце, а внизу ползли разорванные ключья туч.

У самого Сауксая, внизу, под горами, Джура увидел впереди себя две маленькие точки: это были люди. Они тоже шли на восток.

«Басмачи!» — подумал Джура.

Надо было спешить, но Джура хотел принести жертву.

С трудом сдерживая рвущегося с цепочки Тэке, Джура подкрался к стаду козлов.

Кишки подпустили его очень близко. Выбрав огромного седого, почти белого козла, Джура выстрелом ранил его в ногу. Стадо разбежалось.

Через полчаса Джура раздувал костер.

На снежной вершине, обдуваемой со всех сторон горным ветром, принес Джура в жертву богу арвахов благородного белого козла.

— О арвах! — сказал Джура. — Для тебя приношу лунорогого, раздельнокопытного, с запахом мускуса, с белыми зубами и рогами, что, закручиваясь вверх, спускаются ниже спины... И еще, о арвах, я принесу тебе в жертву то золото, которое пока осталось в трещине у Чортова гроба!

Джура клялся отомстить басмачам и лизал ногти на руках, глядя воспаленными глазами на небо...

Он твердо верил, что теперь бог ему поможет.

Джура клялся, что всякий басмач — ему враг и он их всех уничтожит. Он отомстит им за аксакала, и за себя, и за Зейнеб.

Тэке, которого Джура привязал на цепь, зевал, скучал и жадно смотрел на пасшиеся вдали стада кииков.

Кончив обряд, Джура перепоясался, отвязал Тэке и быстро пошел на восток.

И днем и ночью шел Джура с Тэке. Звезды указывали ему путь, когда облака застилали подножия гор.

Джура прошел уже сорок гор, покрытых точильным камнем. Щеки его обросли, глаза Тэке налились кровью.

Однажды Джура опять заметил далеко внизу под горами две еле заметные точки. Джура выстрелил, хотя и знал, что пуля до них не долетит. От выстрела сорвались огромные пласты снега и льда и грозной лавиной свалились вниз на людей. Горы задрожали, и все небо заволочло тучей мелкого снега.

А когда снежная пыль рассеялась, Джура увидел, что обвал прошел стороной и враги остались живы.

— Арвах! — закричал Джура. — Я принес тебе в жертву много мяса, почему же ты не помогаешь мне? Почему ты не убил их лавиной?

Но кругом все было безмолвно. Со всех сторон сверкали ледники, и воздух был тягуч и прозрачен.

Басмачи, испуганные обвалом, часто оглядывались назад, но они и мысли не допускали, что нужно было смотреть не вниз, а вверх, на крутые, обрывистые горы, где карабкались Джура и Тэке.

Они оглядывались назад и не видели ничего опасного, а высоко над ними, на самом краю пропасти, стоял Джура и проклинал арваху.

Восемнадцатая глава

Джура никогда еще не поднимался так высоко. Никогда в такую высь не забирался и Тэке. Идти было очень тяжело.

Горная цепь, по которой он шел, завернула круто влево, к большому горному потоку. Джура встревожился. Он удивленно оглядывался, чтобы найти Сауксай, но кругом громоздились одни горы, и Джура пошел по берегу потока вниз.

Вскоре он подошел к тому месту, где скала обрывалась стеной и с нее низвергался водопад.

Джура посмотрел вниз, направо, налево и, наконец, понял, что он стоит на берегу Сауксая. Теперь он очутился впереди басмачей. Он спрятался за камень и в этой засаде решил поджидать басмачей. Они подымались вверх по течению Сауксая и должны были выбраться к его истокам: другого пути не было.

Джура торжествуя улыбнулся и, опустившись на колени у реки, напился чистой холодной воды.

Исток Сауксая подымался к огромной горе, на вершине которой висел ледник.

Весь день пролежал Джура у камня, поджидая басмачей.

Но их нигде не было видно. А Джура был так уверен, что они не могли пойти по другому пути, что подждал их с карамультуком в руках, держа огниво наготове.

Вечером он забился под камень и проспал до самого утра. Потом опять весь день ждал басмачей. Голодный, он жевал куски кожи, которые отрезал от своих же ичигов. Басмачи не показывались. Джура начал беспокоиться: уж не погибли ли они внизу от голода?

На третий день Джура проснулся еще затемно. Он лежал, обессиленный и истощенный, а утренний мороз не давал ему спать. Посиневшими от холода руками он запахнул рваный халат и, ежась от холода, с трудом поднялся.

«Надо идти им навстречу»,—решил Джура и пошел к обрыву, чтобы найти удобное для спуска место.

Снизу донесся звук отдаленного выстрела.

Тэке вскочил, и хотя казалось, что выстрел раздался внизу, Тэке напряженно смотрел на восток, туда, где были истоки Сауксая.

Джура удивился, но поверил Тэке: он знал способность собак точно и безошибочно определять направление звука.

Но снизу совершенно ясно раздался второй выстрел. Джура колебался: уж не ошибся ли Тэке; но все же, сжимая в руках карамультук, опять пошел в горы.

Он часто и подолгу отдыхал. Изголодавшийся и похудевший, Джура сильно ослаб, но злора и упрямство поддерживали его.

Облизанные ветром и водами скалы, по которым скользили ноги, измучили его; холодная, ледниковая вода, которую приходилось переходить несколько раз, сбивала его с ног; черные ледниковые щели, откуда несло холодом и смертью, подстерегали его. Наступал вечер. Джура и Тэке спрятались на ночь под скалой.

Еще несколько дней назад Джура бросил легкую шкуру барса: ему казалось, что она весила пуды.

Измученный Тэке сейчас же лег и заснул. Во сне он стонал и взвизгивал.

Рано утром, когда клубился еще туман и от утренней сырости у Джуры стучали зубы, издали из туманной мглы донесся страшный волчий вой.

Джура обрадовался волкам. Если тут воют волки,—значит водятся и киики. Вз-

шло солнце и разогнало туман. Джура и Тэке долго грелись на солнце.

Как пристально ни вглядывался Джура в окрестности, но басмачей не увидел.

Прикрываясь за прибрежными камнями Сауксая, Джура осторожно полез вверх. Тэке уныло плелся позади него. Воздух нагревался и уже струился над камнями. Все выше подымался Джура, и все ближе становился пик с висаящим на нем ледником.

Так он шел, прячась за камнями. Вдруг Тэке остановился, и шерсть на его загривке стала дыбом.

Джура внимательно всмотрелся и увидел невдалеке, за камнями, на берегу Сауксая, еле заметный дымок.

Джура зажег фитиль на карамультуке и пополз вперед. Рядом с ним полз Тэке.

Долго ползли они, и когда, наконец, Джура придонялся из-за камня, чтобы взять на мушку басмача, он увидел догоревший костер, золу и разбросанные обеды пищи.

Джура побежал вперед и жадно схватил из углей кусок обгорелого мяса. Тэке набросился на валяющуюся в стороне голову архара. Здесь, очевидно, ночевали басмачи. Теперь Джура понял, что слышанные им выстрелы были направлены в архара. Недалеко от этого места, слева, шла глубокая щель; по этой щели и поднялись басмачи от подножья водопада.

Подкрепившись, Джура решил догнать басмачей. Они не могли уйти далеко.

В полдень Тэке стало очень жарко. Обливаясь потом, Джура лез с камня на камень. Он не замечал, что ноги его были в крови. Кожаные штаны на коленях прорвались.

Скоро Джура особым чутьем охотника почувствовал, что с минуты на минуту он должен догнать басмачей.

Солнце грело все жарче. Пот, просачиваясь сквозь брови, щипал глаза, и Джура все время тер их пальцами.

Джура удивлялся жару. Он не подозревал, что на такой большой высоте осенью может быть очень жарко. Он не знал, что уже совсем недалеко отсюда находится пустыня смерчей—знаменитая Маркан-су, где тысячи верблюжьих, конских, ослиных и человеческих черепов покрывают старинный караванный путь из далекой Ферганской долины в Кашгарию.

В первые дни пути Джура каждый день ожидал чуда: он думал, что вот-вот он увидит те чудеса, которые арвах открыл асакалу. Но постепенно он перестал ждать и, наконец, решил, что бог гор не

хочет ему показать того, о чем говорил аксакал. Потом Джура увлекся преследованием басмачей и почти забыл о своем горячем желании увидеть волшебные миры.

Девятнадцатая глава

Между тем басмачи, Безносый и Чирь, плотно позавтракав, карабкались по горам. Они хотели перевалить в Маркан-су и пройти оттуда в Кашгарию. В Маркан-су можно подождать караван, ограбить его, отбить лошадей и ускакать в Кашгарию. Так они делали не раз.

Безносый шел и думал, что как только он перевалит Маркан-су, он пристрелит Чиря, а его золото заберет себе.

Но пока Чирь был еще нужен. Безносый не знал дороги по Сауксаю, и не будь Чиря, не выбраться бы ему из этих теснин. Через два дня они надеялись достигнуть Маркан-су.

Басмачи вышли на широкое плато. Воздух все сильнее дрожал над землей, изменяя очертания окружающих скал.

— Море! — крикнул неожиданно Чирь, показывая на огромную колеблющуюся синюю поверхность.

— Неужели это Кара-куль? — удивился Безносый.

— Кара-куль, Кара-куль! — радостно закричал Чирь и, показывая пальцем, возбужденно сказал:

— Смотри, вон караван из Маркан-су подходит к озеру.

И они остановились пораженные. Чирь бросился на колени: он молился аллаху.

Около озера шел большой караван верблюдов.

Верблюды мерно покачивались, и пыль взлетала из-под их ног.

— Алла, алла! — бормотал Безносый, поднимая вверх руки.

В ту же секунду откуда-то сзади грянул выстрел, и стоявший на коленях Чирь свалился на бок.

Безносый оглянулся. Прямо на него из-за камней мчался огромный черный пёс. Безносый растерялся, он искал караван, но караван исчез, исчезло и озеро, и только воздух, как расплавленное стекло, струился над землей, и далекие скалы, как в кривом зеркале, меняли свои очертания.

Безносый растерялся и, спасаясь от собаки, побежал.

— Киш, киш, Тэке! — доносился издали голос Джуры, науськивающий собаку.

«Да и разве здесь, среди диких гор, могли летать люди на стальных птицах, о которых пелось в старинных песнях?» — с огорчением думал Джура.

Мчавшийся Тэке остановился. Он увидел караван, а впереди двух больших собак, которые бежали рысцой впереди каравана. Тэке взерошил шерсть, оскалился. Но скоро он успокоился и в недоумении оглянулся: собаки уже исчезли. Джура, стоя за камнем, у края плато, быстро заряжал карамультук. Время от времени он поглядывал на убежавшего басмача и был поражен странным поведением Тэке. «Взбесился он, что ли?» — удивился Джура. Тэке подбежал к лежащему на земле басмачу и, ворча, понюхал его. Тот был мертв. Около него валялась его винтовка.

Джура дрожащими руками схватил валявшуюся винтовку и прижал ее к груди.

«Винтовка! Заветная винтовка у него, в его руках! Из-за одной этой винтовки стоило преследовать басмачей. Он думал, что у басмачей простые охотничьи ружья, а у них оказались винтовки!..»

Но где же второй басмач? Джура оглянулся и замер.

Вдали, среди больших волн озера плыла большая кибитка, и из ее трубы шел дым.

Джура задрожал от радости. Наконец-то, он увидел чудо-джаду — чародейство, о котором говорил аксакал. Молитвенно проведя руки по лицу сверху вниз, Джура опустился на корточки и смотрел вперед, потрясенный священным ужасом.

Море исчезло. Воздух струился над землей, и в этом дрожащем воздухе вдруг показались очертания мечетей, засверкали бирюзовой росписью колонны и портики, и многолюдный восточный базар появился перед изумленными Джурой и Тэке. Шли верблюды, ишаки, люди.

Но исчез и базар.

И вот — уже новое джаду: по знойной пустыне ползет какое-то невиданное чудовище. Оно длинное, железное, и из его головы идет дым.

Как замороженный, смотрел Джура на эти чудеса. А в воздухе прямо на него быстро неслись три ковра-самолета, три железные птицы с распростертыми крыльями.

Так вот оно — джаду!.. Вот о чем говорил аксакал.

Но ведь таджики говорили, что это не



Джура задрожал от радости: наконец-то он увидел чудо-джаду, чародейство, о котором говорил аксакал.

сказка, что существует такая страна, где летают ковры-самолеты. Джура очень захотел увидеть эту страну. Тэке прыгал возле него и лаял на исчезнувших базарных собак, на новые, неведомые ему вещи. Тэке чувствовал волнение хозяина, и оно передавалось ему.

А Джура, прижав винтовку к груди, все еще смотрел на марево.

Сильный удар в бок опрокинул Джуру на землю.

— Джаду! — прошептал он и потерял сознание.

А Безносый, который успел спрятаться за камнями на другом конце плато, закла-

дывал в винтовку второй патрон. Он хотел еще раз выстрелить в Джуру, но увидел, что прямо на него мчится черный пес. Безносый прицелился в пса и промахнулся. Снова прицелился — и снова пуля пролетела мимо. Заметив устремленное на него ружье, Тэке прыгал из стороны в сторону, а Безносый трясущимися руками наводил на него винтовку и никак не мог попасть в собаку.

— Заговоренный! — испуганно прошептал басмач, карабкаясь на скалу. Усталый Тэке, спрятавшись за камнями, яростно лаял, подзывая Джуру.

Но ползли уже вечерние тени, а Джура все еще неподвижно лежал на камнях.

Двадцатая глава

Джура очнулся. Он лежал в луже крови.

Хотел приподняться, но снова со стоном повалился на землю. Тэке суетился возле него и языком слизывал кровь.

— Умру! — прошептал Джура. Истощенный погоней и обессиленный потерей крови, он лежал почти без движения. Тэке прыгал вокруг него, скулил, тянул за халат, но Джура только стонал.

Синие тени наполнили долину. Джура медленно повернул тяжелую голову к горе. На вершине засверкал ледник. Из-за горы подымалась луна.

Вспомнив дневные виденья, Джура подумал, что это был сон. Но, протянув руку, он нащупал винтовку. Тэке лизнул его пальцы и опять заскулил.

Теперь, когда казалось, что Джура достиг своей мечты, когда бог гор показал ему чудеса, когда он убил уже врага, Джура очень не хотелось умирать! За что он наказан? Может быть, за то, что ел мясо орла, и кеср орла покарал его за это. Но почему же теперь? Он клянется, что никогда в жизни не будет больше есть мясо орлов и даже никогда не будет убивать орла. Джура клялся всеми клятвами. Только ногти на пальцах рук не мог он лизать, потому что от слабости не мог поднять руку.

— Арвах! — шептал Джура запекшимися губами, и гневом сверкали его потухшие глаза. — Арвах и аллах, я принес вам лучшего белого киика и ни одного куска не взял себе, но вы не помогли мне! Лунорогого я принес вам — и вы обманули меня. Для того ли вы показывали мне чудеса, чтобы враг мог убить меня? О арвах, ты поступил как вор. Ты взял жертву и дал мне смерть. Я просил тебя, чтобы ты по-

мог мне уничтожить всех моих кровных врагов. Басмачи жгли мое тело, и я поклялся, что намасью их крови. А ты обманул меня, и я не верю тебе, арвах!..

Глаза Джуры налились кровью.

Он шептал, и воспаленный взгляд его широко раскрытых глаз был устремлен в небо. Боль от раны мучила Джуру.

— Я плюю на тебя, убей меня, арвах! — шептал Джура.

Но арвах не показывался. Только опечаленный Тэке, чуя беду, повизгивал, понуро сидя возле Джуры.

Джура нарочно оскорблял арваха. Он обманул Джуру, и Джура не мог ему этого простить. Впрочем, проклиная арваха, Джура все еще боялся, что арвах его накажет. Но ничего не случилось.

Безмолвно стояли горы, луна смотрела в глаза Джуры, и Джура уже не мог оторвать от нее взгляда, хотя и боялся, чтобы лунная баба не пересчитала его ресницы.

— Лунная баба, смотри на меня и считай ресницы, я не боюсь глядеть на тебя, — и он широко раскрытыми глазами смело смотрел на луну.

Тэке сел и, подняв свою большую, похожую на медвежью голову, завыл на луну. «Вот и Тэке чувствует, что я умру», — подумал Джура, впадая в забытье.

Далеко разносился вокруг тоскливый вой. Это выл Тэке.

Прошло несколько часов. Джура очнулся от свирепого лая Тэке. Возле Джуры стояли люди. Они говорили на незнакомом ему языке.

Кто-то поднял Джуру. «Не отомстил я басмачам, плохо мне будет на том свете!» — подумал Джура и опять потерял сознание.

(Продолжение следует)

Лучшие гимнасты



Гимнастика — это основа спорта.

Вот что говорит о гимнастике юная чемпионка Клава Неридина из Куйбышева:

«Благодаря гимнастике я стала чемпионом города по бегу на коньках на 100 и 400 метров среди школьников, неплохо играю в теннис, бегаю, метая диск, прыгаю, плаваю. Я всесторонняя спортсменка, но больше всего и крепче всего люблю гимнастику как основу физического развития человека».

В марте в Москву приехали 400 ребят из 23 городов на два всесоюзных соревнования юных гимнастов.

Соревнование шло по двум группам. В первой группе (команды 9 сильнейших городов) командное первенство выиграла Москва. Личное первенство: у мальчиков — Боря Кабаков (Ленинград), у девочек — Женя Абрамович (Запорожье). Во второй группе командное первенство завоевала Московская область, личное: у мальчиков — Володя Голованов (Воронеж), у девочек — Валя Лаптева (гор. Иваново). Это лучшие гимнасты страны в 1937 году.

Батальон физкультурников

Один из самых отважных батальонов испанской республиканской армии — это батальон физкультурников. Он сражается на мадридском фронте.

Среди бойцов — не только рядовые физкультурники, но и много чемпионов Испании. Командир батальона — известный судья по футболу Валентин Браво. Вот что он рассказывает о подвигах своих бойцов.

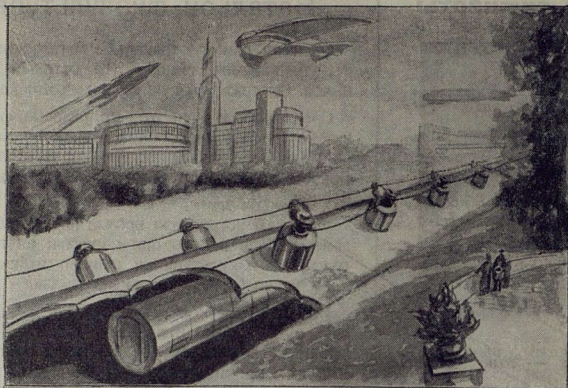
Фашисты установили против позиции батальона пулеметы. День и ночь они поливали окопы свинцовым дождем. Физкультурники решили избавиться от такого удовольствия. Командир вызвал добровольцев.

Известный легкоатлет Хозе Луис подвесил к поясу семь ручных бомб и пополз к окопам фашистов. Через несколько минут у фашистских окопов раздался взрывы и крики: меткая рука Луиса заставила замолчать фашистские пулеметы. Метание диска выработало у Луиса замечательную меткость.

Другой боец физкультурного батальона — известный футболист Мануэль Морено — погиб во время атаки, когда он забрасывал фашистские окопы бомбами: фашистская пуля пронзила его сердце.



Бойцы батальона физкультурников.



ДОРОГИ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Ю. Петровский

Римский гонец, спешивший из Парфянского царства ко дворцу цезаря Августа в Рим, двигался с такой же скоростью, с какой ехал Наполеон, бросивший в России свою разбитую армию и торопившийся в Париж. За две тысячи лет люди не научились ездить быстрее. Самым быстрым средством передвижения как была, так и осталась лошадь.

Но прошло еще 100 лет с небольшим, и сейчас мы ездим на поездах, мотоциклах, автомобилях; плаваем на пароходах и глйсерах; летаем на самолетах. Фельд'егерь, загоняя лошадей, проезжал в сутки верст 200. А самолеты в наше время показали уже рекордную скорость — 700 с лишним километров в час.

Если бы ученые, инженеры, рабочие, военные люди не могли быстро передвигаться и быстро перевозить припасы, материалы и машины, нельзя было бы построить и пустить в ход современные

огромные заводы, наладить добычу руд и угля в далекой тайге, вовремя перебросить армию к границе, которой угрожает враг.

Можно сказать, что развитие всех областей нынешней техники связано с развитием транспорта.

Раньше дорога отнимала у людей, которым приходилось ездить много и далеко, целые годы жизни. Да и сейчас человеку, спешащему на работу из Москвы во Владивосток, приходится бесполезно проводить 10 суток в вагоне.

А ведь ездят по делам миллионы людей. Сколько же миллионов рабочих часов теряется зря! Сколько дела можно было бы переделать за это время!

Вот почему строители паровозов, автомобилей, пароходов и самолетов все время стремятся увеличить их скорость.

Сотни изобретателей придумывают про-

екты сверхскоростного транспорта будущего.

Помните, в № 1 «Пионера» за этот год уже было рассказано о «сверххурьерском» поезде.

Сейчас вы прочтете еще о двух очень смелых проектах. Когда они будут осуществлены? Когда удастся преодолеть огромные технические трудности, чтобы пустить по трубе, из которой выкачан воздух, летающие вагоны электромагнитной дороги

или заставить поезда мчаться по одному рельсу?

В заголовке этой статьи написано: через 100 лет. Но техника идет вперед семимильными шагами. Кто поручится, что это не будет через пятьдесят или даже двадцать пять лет?

Ведь 25 лет назад передача изображений на расстоянии казалась фантазией, а сейчас телевизоры изготавливаются на заводах сотнями тысяч штук!

Электромагнитная дорога

Трубы, которые когда-нибудь проложат между Москвой и Ленинградом, между Харьковом и Владивостоком, между Нью-Йорком, Сан-Франциско и другими городами, будут больше всего похожи на туннели метро. Но то, что будет двигаться по этим трубам, никак не сравнишь с поездом метро. Для этого странного, несущегося с колоссальной скоростью предмета на нашем языке пока нет слова. Вагон? Но какой же это вагон без колес, без полозьев, даже без крыльев, хотя он летит по воздуху, не касаясь ни стен, ни пола, ни потолка туннеля!

По воздуху? Но ведь и воздуха нет в этой странной трубе.

Длинный железный цилиндр пронесется в пустоте, в безвоздушном пространстве, словно им выстрелили из пушки, стоящей в конце трубы!

И все-таки этот цилиндр — в самом деле вагон, вагон электромагнитной дороги.

В верхней части трубы, на небольшом расстоянии друг от друга, устроены мощные электромагниты. Когда в них пускают ток, они притягивают железный вагон и поднимают его. Ток, пущенный в магниты, рассчитан точно: вагон не ударяется о потолок, а свободно повисает в пустом пространстве в середине трубы.

Представьте себе, что ток сначала идет только в те магниты, которые находятся прямо над вагоном. Вагон приподымается и повисает в пустом пространстве между полом и потолком трубы. Теперь заработали еще несколько магнитов, находящихся впереди вагона. И вот он движется вперед. И по мере того, как он движется, все электромагниты, оставшиеся сзади, вы-

ключаются и включаются новые, спереди. И вот наш вагон понесся! Он летит вперед вдоль трубы, не касаясь ее стенок.

Из трубы выкачан воздух. Значит, нет и трения, самого страшного врага увеличения скорости. Ничто не помешает инженерам будущего довести скорость электромагнитной дороги до тысячи, а то и больше километров в час. Переезд из Москвы в Ленинград отнимет столько же времени, сколько отнимает сейчас обычная трамвайная поездка.

Как только вагон разгонится, магниты впереди него больше не надо будет включать: и без них он будет двигаться по инерции так же быстро, ведь ничто не мешает ему, ничто не уменьшает его скорости. Магнитам достаточно лишь поддерживать вагон на весу и не давать ему упасть. Наоборот, вагон даже придется тормозить, включая задние магниты, когда он начнет приближаться к станции.

Разумеется, для такого полета в безвоздушном пространстве и вагоны надо устроить по-особому. Без окон, с плотно, герметически закрывающимися дверями. Внутри баллоны с жидким кислородом для дыхания и приборы для очистки воздуха: такие же, как в подводных лодках и стратостатах.

Как видите, эта дорога несколько напоминает электромагнитную пушку, описанную в одном из предыдущих номеров «Пионера». Но еще больше похожа она на электромагнитную почту, работающую в некоторых больших учреждениях и заводах. Только там под действием электромагнитов летят по трубкам небольшие железные патроны со вложенными в них бумагами и вещами, а воздух из труб не вы-

качан: ведь почта действует на небольших расстояниях, и огромные скорости ей не нужны.

Эти маленькие модели доказывают, что

и электромагнитную дорогу когда-нибудь удастся построить. Не даром десятки ученых и изобретателей разрабатывают ее проекты.

Поезд-велосипед

На больших магистралях давно уже нельзя обойтись одним железнодорожным путем. Строят второй и третий. На некоторых участках под Москвой и между некоторыми американскими городами проложено даже по 6 и чуть ли не по 8 путей!

Это, конечно, неудобно и стоит много денег: дорога занимает много места, приходится насыщать новые насыпи, строить новые мосты, пробивать новые туннели.

Чтобы избавиться от постройки новых путей, один американский изобретатель предложил страннный, на первый взгляд, способ: заставить поезда ходить по одному рельсу!

Тогда по каждому пути пойдут сразу два поезда в разных направлениях.

Но как же сделать так, чтобы поезд пошел по одному рельсу и не упал?

Конечно, обыкновенный вагон нельзя поставить на один рельс, и наш изобретатель предлагает делать вагоны так, как рассказано дальше.

Эти вагоны приводятся в движение воздушным винтом совершенно так же, как аэросани или глиссеры. Колеса находятся не по бокам, а по середине вагона. Они отличаются от теперешних тем, что у них не одна, а две закраины. Таким образом, они не могут соскочить с рельса.

Во время быстрого движения вагон держится прямо и не падает так же, как держится и не падает велосипед.

Но этого мало: надо, чтобы вагон никак не мог упасть на бок. Для этого его пропеллер сделан поворотным, а сзади устроен самолетный руль. Как только вагон наклонится немного, сейчас же пропеллер и руль повернутся и выпрямят вагон.

Но какой же машинист уследит за всеми колебаниями вагона и сумеет вовремя и точно поворачивать винт и руль?

Механический машинист — автомат. Он устроен очень просто. Главная часть его — тяжелый маятник. Пока вагон стоит прямо, маятник неподвижен, но как только вагон начнет наклоняться, маятник сейчас же качнется и откроет кран от баллона со сжатым воздухом. Воздух войдет в особый цилиндр, нажмет на поршень, а поршень повернет сразу и винт и руль и повернет как раз настолько, чтобы вагон снова стал прямо!

А чтобы вагон не падал и на остановках, по бокам устроены добавочные колеса. Они опускаются на землю только тогда, когда вагон останавливается.

Такие вагоны неудобно сцеплять в поезд, зато их можно пускать очень часто один за другим.

Чтобы пускать их по железной дороге, не надо перестраивать пути: все остается попрежнему. Поэтому на одной и той же дороге могут одновременно ходить и обычные поезда и дворельсовые вагоны.



„Подвиг“

Рассказ Юры Папкова

Москва, М. Козихинский пер., д. 10, кв. 2

Рисунки Глеба Баскакова (Москва)

Сквозь сон я почувствовал, как кто-то осторожно, но настойчиво толкает меня в бок. Я открыл глаза и увидел своего маленького брата Вадика.

— А Витя скоро приедет... — говорил Вадик.

Я сразу вспомнил, что сегодня приезжает Витя, быстро оделся, позавтракал и побежал встречать его. Было еще очень рано. Что-то просвистело надо мной. Я увидел огромного ястреба, летевшего над самой землей. Перед хищником отчаянно бежала рыжая кошка. Миг — и ястреб настиг бы ее, но она, вдруг, сделав прыжок в сторону, исчезла в густой крапиве. Ястреб не улетал, он кружил, то поднимаясь, то снижаясь над крапивой. Потом ястреб взвился вверх и, широко раскинув крылья, улетел в сторону леса.

Небо было синее, и мне захотелось пройтись по лесу. Солнышко стояло еще низко, земля только начала согреваться. Я перешел по бревну через маленький ручеек, пересекавший дорогу, и вышел к лесу. На краю дороги я увидел муравейник. От него в разные стороны, между травинок, пролегли гладкие как шоссе извилистые муравьиные дорожки.

Я наклонился и увидел, как три муравья медленно тащили огромного бурого шмеля. Он был жив и старался вырваться из вив-

шихся в его тело челюстей. Раз ему удалось слегка приподняться над землей и поднять на воздух двух муравьев. Третий отчаянно упирался в землю, не выпуская добычи. Шмель гудел и неуклюже ворочал свое шарообразное тело. Вдруг он оторвал-



Поселок «Ущер».

ся от земли и тяжело полетел в сторону, унося на себе трех муравьев. В это время меня кто-то окликнул. Я увидел Виктора.

— Виктор! Вот здорово-то!.. Как ты попал сюда так рано?

— Да видишь ли, я приехал еще вчера, день пробыл в городе, а сегодня с зарей

вышел к вам. Ну, а как ты живешь? Стихи пишешь?

— Пишу. Ну да что же мы с тобой стоим? Идем скорей домой. Ты, небось, устал.

— Да нет, обо мне не беспокойся. Я никогда не устаю, — сказал Витя.

Мы пошли лесом, весело разговаривая. Виктор не умолкал:

— Ты просил привезти Гарьке «Пионерку». Привез за все лето—он будет доволен. А лерина птичка, наверно, улетела?.. Странное название у вашего поселка — «Ущер»,—говорил Витя.—А велик ли он?

— Да нет, четыре дома всего да церковь, вон, видишь, колокольня белеет? — показал я на видневшуюся колокольню.

— А что-нибудь живое есть в вашем лесу? — спросил он.

В это время мне на глаза попался уж. Я тронул его ногой и сказал:

— Да вот видишь: уж!..

Уж злобно зашипел и поднял плоскую черную головку. Я вовремя отдернул ногу: это был не уж, а гадюка. Мы растерянно смотрели на уползавшую змею, потом схватили палки и хотели убить ее, но она уже скрылась под корягой.

Мы подошли к церкви. Виктор поднял голову:

— Ишь ты, какая древняя, на крыше деревьев растут! А дверь заперта, внутрь нельзя залезть?

— Заперта, но там, в башенке, дыра в подвал есть, а через него и в церковь пробраться можно. Она нето корытом, нето гробом загорожена. Мы с Гарькой лазали. Ух, и страшный же этот подвал: сырой, мрачный!

— Романтическое место! И кладбище древнее: все заросло белыми цветами, и могилы нагромождены друг на друга курганами, — сказал Виктор.

— Ну идем. Чего смотреть? Днем здесь неприятно...

— Так ты, может быть, предпочитаешь здесь гулять ночью? — усмехнулся Виктор.

— А почему бы и нет?

— Ночью-то ты сюда и близко не пойдешь...

— Ну это еще как сказать!.. — возразил я.

— Ладно, не будем спорить, лучше рас-



Шмель приподнялся над землей...

скажи, как живешь, с кем проводишь время? У вас тут и народу-то нет, небось?

— Ребят тут мало, но я и не жалею об этом. Есть тут две подруги — Юля и Люся. Они никогда не расстаются. Люся постарше, а Юля — совсем еще девчонка, но она мне очень нравится.

— Говори уж прямо: по уши! — засмеялся Витя.

В это время мы приблизились к дому и навстречу нам выскочила целая орава моих братьев. Они окружили Виктора и начали плясать вокруг него и кричать: «Витя приехал! Витя приехал!»

Вечером я познакомил Виктора с Люсей и Юлей. Девочки были очень рады его приезду. Витя рассказывал смешные истории, все смеялись, а я, как назло, ничего интересного вспомнить не мог. Я боялся, что Виктор понравится Юле. К концу вечера у меня совсем испортилось настроение и я, не позвав Виктора, пошел спать на сеновал. Среди ночи Виктор разбудил меня. Когда он стал рассказывать о Москве, я позабыл свою вражду к нему.

Проснулся я поздно. Витьки уже не было. Я спустился в овраг к ручью. Росший по склонам оврага орешник заслонял меня от

солнца. Я лег в тени на траву и сладко потянулся. Вблизи слышались голоса. Подняв голову, я увидел Виктора и девочку. Они остановились в двух шагах от меня и оживленно беседовали.

— Нет, это вы зря говорите, что здесь скучно, — говорил Виктор. — Разве можно скучать, когда кругом все цветет и призывает к жизни?

Виктор говорил так торжественно, что я не выдержал и засмеялся. Все обернулись. Виктор напал на меня:

— Чего ты смеешься? Ты не любишь веселых солнечных дней. Ты ночью ходишь на луну любоваться.

— По-моему, ночью страшно гулять, — неожиданно сказала Юля. — Зачем ты ходишь?

— Да, знаешь, Юля, я и сам не знаю... Просто нравится... Я смотрю на звезды... Сочиняю стихи...

Виктор рассмеялся.

— Пишет стихи! Все вы такие: луна, звезды... Подумаешь, какое дело! Ходит вокруг дома, а к кладбищу-то и подойти, наверно, побоится! Для этого храбрость нужна — это не стихи писать. А откуда же у поэтов храбрость?

Я разозлился:

— Ты этого не знаешь, а говоришь! Я докажу, я, если хочешь, сегодня же в полночь пойду на кладбище!

— Один?

— Один! — резко ответил я и взглянул на Юлю.

В ее широко раскрытых глазах я увидел удивление. Это еще более раззадорило меня.

— Я обойду всю церковь, заберу на колокольню и повозно в колокол!

— Ладно, посмотрим. Ночью мы с тобой придем в овраг, я останусь здесь, а ты пройдешь в церковь. Только, по-моему, тебе слабо, ты побоишься! — и Виктор скривил губы.

— Держи свое мнение при себе, — сказал я и подумал.

«Я докажу ей, на что я способен!»

Около часу ночи мы с Виктором вылезли через окно и спустились в овраг. Ночь была холодная. Я плотнее завернулся в плащ и поднял капюшон. При свете луны ручей казался черной блестящей лентой.

Из мрака доносился резкий крик ночной птицы.

— Ну, Юрка, иди. Я буду ждать тебя здесь! — сказал Виктор.

В лесу я вдруг остро ощутил свое одиночество и остановился. Не вернуться ли? Но вспомнил Юлю и бодро зашагал дальше. Вот я миновал поваленное бурей дерево, спустился немного под горку, снова поднялся и, свернув влево, очутился перед разрушенными воротами кладбища. Вокруг стояла полнейшая тишина. Я пробирался между могилами к церкви. Меня пугали кресты, окутанные мраком. Луна в это время зашла за тучи, и стало совсем темно.



Мы вылезли через окно.

Когда она снова появилась, я подошел к пролому, который вел в подвал церкви, и попробовал вытащить заслонявшую его крышку гроба. Ящик так плотно сидел в дыре, как будто кто-то удерживал его изнутри. Тогда я взялся за нижние углы гроба и решительно потянул к себе. Ящик с грохотом упал вниз и застучал о каменные плиты пола. В лицо мне пахнуло затхлым воздухом. Я достал из кармана спички и хотел осветить подвал. Руки мои дрожали, и коробка упала. Пришлось обойтись без света. Еще раз оглянувшись по сторонам, я оперся руками о нижний край про-

лома и прыгнул в темноту... Сердце неприятно замерло, но тут же я почувствовал под ногами жесткий, каменный пол. Меня окружал совершенный мрак. Я поднес руку к самому лицу, но не увидел ее. Медленно я опустился на колени и ошупью стал искать коробок со спичками. Вдруг мои руки наткнулись на какой-то предмет. Я поднял его, но сейчас же разжал пальцы: это был человеческий череп!.. Он, как гуттаперчевый мячик, стукнулся о пол. Я боязливо оглянулся на окно. Постепенно из мрака вырисовалось светлое пятно окна. Боясь снова наткнуться на череп, я не стал искать спичек, а с вытянутыми вперед руками пошел к противоположной стене. Там, под дырой в потолке подвала, обычно стояла лесенка. Это был путь в башню. Я нашел лесенку, приставленную к стене, и стал подниматься по ней. Вдруг я почувствовал, что лестница медленно ползет из-под моих ног. Я быстро схватился за край пролома над головой, дрыгнул ногами, подтянулся. Лестница упала... Я еще раз подтянулся на руках и очутился наверху. О том, как я буду возвращаться, я даже не подумал. В башне было темно. Я нащупал дверь, запертую на задвижку. Отпер ее и нажал. Дверь со скрипом и визгом медленно приоткрылась. Протискиваясь в образовавшуюся



Я сел на камень.

ся щель, я почувствовал, как чья-то железная рука схватила полу моего плаща. Я рванулся вперед, но не тут-то было: кто-то крепко держал мой плащ. За спиной раздался грохот. Вдруг я сообразил, что мой плащ зацепился за дверь, она захлопнулась и зажала его. Я вытащил свой плащ и пошел дальше. Сердце у меня билось очень сильно.

Я подошел к ветхой деревянной лестнице, которая вела на колокольню.

С колокольни я увидел кладбище, лес и совсем близко дом наш, а там и овраг. У меня поднялось настроение. Оставалось последнее — позвонить. Маленькие колокола висели в пролетах. Все они были подвешены высоко, и я не мог дотянуться до них. Я тронул перила. Они были гнилые и еле держались. Я все-таки стал коленями на перила, правой рукой ухватился за какой-то выступ стены, высвободил левую руку и, поймав обрывок веревки от колокола, осторожно дернул ее...

Луна вышла из-за туч. Я слез с перил. Посреди колокольни находились два огромных бронзовых колокола. Они сильно прогнули непрочные деревянные балки. Во всех углах были прилеплены ласточкины гнезда. Все это до мельчайших подробностей вырисовывалось в призрачном свете луны. Я



Я вытянул руки и пошел вперед.

подошел к люку и хотел уже спускаться, как вдруг услышал скрип отворяемой двери... В ужасе отпрянул я от люка и больно ударился головой о край колокола. Колокол глухо загудел.

«Почему закрипела дверь? — думал я. — Кто ее открыл?»

Я вспомнил, что, проходя через церковь, все двери оставил открытыми и ветер, свободно разгуливающий теперь по зданию, вероятно, закрипел одной из них. Я снова наклонился над люком. Нечаянно мой взгляд упал на собственную тень, и я невольно вздрогнул: капюшон и плащ придавали мне вид монаха. Прошел коридор, алтарь и остановился над провалом. Из подвала тянуло сыростью и затхлостью, пахло гнилым деревом. У меня сильно кружилась голова. Я опустился в провал и, повиснув на руках, стал искать ногами лесенку. Но ее не было... Ведь она упала, когда я поднимался. Пальцы мои разжались... Падения своего я не помню. Наверно, я потерял сознание. Придя в себя, я почувство-

вал боль во всем теле. Кое-как я добрался до окна. Свежий воздух вернул мне силы. Я вылез из подвала на кладбище и опустился на первый попавшийся камень. Я не заметил, как луна потонула в тучах и как пошел дождь. Кругом было мутно от дождя. Плащ промок, и мне стало холодно. Я почувствовал под собой холод камня, поднялся и пошел к оврагу. Виктор стоял спиной ко мне. С его платья ручьями текла вода. Я подошел к нему сзади и громко сказал: — Виктор! Вот и я.

Виктор подпрыгнул от неожиданности, но увидел меня и сказал, стуча зубами:

— Ну, Юра, не ожидал, честное слово, не ожидал! Я думал, ты струсишь! Только ты чего-то уж слишком долго... Ведь чуть не час прошел, как я слышал звон: сначала один, тихий, а потом другой. Тут уж ты зачем-то в большой колокол двинул. Со страху?

Я ничего не ответил. Скользя по размытой дождем глине, мы кое-как выбрались из оврага. Шли молча.



Испытания

Письмо Жени Лютикова

Москва, Истомиянский проезд, д. 3, кв. 25

За весь этот год я ни разу не списывал ни у кого из ребят. Это правда. Я перестал списывать с тех пор, как узнал историю, случившуюся с моим товарищем Костей. Он был большой лентяй, никогда не делал домашних заданий, все ребята это знали, но никогда не выдавали его. Все любили его, потому что он был веселый.

На контрольных работах он никогда ничего не делал сам. За него все делал его сосед, отличник, первый ученик класса. Костя даже у доски так отвечал по подсказкам, что учителя этого не замечали.

Приближались испытания, но Костя не волновался: он знал, что сосед за него все сделает.

В день испытаний вместе с другими ребятами он вошел в класс и сел на свое место. Его соседа еще не было.

«Ничего, придет», — подумал Костя.

Кто-то из ребят хотел сесть около него. — Место занято, занято! — закричал Костя.

Прозвенел звонок. Все ребята были заняты своими задачами. Костя сидел один. Сосед его не пришел. Никогда еще в жизни Костя не испытывал такого неприятного чувства, как в этот раз. Перед ним лежал совершенно чистый листок бумаги. Костя уныло смотрел на задачу. Решить он, конечно, не мог, но ему не хотелось, чтобы учитель это заметил. Когда учитель подходил близко, Костя начинал быстро шевелить губами, пристально смотрел в окно или на стену, а потом, словно что-то вспомнив, писал на бумажке какие-то цифры. Он прислушивался, до звонка не было. А когда прозвенел звонок, лист бумаги так и остался чистым, потому что Костя ничего не решил.

Костю оставили на второй год. Потом Костя узнал, что его сосед был болен и поэтому не пришел на испытания.

Эту историю мне рассказал сам Костя. И я решил тогда, что не буду списывать. Ведь когда списываешь, всегда зависишь от других ребят, а я хочу быть самостоятельным. Но, если кто-нибудь из ребят попросит меня дать списать, я дам. Может быть, это плохо, но я не хочу отказывать товарищам. Если я не дам ему переписать и начну говорить, что будет лучше, если он сделает это сам, он мне просто скажет:

«Тебе жалко!» — и подумает, что я плохой товарищ.

Со мной на одной парте сидит Володя. Мы учимся уже второй год вместе. Как-то вечером он пошел в театр, вернулся поздно и не успел сделать уроков. Конечно, я дал ему списать, и все кончилось благополучно. На другой день он выучил то, что списал у меня. Если бы я не дал ему списать, он получил бы «плохо». По-моему, я был прав, когда дал Володе списать: ведь это просто случай! Другое дело — ребята, которые всегда переписывают. Они как паразиты, учатся за счет других.

Как, по-вашему, ребята, прав Женя или неправ? Напишите свое мнение.



Привет из СССР

Письмо Калерии Веселовой

Наволоки, Ивановской области, Красноармейская улица, дом 28

Во втором номере журнала «Пионер» мы напечатали письма французских ребят к своим отцам, которые сражаются в Испании. Эти письма прислал нам французский коммунист — боец Интернациональной бригады — Жорж Дрейфус.

Многие ребята прислали нам письма с просьбой

переслать их тов. Дрейфусу. А Коля Жуков из Ленинграда прислал ему в подарок комсомольский значок и портрет товарища Сталина. Письмо Калерии Веселовой к тов. Дрейфусу, которое напечатано в «Почте», мы послали ему вместе с письмами других ребят.

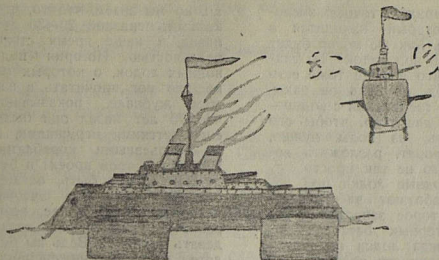
Дорогой товарищ Дрейфус! Вы говорите, что вам никто не пишет, вот я и хочу послать вам письмо. Я давно хотела послать привет героям-республиканцам, но не знала, как это сделать.

Я каждый день читаю в газетах про Испанию. С радостью я читаю строчки, в которых говорится о храбрости республиканских летчиков, о новых победах над мятежниками. Когда я узнаю о зверствах подлых врагов народа — фашистов, — у меня навертываются слезы. Хочется быть там, на фронте, вместе с республиканцами, хочется убивать этих бешеных псов, защищать свободу. Я горячо люблю испанский народ! Не знаю, как передать это. Хотя нас разделяют десятки сотен километров, но мысленно я всегда там. Если бы я была в Испании, то пошла бы на фронт. Я хорошо стреляю, владею противогазом, могу перевязывать раны, умею маскироваться и различать газы.

Я живу в рабочем поселке Наволоки, Ивановской области. Учусь в средней школе, в 7-м классе. Мне 15 лет. Я пионерка. Учусь хорошо. Я стараюсь учиться лучше, потому что стране нужны крепкие кадры. Когда вырасту, я буду летчицей.

Я в школе сказала ребятам, что хочу писать письмо в Испанию. Они просили передать привет Интернациональной бригаде.

Пионерский привет!



Мои изобретения

(Самолет-подводная лодка и корабль с пластинками)

Письмо Коли Быстрова

Москва, 1-й Арбатский пер., дом 2/9, кв. 2

Я придумал, как сделать такой корабль, чтобы он в бурю никогда не мог перевернуться. У него должно быть три толстых мощных пластинки, которые смогут выдерживать большое давление воды. Две из них будут по бокам корабля, а одна — под дном. Как надо расположить эти пластинки, видно на чертеже 1-м. Объем и площадь этих пластинок я еще не установил, потому что я никогда не видел морских пароходов, не видел моря ни в бурю, ни в тихую погоду, а заглазно это высчитать невозможно. Преимущество этих пластинок в том, что они всегда сохраняют прямолинейное положение парохода в воде и он никогда не перевернется.

Кроме этого я придумал самолет-подводную лодку. Идея эта, может, и никуда не годится, потому что, по научным

расчетам, этого сделать нельзя, но, по моему, это все-таки можно сделать, и вот мой проект. Пропеллер самолета (когда он в воде) находится в непроницаемом, брезентовом или резиновом мячике. Крылья могут складываться по корпусу самолета. Это удобно и безопасно. От большого давления кабина летчика может плотно закрыться — тогда летчик надевает скафандр. Из воздушного резервуара, который находится в самолете, за его спиной, в скафандр входит воздух для дыхания. На самолете есть один насос для воды и воздуха, есть водяная и воздушная камеры. Погружаясь в воду, летчик может зажечь электричество; винт приводится в движение мотором самолета. Но сколько может находиться самолет под водой и какая его предельная скорость, я еще не высчитал.

Можно ли осуществить проекты Коли

(Отвечает инженер С. Шерр)

Дорогой Коля! Устройство, которое ты предлагаешь для устойчивости корабля, уже применяется, но не совсем так, как ты вычертил на своем рисунке. На некоторых морских и океанских пароходах устраивают три кили, а киль — это как раз толстая, мощная пластинка, которая проходит подо дном судна от носа до кормы, только все три кили находятся под водой, причем боковые кили расположены не под прямым,

а под острым углом к вертикальной оси корабля.

Ты никогда не видал моря и кораблей, но, видно, тебе очень хочется быть морским инженером. Это хорошо. Кораблестроение — это очень сложная наука. Чтобы ее изучить, надо прекрасно знать математику. Когда ты кончишь десятилетку, ты сможешь поступить в военноморское инженерное училище в Ленинграде, на кораблестроительный факультет.

Теперь о твоей летающей подводной лодке. Пока еще современная техника не позволяет осуществить твой проект: ведь лодка, погружаясь даже на небольшую глубину, должна выдерживать очень большое давление находящегося над ней столба воды. Представь себе, что если твоя лодка опустится на глубину только одного метра, на каждый квадратный сантиметр ее поверхности будет давить 100 граммов, а на ка-

ждый квадратный метр, в котором 10 тысяч квадратных сантиметров, — целая тонна. Чем глубже лодка будет погружаться в воду, тем большее давление должна она выдерживать, а потому стенки корпуса лодки должны быть очень прочные, а следовательно, и тяжелые, а для самолета, даже сделанного целиком из металла, легкий вес — самое главное.

Современные самолетные моторы называются двигателями внутреннего сгорания. Это значит, что внутри цилиндров этих моторов сгорает топливо, обычно бензин. Для горения, как ты знаешь,

нужен воздух, точнее, кислород, который находится в воздухе. Как же мотор будет работать под водой? Ты скажешь, что в воде тоже есть кислород, но ведь он находится в соединении с водородом, и для того, чтобы его получить из воды, нужно, как говорят, разложить воду, а это не так просто.

Подводные лодки под водой работают электричеством, которое запасают в аккумуляторных батареях тогда, когда лодка находится на поверхности воды.

То, что я рассказал тебе, показывает только несовершенство современной техни-

ки, но мы знаем, что то, что казалось сказкой 20—30 лет назад, в наше время стало реальностью. История подводных лодок, о которых ты кое-что мог прочитать в нашем журнале, показывает, что 70 лет назад они были еще детскими игрушками, а не серьезными кораблями. Поэтому и твой проект в будущем, может быть, осуществится. Для того чтобы ускорить это будущее, всем ребятам нужно учиться овладевать техникой. Ведь вы будете учеными, инженерами, моряками и летчиками. И вам предстоит осуществить свои проекты.



Весенняя жизнь трионов

Письмо и рисунки Юры Мейеровича
Северная железная дорога, ст. Лось, 7-й
проезд и.м. Луначарского, д. 6

В апреле лед на прудах уже почти стаял, только посредине плавают еще небольшие льдины. В это время на илистом дне пруда большое оживление.

Тритон мало заметен на фоне старых листьев: надо долго всматриваться в воду, чтобы заметить его. Но весной самец прудового тритона очень красив: серо-коричневый тон спинки переходит на брюшке в яркооранжевый с черными пятнами, а по спине от самых глаз до кончика хвоста тянется пышный зубчатый гребень. Когда тритон плавает, его слабые лапки плотно прижаты к бокам, зато двигается широкий плоский хвост.

Однако эта «брачная» окраска тритона бывает только весной: летом тритон постепенно теряет свой гребень и яркую окраску.

После долгого зимнего сна тритоны оживленно плавают в мутной воде и усиленно охотятся.

Я смотрю в воду пруда и вижу, как по дну, плавно ступая своими лапками и слегка помогая себе хвостом, ползет тритон. Вдруг он увидел красного червячка. Не сводя глаз с червячка, тритон тихо приближается к нему. Он подходит совсем вплотную к мотылю и рассматривает червячка. Потом жадно хватает его. Вода слегка колыхнется и приподымает тело тритона.

Тритоны очень близоруки и часто по ошибке хватают друг друга за хвост или за лапу, так что кажется, что между ними начинается драка.

Тритон не может всегда оставаться под водой: ему нужен кислород. Плотно прижав лапки к бокам, он всплывает вверх,

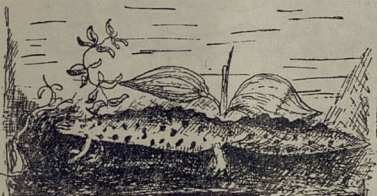
высовывает кончик головы на поверхность и заглатывает воздух. Потом, махнув хвостом, скрывается в глубине.

Весной происходят так называемые брачные игры.

Через некоторое время самка тритона начинает откладывать икру.

Икринки прудового тритона маленькие, диаметром в 2 миллиметра. Самка обворачивает икринку листочками растений, чтобы она была незаметна для мелких рыбьих мальков, хищных жуков и водяных улиток, которые непрочь полакомиться ею.

Проходят дни; солнце сильнее припекает, вода в прудах становится теплее, в икринках развиваются зародыши.



Весенний наряд тритона.

Длина личинки тритона всего 7 миллиметров; брюшко у нее белое, а спинка сероватая. Около головы находятся жабры, которые не прикрыты, как у рыб, жабер-



Самка прудового тритона.

ными крышками и потому называются наружными.

Личинки довольно быстро плавают при помощи своего хвостика, но вначале они очень слабы и могут проплыть совсем немного. Они скоро падают на дно и ложатся на бок. Питаются они в это время различными инфузориями. Растут личинки не так быстро, как головастики лягушек, но все же на 12—14-й день после выхода из икры у них около жабр появляются слабые передние ноги, а затем и задние. Перед превращением личинки в тритона у нее уменьшаются жабры, хвост из плоского превращается в круглый.

Взрослые тритоны постепенно теряют свой яркий, «брачный» наряд и стараются поскорее вылезть на сушу. Теперь самца трудно отличить от самки. На суше тритоны теряют свою ловкость и делают очень неуклюжи. Они заползают глубоко под корни деревьев и выползают оттуда только вечером на охоту.

У меня дома, в аквариуме, жило три тритона, и я сделал много интересных наблюдений над их жизнью.



Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов

Рис. К. Ротова

Бискайский залив прославился бурями и недаром. Не скрою, я испытывал некоторую тревогу, пересекая его, но нам повезло: прошли, как по зеркалу. Зато в Гибралтаре попали в историю: идем неспеша, вдруг что-то свистнуло, ухнуло... Я гляжу: в парусе дырка в полметра, кругом огонь, вода с грохотом вздымается в небо. А справа, наперез нам, несется эскадра...

Ну, я сразу понял: фашисты! Тут пощады не жди. И бой принимать нельзя: при встрече с превосходящими силами противника тактика рекомендует уйти с линии баталии. А тут куда уйдешь? Ветер слабый, и парус с дырой.

Пришло применить военную хитрость.

— Закуривай, ребята! — крикнул я бодрым голосом и достал свой кисет.

Экипаж у меня некурящий, но тут, в напряженной обстановке боя, Лом и Фукс не посмели ослушаться, свернули козышки ножи и принялись дымить. Я тоже раздул свое кадило, и не прошло трех минут, как дымовая завеса плотной стеной скрыла нас от глаз противника.

— Паруса долой, экипажу укрыться в жилых помещениях! — скомандовал я, а сам собрал весь груз потяжелее, связал и на блоке поднял на мачту.

Судно завалилось на левый борт, груз перевесил, и «Беда» опрокинулась вверх килем. Я, понятно, оказался в воде, но сейчас же вылез, лег на корме и выставил вверх свою трубку. Тут нашу завесу снесло ветром, фашистская эскадра в полном составе обнаружилась в расстоянии кабельтова.

И гляжу: с флагманского судна эскадры семафорят: «Метким огнем нашей артиллерии противник уничтожен. Приказываю отступить на исходные позиции, ибо в районе действия флота обнаружена бригада подводных лодок новейшей конструкции. Адмирал дон Каналио».

Едва там разобрали сигнал, фашистские корабли бросились враспынную, как дышла от коршуна. Да и понятно, знаете: «Беда» даже в столь неестественном состоянии сохранила весьма внушительный вид.

Тогда я нырнул, отцепил груз от мачты, и яхта вернулась в нормальное положение. Лом с Фуком вылезли. Спрашивают:

— Ну как?

— Да вот, — говорю, — глядите сами.

А, собственно, и глядеть было нечего: только дымки на горизонте.



Подправили паруса, привели в порядок табун и погнали седелок в порт назначения. А два дня спустя без приключений пришли в Египет, в Александрию.

В древности это был знаменитый город, а в наше время там и посмотреть нечего. Только слава, что страна фараонов, а так и не узнаешь. Порт — как порт: обширная торговля, вывоз хлопка, у набережной глубина 26 футов... Флаг, правда, египетский, но порядки английские, и корабли английские, и полиция английская... Мы отыскали нашего торгового агента и стали сдавать седельки. Когда подсчитали, оказалось, что значительную часть табуна мы растеряли в пути. Я даже несколько огорчился, но зато, когда взяли груз на весы, обнаружилась огромная прибавка в весе. Я был приятно удивлен и не сразу нашел причину этого явления, но потом, поразмыслив, понял: спокойное путешествие, отличный питание, перемена климата, морские ку-

панья — все это укрепляющим образом действует на организм. Ну и, знаете, седельки поправились, наполнили, накопили жирку.

Так что опыт мой удался блестяще, и я, закончив расчеты, решил отдохнуть, проветриться на берегу и осмотреть местные достопримечательности.

Отправились в глубь страны, в пустыню. По пустыне там ходит троллейбус, но в троллейбусе ехать неинтересно, и мы решили воспользоваться местными средствами сообщения. Я сел на двугорбого верблюда, Лом — на одnogорбого, а Фукс — на осла. Получилась довольно живописная группа.

Так, целым караваном, и прибыли в Каир. А в Каире — вот там другое дело. Там настоящий Египет! Там и пустыня Сахара, и верблюды, и финиковые пальмы, и бедуины, а главное — гробницы фараонов, сфинксы и другие памятники древности.



Мы первым делом отправились осматривать пирамиды. Заплатили сколько следует, взяли входные билеты, стреножили животных и пошли. Идем по подземным коридорам. Там, знаете, все так и стоит нетронутым 5 тысяч лет. Обстановка великолепная! Чистота! Электрическое освещение! На каждом перекрестке чистильщик сапог и ларьки с мороженым. В общем неплохо жили покойники.

Ну, прочитали иероглифы, взглянули на золотой саркофаг, на мумию и пошли назад. Вышли, глядим: Фукс пропал. Подождали-подождали — нет Фукса. Собрались размыскивать, а тут он сам бежит навстречу и держится за скуду. Я посмотрел: у него фонарь во всю щеку.

— Кто это вас, Фукс? — спрашиваю я.

— Да я там кусочек саркофага отколупнул на память, а фараон как стукнет! — захныкал Фукс.

— Да вы с ума сошли, Фукс! — говорю я. — Он же мертвый?

— Как же, мертвый! Живехонький, да еще не

один: их там целая рота, этих фараонов.

— Каких это фараонов, египетских?

— Зачем египетских? Английских, вон шагают.

Тут я увидел отряд полицейских и понял, что Фукс прав. Действительно, фараоны самые настоящие: в касках, с дубинками.

Вернувшись на судно я отчитал Фукса.

— Чтобы у меня этого больше не было! — обьявил я. — Никаких «на память», понятно?

Ну, Фукс обещал вести себя хорошо, и мы отправились вверх по Нилу. Кругом лотосы, папирусы, на берегу робкие антилопы, порой попадаются даже львы, в воде фыркают бегемоты. Тут же ленивые черепахи греются на солнце.

Мы достали винтовки, постреляли крокодилов, а к вечеру встали на якорь. На другой день, с утра, пристали к маленькой деревушке. Этот поход по Нилу я предпринял не из праздного любопытства: впереди был трудный путь по Индийскому океану, и я, знаете, решил лучше и подешевле снабдить экспедицию.



Мы высадились на берег и пошли на базар, приобрели пару слоновьих окороков, ящик страусовых яиц, фиников, саго, корицы, гвоздики и прочих приностей. Погрузили все это на яхту. Я поднял отходный флаг и смотрю: опять Фукса нет.

Ждали-ждали, хотели уже без него уходить.

Вдруг вижу: на краю деревни толпа, оттуда доносится смех, вопли. Я заинтересовался, решил взглянуть, подхожу и вижу: Фукс мой в печальном положении. Свернулся комочком, зарыл голову в песок, прикрылся шляпой, а над ним страус. Щиплет его и душит ногами, как футбольный мяч. Ну я, знаете, прикрикнул на этого страуса, он испугался, сел и тоже голову в песок. Так и сидят рядом.

Я взял Фукса за шиворот, встряхнул и водворил на судно.

Оказалось, не подействовало мое внушение, опять согрешил малый: видит, страус гуляет, дер-

нул у него перо из хвоста «на память», ну а страус, даром что робкая птица, а тут вспылал.

Фукс мне и перо показал. Я хотел было вернуть его страусу, но, знаете, не стал задерживаться, а главное, думаю: у страуса новое отрасли, а это будет лучше всяких внушений. Я приказал Фуксу пришить его к шляпе и носить, пока не истреплет. Так он с тех пор всегда и ходил с пером.

Оттуда наш путь лежал вниз, в Красное море, через Суэцкий канал.

В канал вошли утром. Идем. Фукс на носу, вперед смотрящим, я в руле, а Лом подвахтенным: готовит на камбузе завтрак. Он был мастером кулинарного дела и настраивал такого, что на запахах сбежались звери со всех сторон.

Стоит по берегам, смотрят на нас, пускают слюнки. И, знаете, здорово получается. Мы два дела делаем зараз: во-первых, идем, а во-вторых, в непосредственной близости изучаем местную фауну.



Фауна там богатейшая: из Аравии пришли тигры, свфраты, кабаны; приполязля вараны, а с африканского берега — слоны, носороги. Жирафф тоже пришел из пустыни—пронохал—и любитесь созданием человеческого гения. Свесил шею, как порталный край, и идет за нами по берегу. Тут Лом как раз кончил стряпню, вышел из камбуза с блюдом в руках, и животное, знаете, заинтересовалось, лезет мордой прямо в миску. Лом на него кричит, ругается, а жирафф тянется как ни в чем не бывало и уже облизывается. И ничего не поделаешь: я не могу бросить руль, Фукс не видит, а у Лома руки заняты.

— Отступайте, Лом!—приказал я.

— Есть отступать,—ответил Лом и давай питьесь задом в каюту по грану... Ну, а у жираффа знаете, какая шея? А тут он ее еще вытянул и тоже за Ломом в каюту. Лом забился в самый конец, а жирафф не отстает. Слышу, Лом рапортует:

— Дошел до места!

Ну я повял: дело—дрянь, останемся без завтрака.

Тогда я бросил на минуточку руль, захлопнул дверь, придемил жираффу шею. Он уперся всеми четырьмя ногами, выдернул шею из кубрика, выпрямился во весь рост, огляделся кругом, заржал и сполол флюгер.

В Красном море нас здорово потрепало. Налетел самум из Сахары. Жарко, как в бане, страшная духота, и Фукс, знаете, не выдержал, укачался. Он сначала крепился, не показывал виду, а потом сразу сдал. Даже до койки не дополз, улегся тут же, на палубе, на ящике с провизией; лежит, стонет и обмахивается своим пером. Жалко парня, но ничем не поможешь. Морская болезнь — без-опасный, но неизлечимый недуг.

А в остальном все олл райт. Этог самум гонит нас полным ходом, яхта идет хорошо.

Я оставил Лома в руле, а сам пошел вздремнуть в каюту. При моей комплекции в этих широтах лучше нести ночную вахту, а Лом — он и днем стоит, не растает. Ну, а к ночи жара несколько спала, мой старший помощник отправился спать в каюту, я встал в руль, веду судно.



Ночь в тех местах красива до чрезвычайности: вверху луна качается, как фонарь, море горит голубым, таинственным светом, как в сказке. Постоишь час—другой, и ползет в голову всякая чертовщина: разные там ковры-самолеты, драконы, привидения. Я это размечтался, вдруг слышу, Фукс невнятно бормочет что-то. Я прислушался...

Ого, тут уже не морской болезнью, тут тропической лихорадкой пахнет. Бредит, бедняга, шепчет: — Христофор Бонифатьевич, крокодил... Еще крокодил... Еще крокодил...

Ну я, знаете, закрепил руль, спустился в аптечку, достал ему порцию хины, выхожу, а Фукс все не унимается:

— 27 крокодилов, 28 крокодилов, 30 крокодилов...

— Полно, Фукс, будет вам крокодилов считать, слотните-ка лучше! — говорю я.

И только я шагнул, мне под ногу подвернулась

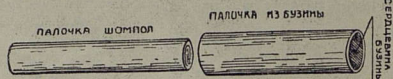
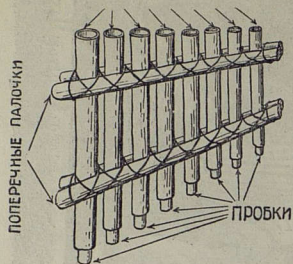
какая-то гадина. Я попытался, растянулся, хину рассыпал. Тут кто-то меня за палец цап! Ну и, знаете, я испугался, закричал. На крик выскочил Лом и, только ступил на палубу, слышу, тоже орет. А Фукс, как часы, считает:

— 45 крокодилов, 50 крокодилов...

Тут есть от чего прийти в панику. Но я взял себя в руки, вскочил, чиркнул спичку и вижу: действительно, вся палуба полна крокодилов. Крокодильчики мелкие, новорожденные и безопасные, по существу, но все-таки, знаете, неприятные животные. С ними я уж не стал деромониться и давай прямо за борт, в родную стихию.

А когда палуба несколько очистилась, я заинтересовался: откуда же это счастье? И вижу: лезут из ящика! Ну тогда я все понял: вместо страусовых яиц нам подсунули крокодилы. А тут жара, да еще Фукс сверху улется, выседел, вот они и полезли.

(Продолжение следует)



Как сделать флейту Пана

Древние греки обожествляли природу. И среди многочисленных древнегреческих богов был пастушеский бог, бог лесов и полей — Пан.

Этот бог обычно изображался на различных фресках и в скульптурах в виде полукозла, получеловека. Туловище, руки и голова у него — человеческие, но ноги — козлиные, на голове у него маленькие рожки, а длинная борода тоже очень похожа на козлиную. В руках у Пана музыкальный инструмент, состоящий из многочисленных тростниковых трубочек разной длины, связанных вместе.

Этот инструмент у древних греков так и назывался — флейта Пана.

Флейту Пана каждый может сделать из нескольких палочек бузины.

Вырежьте из бузины 8 ровных и круглых палочек, по возможности, без сучков. Длина палочек должна постепенно уменьшаться от 30 сантиметров (самая длинная палочка) до 8 сантиметров (самая короткая палочка). Диаметр всех палочек должен быть одинаков: каждая

полтора или два сантиметра.

Когда палочки нарезаны, надо выдавить мягкую сердцевину так, чтобы у вас получились деревянные трубки с ровной и гладкой поверхностью внутри.

Из коротких бузиновых палочек длиной не больше 15 см. сердцевину можно выдавить обыкновенной круглой ровной палочкой-шомполом, диаметр которой должен быть чуть меньше диаметра сердцевины. Торцы круглой палочки-шомпола должны быть плоские, а не заостренные.

В длинных бузиновых палочках сердцевину можно выковырять проволокой, а потом прочистить палочкой-шомполом, чтобы внутренние стенки были гладкие и чистые.

Затем с помощью поперечных палочек свяжите нитками все трубочки так, как показано на рисунке.

Теперь остается только подобрать к каждой трубке небольшую пробочку и настроить все трубки по гамме.

Настраивать нужно так: самую длинную трубочку закройте снизу пробочкой, чтобы не проходил воздух.

Пробку можно сделать из мокрой бумаги. Верхний конец трубки приложите к губам и начните дуть поверх трубки. (На рисунке стрелками показано направление воздуха.)

Трубочка издаст протяжный и низкий звук.

Затем возьмите на рояле звук «до» первой октавы и сравните звук вашей трубочки со звуком «до», взятым на рояле.

Звук трубочки будет значительно ниже чем звук «до».

Тогда протолкните дальше пробочку в нижнем отверстии трубки и снова попробуйте, как звучит трубочка. Звук трубочки стал выше потому, что, продвинув пробку внутрь трубочки, вы уменьшили столб воздуха в трубочке, колебания которого дают звук, а чем меньше столб воздуха, тем быстрее он колеблется и тем выше, значит, получается звук.

Продолжайте вдвигать пробку внутрь трубочки до тех пор, пока звук ее по высоте не будет совпадать со звуком «до», взятым на рояле.

Затем возьмите на рояле звук «ре» первой окта-

вы и точно так же настройте под него другую, рядом находящуюся трубочку.

Потом возьмите на рояле звук «ми», под него настройте следующую трубочку и т. д.

Когда вы настроите все трубочки, то вы будете иметь гамму звуков от «до» первой октавы до «до» второй октавы.

Теперь можно уже на флейте играть несложные мелодии в пределах одной

октавы. Если вы хотите играть на вашей флейте Пана более сложные мелодии, то вам для этого нужно присоединить справа и слева флейты еще по несколько трубочек с более низкими и более высокими звуками.

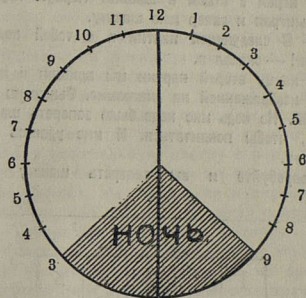
При игре флейта берется в правую руку, прикладывается к губам и передвигается вдоль губ вправо или влево, в зависимости от мелодии.

Если вы хотите, чтобы

на флейте можно было играть не только чистые тоны гаммы (звуки, соответствующие белым клавишам рояля), но и промежуточные — полутоны (звуки черных клавиш рояля), — то между имеющимися трубочками вставьте новые трубочки — полутоны (5 штук) — в таком порядке, как на клавиатуре рояля расположены черные клавиши.

Настраиваются они точно так же, как и чистые тоны гаммы.

Солнечные часы



Солнечные часы сделать очень просто. Возьмите кусок фанеры или доски любой величины, но квадратной формы. Для того чтобы часы не пострадали от дождя, хорошенько покрасьте доску масляной краской. Когда она высохнет, начертите на ней при помощи циркуля круг и обязательно отметьте центр. Затем проведите диаметр. У одного конца его напишите цифру 12. После этого разделите круг на 24 равных части и отметьте их черточками по кругу. Над черточками — влево от цифры 12 — напиши-

те цифру 11, за ней — 10, 9, 8, 7 и т. д. Вправо от цифры 12 напишите цифры 1, 2, 3, 4 и т. д.

Цифра 12 — полдень. Цифры слева — дополуденные часы. Цифры справа — послеполуденные.

В нашей, средней полосе в самые длинные дни солнце восходит после 3 часов и заходит около 9 (21). Следовательно, на нашем циферблате слева от 12 можно остановиться на цифре 3, а справа от 12 — на цифре 9 (см. рис.). Круг, черточки и цифры чертите масляной краской.

В центр круга вбейте

гвоздь немного длиннее радиуса. Шляпку спилите.

Очень важно, чтобы гвоздь был вбит совершенно перпендикулярно, иначе часы будут неверны.

Устанавливать часы следует на открытом солнечном месте. Один конец диаметра (с цифрой 12) должен быть обращен на север, другой — на юг. Это очень важно.

Циферблат устанавливается горизонтально, т. е. параллельно земле.

Вот и все. Тень гвоздя, останавливаясь на цифрах, будет показывать точное солнечное время.



Загадки, задачи, игры и фокусы

П О К В И Т А Л С Я

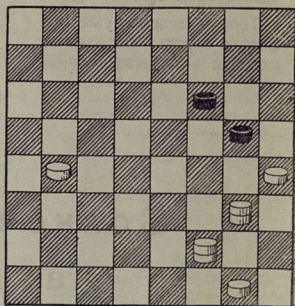
Шашечная задача, прислана школьником
Ушкацем (Москва)

Я играл с отцом в шашки. Первую партию он выиграл и запер мою шашку.

— В следующей партии я с тобой покви-таюсь! — сказал я.

К концу второй партии мы пришли к пози-ции, изображенной на диаграмме. Выигрыш тут ясный. Но ведь мне надо было запереть шашку отца, чтобы покви-таться. И мне удалось это сделать.

Попробуйте и вы запереть шашку чер-ных.



1	2	3	4	5
1	2	3	4	5
1	2	3	4	5
1	2	3	4	5
1	2	3	4	5

Головоломка

В квадрате расставлены циф-ры. Переставьте цифры так, что-бы сумма каждого вертикально-го, горизонтального и диаго-нального (только по большим диагоналям) ряда равнялась пят-надцати.

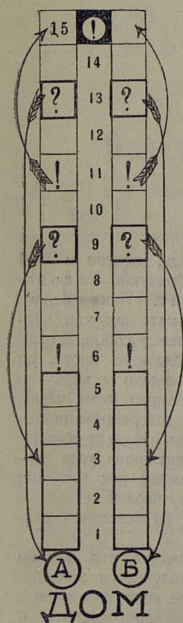
Два дома

В первом доме живут ребята из одной школы: Маня и Ваня. Маня живет на третьем этаже, а Ваня на шестом. Во сколько раз Ваня живет выше чем Маня? Этот дом стоит где-то в Москве...

Второй дом гораздо удиви-тельнее: у него, кроме обычных этажей, есть еще подземные этажи. Так вот, в третьем под-земном этаже живет Берта, а в шестом, тоже подземном, этаже Фриц. Во сколько раз Фриц жи-вет глубже Берты? Где стоит этот дом, мы точно не знаем...

Э т а ж и

(Настольная игра)



В эту игру играют двое. Один ставит свою фишку (кусочек спички, комочек бумаги и т. п.) в кружок «А», другой — в кружок «Б». Из связной бумаги, в какую обертывают шоколад, надо скатать шарик.

Вот и все приготовления. Можно начинать игру.

Прежде всего надо отправиться в тир — бросить в квадрат с цифрами шарик. Если шарик упал в квадрат, то, на какую бы цифру он ни закатился, играющий ставит свою фишку в первый этаж дома. Если шарик упал в центральную клетку или вне квадрата, фишка остается в кружке, а стреляет другой игрок. Стреляют вообще поочередно.

Когда фишка попала на первый этаж, вы начинаете путешествие по этажам. Пока фишка не выберется из первых пяти этажей, игроки очень стеснены: нельзя попадать в пятерку, а если и попали в нее, то это не считается и фишка остается на месте, нельзя устраивать всяческие неприятности своему противнику.

Но вот фишка выбралась из первых пяти этажей. Если она сразу попала в шестой, то оттуда вы без труда попадаете на лифте в десятый этаж. Точно так же одиннадцатый этаж связан лифтом с пятнадцатым.

Зато беда, если попадешь на девятый или, еще хуже, на тринадцатый этаж! Эти этажи соединены лифтами, двигающимися только вниз: из девятого этажа вы спускаетесь в третий, а из тринадцатого и во-

все в кружок, т. е. начинаете игру сначала.

Цель игры — попасть в смежный с пятнадцатым этажом кружок с восклицательным знаком. Попавший туда считается победителем. Однако попасть туда нелегко: необходимо «выстрелить» ровно столько

очков, сколько не хватает до этого желанного кружка. Так например, если вы находитесь на двенадцатом этаже, вам необходимо выбить ровно четыре очка, на пятнадцатом — одно и т. д. Если вы выбили больше, двигаться вы не можете.

Если, стреляя в тир, вы попали шариком в центральную клетку с вопросительным знаком, то, где бы ни находилась ваша фишка, вы ставите ее в первоначальный кружок и начинаете игру сначала.

Теперь о сюрпризах, которые можно учинять во время игры своему противнику: как только вы выбрались из пределов первых пяти этажей, вы имеете право двигать не только свою фишку, но и фишку противника. Причем свою фишку можно двигать только вперед, фишку же противника — и вперед и назад, как вам выгоднее. Допустим, что ваша фишка находится на восьмом этаже, а фишка противника — на десятом. Ход ваш, и вы выбили три очка. Вы можете продвинуть свою фишку, попасть на одиннадцатый этаж и оттуда немедленно взлететь на лифте на пятнадцатый. Это выгодно. Но еще выгоднее продвинуть на три этажа фишку противника: она попадет на тринадцатый этаж, а оттуда слетит вниз, в кружок, и противник должен будет начинать игру сначала!

Или еще пример: ваша фишка — на четырнадцатом этаже. Фишка противника — на десятом. Вы выбили одно очко, но гораздо выгоднее двинуть фишку противника на этаж вниз, и она слетит в третий этаж! Иногда выгодно двинуть фишку противника назад, даже если он при-

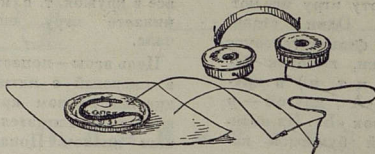
4	3	1	3	4
2	1	5	1	2
1	5	?	5	1
3	1	5	1	3
4	2	1	2	4

ТИР

этом и не попадает в особые неприятности. Например ваша фишка — на пятнадцатом этаже, фишка противника — на двенадцатом. Вы выбили пять очков. Двигаться вперед вы не можете, зато можете

спустить противника на пять этажей вниз, т. е. на седьмой этаж.

Во время игры вам самим придется решать, что выгоднее: двигать ли свою или неприятельскую фишку?



Заколдованный червяк

Обыкновенного дождевого червя легко «заколдовать» так, что он никак не сможет уползти с заколдованного места.

Возьмите обыкновенную пятикопеечную монету, лучше всего старого образца — медную. Слегка смочив ее столовым уксусом с одной стороны, положите мокрой стороной на какой-нибудь железный или жестяной лист. Теперь осторожно положите на середину монеты дождевого червя. Червяк, конечно, сейчас же начнет делать попытки уползти с монеты в более удобное для него место.

Но не тут-то было!

Как только он начнет сползать с монеты и коснется железного листа, так сейчас же невидимая сила заставит его резко отдернуть свое тело назад и вернуться на монету.

Он будет делать такие попытки много раз, пока, должно быть, не придет к заключению, что с монеты уйти нельзя. Тогда он спокойно уляжется по середине монеты и будет ждать, покуда вы сами не снимете его.

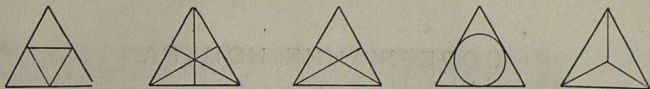
Чем же объясняется такое колдовство? Объясняется все это электрическим током, который начинает проходить через тело червя в тот момент, когда он касается одновременно двух металлов: меди и железа.

Дело в том, что медь, железо и слой уксуса между ними образуют гальванический элемент. Пока червяк сидит на монете, тока нет, так как медь и железо не соединены между собой. Но как только он коснется железного листа, он соединит своим телом железо и медь — и ток начнет проходить через тело червя. Ток этот очень слаб и совершенно нечувствителен для наших рук. Но для маленького да еще вдобавок влажного тела червяка даже и такой слабый ток довольно чувствителен: вот почему червяк сейчас же отдергивает свое тело от железной пластинки.

Для того чтобы убедиться, что в этом случае действительно получается электрический ток, возьмите две коротких медных проволочки и концы их присоедините к медному пятаку и к железному листу; два других конца проволочек возьмите на язык. Вы сейчас же на языке почувствуете кислый вкус и легкое покалывание от электрического тока.

Еще лучше, если вы концы проволочек приложите не к языку, а к клеммам наушников от радио: в момент соприкосновения проволоки с клеммами вы услышите сильный шорох и скрежетание. Это вызвано электрическим током.

Равносторонний треугольник



Так надо разделить треугольник.

Перед уроком

I. Мат в 5 ходов достигается так:

1. Кс4 : f6 + Крг8 — f8 (конечно, не gf, на что следует 2. Фh4 : h7 + и 3. Фh7 — g7 ×)

2. Кf6 : h7 + Кpf8 — g8

3. Kh7 — f6 + g7 : f6 (на 3... Крг8 — f8 следует 4. Фh4 : h8 ×)

4. Фh4 — h7 + Крг8 — f8

5. Фh7 — g7 × (или Фh7 : h8 ×)

II. Мат в 3 хода гораздо эффективнее:

1. Фh4 : h7 + !! Крг8 : h7

(если 1... Крг8 — f8, то 2. Фh7 : g7 ×)

2. Кс4 : f6 + Кph7 — h6

3. g4 — g5 ×.

Шахматную задачу первыми решили: Яша Эстрин (Москва), Толя Коваленко (Одесса), Ада Гириинс (Москва), Юра Митин (Рыбинск), Юра Смольников (ст. Трубецкая, Азово-Черноморского края).

18 = 27

В заблуждение Боря пытался ввести тем, что сократил уравнение на ноль (3 — 3), а этого делать нельзя.

Географическо-зоологическая задача

НАЗВАНИЕ СТОЛИЦ: Москва, Париж, Берлин, Лондон, Мадрид, Рим, Лиссабон, Вена, Прага, Стокгольм, Осло, Гельсингфорс, Брюссель, Амстердам, Варшава, Рига, Таллин, Каунас, Будапешт, Бухарест, Белград, София, Афины, Берн, Копенгаген, Люксембург, Тирана.

ПЕРВЫЕ БУКВЫ НАЗВАНИЯ: а, б, в, г, к, л, м, о, п, р, с, т.

НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ, СОСТАВЛЕННЫЕ ИЗ ЭТИХ БУКВ: корова, собака, вол, кот, волн, барс, крот, ласна, лама, галка, сорока, сокол, сова, сом, карп, рак, краб, кобра, комар, клоп, оса.

Шуточные вопросы

1. Мел-итополь.
2. Р-она и Д-он.
3. Фа-сад.
4. И-Волга.
5. В «О» — «7» или «восемь».
6. Ми-ля-ми.

Два бревна

Многие решили, что по весу бревна одинаковы. Между тем это не так. Толстое бревно не вдвое толще тонкого, а ровно четверо. Вдвое больше только диаметр. А раз так, то толстое бревно вдвое тяжелее тонкого.

Это нетрудно проверить, так как мы знаем, что площадь круга равна πr^2 . Вычисляйте площади сечения толстого и тонкого бревен и сравните их.

Попробуй освободиться

Освободиться очень нетрудно: оттяните петлю и пролезьте в нее, после чего никакой петли не останется и шпагат выскользнет из петли куртки.

ПРАВИЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ НА ВСЕ ЗАДАЧИ ПРИСЛАЛИ ПЕРВЫМИ:

Зюня Мильгром и Макс Беренштейн (г. Каменец-Подольск), А. Гутафель (Москва), Юра Митин (Рыбинск), Вита Булгаков (Белгород), М. Ильин (Нустанай).

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

К Северному полюсу	III
Как мы отправляли экспедицию	VIII
Сказка про Тошиного сына— <i>Радуде М. Стийенский. Перевод с сербского А. Штейнберга.</i> <i>Рис. Ю. Кискачи</i>	1
Зорче, товарищи!	5
Канал Москва—Волга— <i>В. Шкловский</i>	18
Вашингтон Ирвинг	11
Завещание мавра— <i>Сказка Вашингтона Ирвинга. Рис. П. Митурича</i>	19
Как Русь отразила иноземцев— <i>Проф. С. В. Бахрушин</i>	31
Рассказы о мужестве и находчивости— <i>А. Рыклин. Рис. П. Кузьмичева</i>	43
Поль де Крюи— <i>В. Сафонов</i>	52
Открытие доктора Дэвидсона— <i>Поль де Крюи. Перевод О. П. Червонского</i>	54
Витязь в тигровой шкуре— <i>Шота Руставели. Перевел и обработал Н. Заболоцкий</i>	59
Солнечная Грузия	65
Джура и Тэке. Часть 2-я— <i>Повесть Ю. Тушкана. Рис. В. Цельмера</i>	69
Спорт	103
Дороги через сто лет— <i>Ю. Петровский</i>	104
ПОЧТА:	
„Подвиг“— <i>Рассказ Юры Папкова</i>	107
Испытания— <i>Письмо Жени Лютикова</i>	111
Привет из СССР— <i>Письмо Калерии Веселовой</i>	112
Мои изобретения— <i>Письмо Коли Быстрова</i>	113
Можно ли осуществить проенты Коли— <i>Ответ инженера С. Шерр</i>	113
Весенняя жизнь тритонов— <i>Письмо и рисунки Юры Мейеровича</i>	114
Приключения капитана Врунгеля— <i>А. Некрасов. Продолжение. Рис. К. Ротова</i>	116
Самодельки— <i>Как сделать флейту Пана. Солнечные часы</i>	122
Загадки, задачи, игры и фокусы	124

На обложке: картина И. Вильковир „У карты Испании“.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР	Отв. секретарь В. Поддубная	Худ. редактор М. Аскинази
Зам. редактора В. Фраерман		
Сдано в набор 17/IV 1937 г.	Подписано к печати 13/V 1937 г.	Изд. № 378
Уполномоченный Главлита № Б—10767. 82×110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.		
Типография газеты „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 854. Тир. 90 000		